

Милана Смоленская

*Поэзия
опыта*

Poetry of Experience

Милана Смоленская
Поэзия опыта.
Poetry of experience

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27613425
ISBN 9785449000705*

Аннотация

Бриллиантовой девочке, огранённой жизнью, уже 22. Chanel – её образ мысли, Dior – её настроение. Миллионов на счету стало больше, а дорогих сердцу людей всё меньше. И нет рядом того единственного, в чьих глазах хочется быть лучше. Мечтая о нём, принцесса Милана влюблялась, примеряла хрустальные туфельки, белые платья и титулы, меняла кольца с бриллиантами и геолокации... И вот лучшая подруга-фея и щедрый на роскошные сюрпризы шейх-чародей решили, что пора вмешаться, и подарили ей настоящую сказку.

Содержание

Серия книг Smolenskaya. Moscow	7
Part 1 #2012—2013 #LA #Сан-Франциско	8
#Париж #Нью-Йорк #Ибица	
Он писал о ней песни, а она зависела от славы	8
Мы не можем не любить друг друга – мы же так сильно любим себя	14
Я ничего не хочу демонстрировать. Я устала играть. Хочу жить!	20
Я не готова любить, и потому мне нужен Джей. Люблю его, как себя	25
Мы оба не дотягиваем до идеала верности: он изменяет мне, я – себе	33
Мы не любим – мы обладаем и получаем свой эгоистичный кайф	39
Неспящая красавица, служа имиджу, стала тусовщицей	46
Милана любит жить напоказ – на людях она всегда сияет ярче	52
Любовь случилась через год отношений. Такое возможно?	56
Необычные дни надо проживать необычно	63
Лучший мужчина – тот, с кем ты становишься лучше	70

– Я не нравлюсь твоей бабушке. – Я тоже. Мы идеальная пара	77
– Ты самый лучший! – Я единственный	82
– Джей, я сейчас не готова любить. – Захочешь солнца, приезжай	87
Мне с собой удобно. Только пусто. Думаю о ДЖее и ужасно скучаю	91
Я уже пропустила то время, когда можно и нужно было вернуться	98
Потеряла веру в лучшее и любовь – такую меня не люблю даже я	104
С такой фигурой можно быть душой...	107
Максимы у нас по ходу не случилось – ни в отношениях, ни в жизни	111
Безнадёжно влюблённая, я банкрот собственного безрассудства	117
Надо позвонить ДЖею. Нет, надо прилететь в Лос-Анджелес. Срочно!	121
Смерть так внезапна, и радость так конечна...	127
Part 2 #2013 #Москва #Дубай #Абу-Даби	135
#Фуджейра	
Даже не сказала «спасибо». И это не исправить...	135
Просто никто никогда не увидит меня сломленной	141
Все мы рождены не зря. Важно помнить	149

об этом	
Пора вести себя в соответствии со своим возрастом и статусом	155
Я теряю всё, что люблю. Потому что я дура	160
Джей дал мне свободу, чтобы я смогла понять, что такое жить без него	164
Are you kidding me?! Tony is the boss!	171
Эта утрата непосильна для моей издержавшейся души	177
Антоний – босс, а я модель. Надо купить что- то вкусное Брузеру	182
Она слушала родной голос и молча глотала дождливые слёзы	185
Антоний признал, что у них намного больше общего	189
Неуверенные люди не водят Гелендваген	193
Мне пора стать той собой, которой я могу быть довольна	200
Ты модель, дизайнер и ты встречаешься с Джеем	205
Моя лучшая подруга, чудом найденная в циничном мегаполисе	211
В твои обязанности входит составить мне дружескую компанию	217
Конец ознакомительного фрагмента.	220

Поэзия опыта

Poetry of experience

Милана Смоленская

© Милана Смоленская, 2017

ISBN 978-5-4490-0070-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Серия книг Smolenskaya. Moscow

1. «Поэзия Невинности» / «Poetry of Innocence» (2006—2007; доступна к чтению на сайте <http://Smolenskaya.Moscow>)
2. «Мечты и Звёзды» / «Wishing on Stars» (2008)
3. «Поиски Пути» / «Searching for a Way» (2008—2009)
4. «Разум или Чувства» / «Sense or Sensibility» (2009—2010)
5. «Возвращение к Истокам» / «Journey to the Past» (2010)
6. «Суррогат Любви» / «Substitute for Love» (2010—2011)
7. «Поэзия Опыта» / «Poetry of Experience» (2012—2015)

Роман Smolenskaya.Moscow основан на реальных чувствах и событиях. Имена героев, по понятным причинам, вымышлены. Любые совпадения с реальными личностями абсолютно случайны.

Part 1 #2012—2013 #LA #Сан-Франциско #Париж #Нью-Йорк #Ибица

*«For aught that I could ever read,
Could ever hear by tale or history,
The course of true love never did run smooth¹»*
У. Шекспир «Сон в летнюю ночь»

Он писал о ней песни, а она зависела от славы

Лето 2012

Саундтрек эпизода: One Republic – «Everybody Loves Me»

Эффектная блондинка в откровенно лёгком платье вышагивала по танцполу модельной походкой. Её волосы были собраны в высокую причёску, обнажённая спина ожидала прикосновений. Поклонники медлили в нерешительности, расступаясь и следуя за ней взглядами, полными надежд.

¹ «Я никогда ещё не слышал и не читал — в истории ли, в сказке ль, — чтоб гладким был путь истинной любви»

Из толпы оробевших воздыхателей выступил симпатичный самоуверенный шатен, одетый по последней клубной моде, и, вплотную подойдя к девушке, дважды коснулся её спины, легко постучав между лопаток подобно тому, как лайкают фотки в Instagram. Она обернулась и просканировала его профессионально быстрым взглядом. В её больших безразлично зелёных глазах, окаймлённых чёрной подводкой, промелькнуло раздражение.

– What do you want?² – холодно поинтересовалась она.

– I like you³, – улыбнулся он.

Пухлые алые губы изогнулись в насмешливой улыбке:

– Like but don't follow⁴.

Музыка заиграла громче, на заднем плане сменяли друг друга кадры роскошно пустых дней модели, превратившей свою жизнь в Instagram аккаунт, а Джей Джонс повествовал о модных порядках и современных отношениях в своей фирменной ритмичной манере. Надменная блондинка появилась в конце клипа, подошла к нему и сказала:

– Jay, is this real?

– Heart shaped feelings, baby.

Он притянул её к себе и поцеловал. Они покинули клуб, провожаемые тяжёлыми ревнивыми взглядами, и уехали в звёздную ночь на белом Lamborghini Murcielago LP640

² Что хочешь?

³ Ты мне нравишься.

⁴ Лайкай, но не фоллуй.

Versace.

С тех пор прошёл год. За это время и шатен, и блондинка успели многого добиться и вызвать не один приступ зависти у своих многочисленных фолловеров.

Джей Джонс записал новый альбом, «Like But Don't Follow» попала в десятку хитов чарта Billboard, а Милана Смоленская заработала вожделенный миллион долларов, выведя свой интернет-магазин на стабильно прибыльный уровень и выпустив собственную капсульную коллекцию клубной одежды, которая была распродана за месяц, благодаря успехам новых клипов Дджея.

Милана и Джей встречались регулярно – то в Лондоне, то в Нью-Йорке, то в Лос-Анджелесе, то в Монако, то в Сен-Тропе, то в Милане, то в Париже... Он звал её наркотиком своего вдохновения и писал о ней песни, а она зависела от славы, которую обретала вместе с ним. Деньги и поклонники кружили голову подобно волшебной карусели, и Милана наслаждалась галлюцинаторным переживанием исполнения своих затаённых желаний, не вникая в собственную жизнь, всё больше напоминая кино.

Её стали узнавать гораздо чаще, люди теперь следовали за ними с Джемом не только в социальных сетях, но и на улицах, фотографируя и прося автографы. Несмотря на неожиданные нападки папарацци, у этой юной звёздной пары

не было ни одного неудачного кадра – Милана всегда сияла самой фотогеничной улыбкой, а Джей был верен своему публичному имиджу и картинно слал всех куда подальше.

Молодые богатые и знаменитые, они любили друг друга красиво и модно. Их ненавидели, им подражали, их осыпали оскорблениями и восхищениями, им слали подарки, звали на вечеринки и показы, приглашали в рекламу...

Джей сделал себе новую татуировку, нанеся на плечо имя своей возлюбленной, которая больше не экспериментировала с нательными рисунками, соблюдая условия контрактов. Милана уверенно продолжала строить свою модельную карьеру. Она дважды позировала Демаршелье, но не прекратила сниматься вопреки данным себе обещаниям. Фотосессии для «Elle», «Harper's Bazaar», «Vogue», «Marie Clair», «Cosmopolitan» и «InStyle» дополнили её портфолио, она часто попадала на страницы глянца как образец стиля или гостя вечеринок, давала интервью как девушка Джея Джонса, и, откинув в сторону все опасения, открыла два показа на весенней Неделе высокой моды.

Сплетники старательно преувеличивали всё, что видели. Чаще всего под удар попадали губы и грудь Миланы. Обвинения в пластике сыпались в Formspring намного чаще комплиментов. Милана отвечала с выгодой для себя – рекламировала марку нижнего белья, благодаря которому обрела свои пышные формы, и блеск для губ, увеличивающий объём. Джей знал правду, а доказывать что-либо другим Мила-

на считала изматывающей и заранее проигрышной затеей.

Популярность, случившаяся ожидаемо внезапно, привела к тому, что некоторые дела Миланы резко взлетели, достигнув звёздных высот, а некоторые потяжелели и стали неповоротливыми в решении. С трудом получив степень бакалавра, она отправила свой Bentley и часть вещей в Москву, навсегда покинула лондонскую квартиру и перебралась к Джею в Лос-Анджелес, где быстро стала своей, при этом оставаясь чужой, потому что была собой и была необычной.

Круг её знакомых стремительно расширился за счёт временных людей, игравших важные роли, и друзей Джея. Со своими московскими друзьями Милана почти не общалась, утратив былое взаимопонимание. Камила завидовала шумно и колко, Лейла и Гена Смирнов молча наблюдали со стороны.

Один лишь Антоний спокойно относился ко всем творческим поискам своей сестры, убеждённый в несерьёзности её отношений с Джеем. «Ты не влюблена – тебя влечёт успех», – говорил он, а Милана горячо возражала, вызывая у брата ироничную улыбку. В целом же он хвалил её за успехи в бизнесе, и она была ему благодарна за честность и искренность, по которой голодала так же сильно, как по сладостям, нормальной учёбе и спокойной жизни Миланы Гусевой.

Журналисты быстро расставили точки над «i», и она больше не могла скрываться под своей скромной фамилией Guseva. С Джеем Джонсом встречалась не простая модель,

а Milana Smolenskaya – русская Пэрис Хилтон, модная бунтарка и наследница многомиллионного капитала. К большому удивлению Миланы, деду нравилась эта популярность, благодаря которой рекламировались семейные отели.

Он даже посетил США с деловым визитом и заехал в Лос-Анджелес, чтобы встретиться с отцом Джея. Переговоры привели к обсуждению пышной свадьбы, которую Говард Джонс предлагал провести в Лас-Вегасе. Ни Милана, ни Джей не думали о женитьбе, поэтому детали торжества совершенно не интересовали их, и дата бракосочетания растворилась в неясности жаркого калифорнийского лета.

С Дэни Милана не общалась.

Мы не можем не любить друг друга – мы же так сильно любим себя

22 июля 2012

На террасе повисло душное лето. Кожа, покрытая золотом, благосклонно принимала ласки вечернего солнца. Ровный шум прибоя, доносившийся с океана, помогал спокойно воспринимать все старания фотографа.

– А теперь поцелуйте её. Нет-нет, в щёку, не в губы. Вот так.

Вспышка, снято. Джей психует, чувствую это.

– Не прижимайте так, вы мнёте платье.

Новый кадр нашей счастливой истории. Вот так мы любим друг друга. Пластиково.

– Потрясающе смотрите! Потрясающе! – воскликнула Сара, координатор съёмки.

– Да, мы в курсе, – раздражённо отреагировал Джей.

Милана мило улыбнулась, на опыте убедившись, что лучше ничего не говорить в такие моменты.

Да, Сара, спасибо, мы в курсе. Об этом вся наша любовь. Мы звёзды шоу-индустрии, и всё у нас на показ. Растворяемся в проходящем и временном, не строим своё счастье, а ищем внешние радости и совершенно не знаем друг друга. Вечера всегда проводим в клубах, днём работаем, занимаем-

ся спортом, встречаемся с друзьями и практически не пересекаемся. Нам сложно быть вдвоём, потому что в наших отношениях уже давно нет нас.

Если очистить наши чувства от всей показухи и оставить нас с Джеем на необитаемом острове без жадного внимания фэнов, мы утонем от своей безысходности, и любовь нас не спасёт – её ведь не перед кем будет демонстрировать.

У нас уже не любовь, а затянувшийся самообман. Самообман, без которого я больше не могу жить, ведь он стал неотъемлемой частью меня. Той меня, которой мне так нравится быть. Давно уже в плену у собственного имиджа.

Но я скучаю по тем чувствам, которые когда-то объединили нас и которые со временем всё больше растягиваются, подобно жевательной резинке, теряя вкус, форму и былое качество и не наполняясь ничем новым. Нам теперь всё чаще приходится казаться влюблёнными, потому что становится сложно ими быть. Странная обречённость, превратившаяся в профессию...

Мы идеальные, и мы любим друг друга красиво и страстно, играем в чувства, позируем и воплощаем чужие мечты. Легко делать то, что знаешь. Особенно, когда успех предсказуем. Легко потрясающе смотреться, легко снова и снова надевать знакомый образ, улыбаться, включать радость, когда нужно, и выключаться, оказавшись в тишине, в тени, покинув свет.

Сложнее потом слой за слоем снимать грим, без него выглядишь незащищённой и не такой, изменившейся. Не такой, как привыкли другие, не такой, как хочется самой. Когда я в последний раз была собой?

Милана осушила стакан воды. *Алкоголь ни к чему, когда предстоит ещё один выход.*

– Вы будете завтра в «Воа Steakhouse»? – спросила Сара.

– Да, – односложно ответил Джей и, обняв Милану за талию, повёл её к выходу.

Она обернулась, послав извиняющуюся улыбку Саре, и прильнула к Джейу, предчувствуя неминуемое грядущее. Джей слишком долго ничего не сочинял, и это означало, что со дня на день должна была разыгаться новая сцена нервной драмы, на которой держалась их потрясающая любовь.

Они освежали свои отношения бурными ссорами, после которых Джей получал мощный импульс вдохновения и начинал рифмовать свежие строки, а опустошённая Милана ехала в клуб – давать эксклюзивные интервью новым подругам и знакомым барменам. Джей забирал её под утро, возвращал домой, дарил что-нибудь красивое и нежно целовал, называя своей музой и принося привычные извинения.

Милана охотно прощала, и вместе они обсуждали новую песню, спорили и пели, валяясь в постели и не отвечая на звонки. Обиды забывались так же быстро, как высыхали слёзы, смех вытеснял всё плохое, и в этом контрастном ритме проходило первое лето независимой взрослости Миланы

Смоленской.

– Мне понравилось, а тебе? – Милана села в его красный кабриолет Ferrari.

Джей молча включил свою музыку и начал напевать бес-
связные строчки знакомых ей песен. Милана посмотрела
на него.

– Мне очень нравится быть с тобой, – сказала она, при-
выкнув озвучивать ему свои мысли.

– Заткнись, – посоветовал Джей.

Милана послушно замолкла.

– Нет. Лучше говори, – попросил он через пару мгнове-
ний.

Она улыбнулась и, откинувшись на сидении, посмотрела
в небо, багровеющее поздним июльским закатом.

– Хочу сделать новую коллекцию, – мечтательно произ-
несла она.

– Сделай.

– А мы поедem в Лондон? – спросила Милана, заметив
тонкий растущий полумесяц и вспомнив о своих планах.

– Что?

*Джей постоянно переспрашивает не потому, что не слы-
шит, а потому что ленится вслушиваться и вникать. Он
всё время зависает в мире своего эго, и другие ему не инте-
ресны.*

– Мы поедem в Лондон? – Милана терпеливо повторила
свой вопрос.

– Зачем? – Джей взглянул на неё сквозь свои глянцево-чёрные Ray-Ban.

– Я же тебе утром говорила. 27-го будет открытие летних Олимпийских игр, и у нас есть билеты.

Он кивнул, затем вдруг спросил:

– Что есть?

– Би-ле-ты, – по слогам произнесла Милана. – Пой свои мысли вслух, пожалуйста.

Он улыбнулся.

– Лучше расскажи, как сильно ты меня любишь.

– Ты такой смелый, – Милана покачала головой.

– Да, детка, продолжай...

Джей не оценил сарказм, прозвучавший в её голосе. Милана вздохнула и начала озвучивать чувства, о которых ей с каждым разом становилось всё сложнее говорить.

Если есть любовь, то отношения переполняет жизнь, энергия и лёгкость. Если её нет... То и отношений, по сути, нет. Чем активнее используешь чувства, тем меньше их остаётся, если их не восполняет взаимность. Пусто мне. Довольствуюсь красивыми словами, внешними проявлениями любви и чужой завистью, тешащей тщеславие.

– У тебя завтра кастинг, – вдруг сказал Джей, перебив Милану на полуслове.

– Что? – переспросила она.

– Отец организовал тебе кастинг, – медленно выговорил Джей. – Продолжай.

– Что? – спросила Милана, окончательно сбитая со своей волны вдохновения.

– Мне понравилась строчка про лунные ночи, сухие слёзы, пустые слова и громкие прикосновения.

– Я этого не говорила, Джей.

Он кивнул и улыбнулся ей.

– Да, это сказал я – тебе такую гениальность не приписываю. Но ты рассуждай, Милана, мне это нравится.

Милана задумчиво улыбнулась в ответ, отвлечённая мыслями о кастинге и лунных ночах. Опустевшие отношения вдруг снова наполнились свежими надеждами. Юный хрупкий месяц мягко сиял в калифорнийских сумерках, вселяя веру в светлое будущее. Сердце, привыкшее обманываться, забилось в ритме сладостных грёз.

Мы с Джейем так похожи, что не можем не любить друг друга – мы же так сильно любим себя!

Я ничего не хочу демонстрировать. Я устала играть. Хочу жить!

23 июля 2012

Наши отношения сотканы из сценариев его клипов. Мы играем то, о чём грезим, а потом проживаем каждую сцену, воплощая в жизнь то, что пользуется таким успехом на YouTube и MTV. А после титров начинается самое сложное – надо чем-то заполнить пустоту.

Китайская ваза звонко разлетелась на осколки.

– Истеричка, – оценил Джей.

Во время ссор они часто менялись ролями. Иногда Джей кричал на Милану, нервно мечась по гостиной, а порой она жила в образ и перенимала его манеру поведения. Теперь Милана расхаживала взад вперёд по просторной комнате, выстукивая ритм своего раздражения каблуками новых сверкающих лабутенов, а Джей стоял у высокой витрины, за которой плавно погружался в вечерние сумерки недремлющий Лос-Анджелес, и спокойно наблюдал за ней.

– Как ты мог? – начала она, перешагнув через осколки и остановившись напротив него.

– В чём проблема? – лениво поинтересовался Джей.

Он смотрел на неё, улыбаясь и поигрывая своими мускулами. Милана искренне пожелала, чтобы он одел футболку.

Его самоуверенность странным образом действовала на неё, успокаивая нервы и переключая мысли на привычный лёгкий лад.

– Я играла многие роли, примеряла всякие маски, но быть русской шлюхой никогда не соглашусь! – горячо воскликнула Милана, не глядя на него.

– Ты неправильно поняла свою героиню, – мягко сказал Джей. – К счастью, голливудский кастинг – не театр масок.

– Поясни!

– В Японии в эпоху Эдо актёров за испорченное представление могли приговорить совершить харакири или сослать на далёкие острова...

Милана громко фыркнула и села на низкий диван, о чём тут же пожалела, взирая на Джея почти с пола. Он возвышался над ней, невозмутимо вальяжный в своём состоянии вечерней задумчивости, во время которого набирался энергии для бессонных клубных ночей.

– Да расслабься. Кто ж знал, что ты такая патриотка.

Джей подал ей руку. Милана отвернулась, скрестив руки на груди.

– Ты меня не любишь. Ты меня даже не знаешь. И не спешишь узнавать.

– В кино не попала – драмы хочешь? – Джей посмотрел на неё сверху вниз.

– Тебе видней, – сказала Милана, глядя на свои плотно переплетённые пальцы. – И не хотела я эту роль!

– Одевайся, мы едем в «Воа».

Он вновь вернулся к созерцанию закатного неба. Милана неловко встала с унизительно оранжевого дивана, приобретенного Кэмерон, юной пассией свежеразведённого отца Джея. Обновлённый интерьер вызывал у Миланы устойчивое отторжение.

– Я никуда не поеду! – неожиданно громко заявила она.

Не знаю, круто ли это – быть русской. Круто быть мной, да. Но я вообще ничего никому не хочу демонстрировать. Я устала.

Джей удивлённо посмотрел на неё.

– Что это значит?

– То и значит, что я никуда не поеду.

Милана взглянула на осколки разбитой вазы, сгрудившиеся около неуместно тяжёлого в своей антикварности журнального столика, и ощутила неподдельно острое желание испытать подлинные чувства. *Устала играть. Хочу жить!*

– Ты поедешь со мной, – твёрдо сказал Джей, приблизившись к ней. – Нас там ждут.

– Поезжай один, – Милана отошла в сторону. – Я устала.

– Пойдём, сделаю тебе коктейль, – он взял её за руку.

– Джей, я не хочу пить! – сказала Милана, высвобождая свою руку.

– Да что с тобой?

Джей смотрел на неё с искренним непониманием. *Неужели заметил меня? Wow.*

– Я чувствую себя оскорблённой, Джей.

В первую очередь, тобой.

– Милана... – он провёл рукой по волосам, поправляя свою небрежную укладку, на которую обычно тратил не менее получаса.

– Мне надо побыть одной, – сказала Милана и удивилась тому, как театрально прозвучала её фраза.

– Нам надо побыть в «Воа», – Джей вновь приблизился и обнял её за талию. – Мы поедем туда, и тебе станет весело, вот увидишь.

– Тебе по жизни весело, – сердито буркнула она. – А я не могу так, Джей.

– Как?

Его ореховые глаза смотрели на неё, замечая осыпавшуюся тушь, нервно сузившиеся зрачки и золочённые помадой губы. Они скользили по её лицу, не заглядывая в её душу, тревожно бурлившую за изумрудными окнами.

– Не могу сейчас улыбаться, – призналась Милана, желая и в то же время страшась покинуть тепло его объятий.

– Я подарю тебе улыбку, хочешь?

Он поцеловал её, прижимая к себе.

– Хочу, – она отстранилась и посмотрела ему в глаза. – Хочу побыть с тобой дома.

– Сначала мы съездим в «Воа», – заупрямился Джей.

Милана ощутила новую волну раздражения и отрицательно покачала головой.

– Выбери, что ты хочешь: меня или публику?

Джей пожал плечами.

– Ты одна, мне тебя мало.

Услышав ту правду, которую боялась почувствовать, Милана резко отстранилась от него.

– Не буду тебя ограничивать!

– Куда ты? – спросил Джей, выйдя вслед за ней из гостиной.

Милана быстро простучала каблуками по холлу, заселённому тропическими растениями, и остановилась у входной двери.

– Милана, что случилось?

Джей стоял в паре метров от неё и не стремился сокращать дистанцию, а Милане вдруг захотелось, чтобы их разделяли сотни километров. Она холодно улыбнулась, ощутив свежий импульс театральности, и пафосно сказала:

– Ты поэт, ты понимаешь силу слов. Додумай.

– Додумать что? – спокойно уточнил Джей.

– Oh fuck you!

Милана раздражённо хлопнула входной дверью и направилась к своему белому кабриолету, взятому напрокат. Джей не стал её останавливать, и она быстро отъехала от особняка Джонсов, утомительно роскошного в своей экзотической эклектике.

Я не готова любить, и потому мне нужен Джей. Люблю его, как себя

24 июля 2012

Mercedes летит на скорости, ветер рвёт волосы, лето переполняет сердце, жажда свободы пьянит опустошённую душу...

Милана ехала вдоль океанического побережья, слушая свои мысли, неожиданно осмелевшие и набравшие непопозволительную ранее громкость. Долгая дорога, лишённая пробок, стимулировала на искренность с собой.

Искренность нужна там, где искры, где чувства, а наша любовь, как Coca Cola light – 0% искренности. Мы с Джейем на волне взаимопонимания: лжём друг другу и самозабвенно обманываемся. У нас есть всё, о чём мечтают люди, кроме главного – чувств. Когда мы рядом, мы отделены друг от друга километрами несостоявшихся разговоров, мы не любим, не слышим, не понимаем друг друга. Когда-то нас связали эмоции, и это было чётко, но их больше нет, и теперь мне ужасно пусто – и с ним, и без него. Не лучше ли быть одной?

Единожды открывшись истинному чувству, невозможно потом лгать себе. Я прекрасно понимаю, в каком красивом самообмане живу уже не первый год, но так же хорошо осо-

знаю, что вернусь к Джею утром и буду извиняться, потому что не могу без него. Попытка рационализировать наши чувства уже давно привела к их полному истощению.

По сути, у нас любовь по инерции. Нам с ним выгодно быть вместе – мы пара, притягивающая внимание и популярность. Мы зависим друг от друга, и, возможно, я даже больше нуждаюсь в нём, чем он во мне.

Публичность, как наркотик, заполняет пустоту внутри меня. Я бы рада стать менее заметной, но как-то не получается. Я бы попробовала быть другой, но на мне слишком плотно сидят стереотипы социальных ожиданий, которым так привычно соответствовать. И всё бы хорошо, но порой случаются всполохи откровенности, которые, подобно сверкающим молниям, освещают тенистые уголки моей души. Тогда хочется ехать, куда глаза глядят, и не думать ни о чём. Обострённая неудовлетворённость пытается душу. Я знаю, что живу не так, как хочу, и от этого знания ничуть не легче.

Мой банковский счёт богатеет, а я с каждым днём дешевею, стремительно нищаю душой. Чувствую это, но ничего не могу с собой поделатъ. Пытаюсь всем нравиться, разонравилаь самой себе. Раздражаю себя. Запуталась в своих образах, как в чрезмерно длинных платьях. Выдавливаю из себя улыбки, как зубную пасту из тюбика. Вот только всё имеет свойство заканчиваться, особенно – эмоции, и я замечаю, что уже начала иссыхать, опустошаться, блек-

нуть.

Как там меня когда-то назвал Али? Королева посредственности? Надо было прислушаться к нему и не сопротивляться, ведь с посредственности меньше спрашивают, но я, увы, возглавила иное королевство. Научилась быть раскрепощённой и беспечной, легко шагать по жизни и не вникать в чувства, а сегодня вдруг задалась вопросом: я – звезда своего шоу или дублёр?

Как сильно опустошает вся эта показуха... За привычной демонстрацией теряется самое главное – суть. У меня не жизнь, а какой-то театр абсурда. Время есть, но его нет. Людей вокруг так много, а одиночество всё сильней.

Нет времени? Бред, мы ведь состоим из времени. Когда мы говорим, что у нас нет времени, мы признаёмся в том, что нас самих не существует, что мы стёрты нашими чрезмерно важными делами, лишёнными всякой ценности. Так и есть – у меня совершенно нет свободного времени, ведь у меня очень насыщенная жизнь. Правда, она ничего не значит. Но сейчас такой век.

В мире всё больше абсурда: кофе без кофеина, шоколад без какао, каблук без каблучков, отношения без любви, еда без вкуса, жизнь без смысла. Потребляя ничто, становишься никем – всё просто. Без настоящего нет будущего. А если настоящее ненастоящее, какое тогда будет будущее? Не хочу об этом думать.

Я уже давно ушла от реальности в грёзы и успела

на этом заработать. По пути немного изменилась и изменила себе. Под палящим калифорнийским солнцем волосы немного пожелтели, кожа приобрела шоколадный загар, а мысли чудесным образом выпрямились. Как следствие, не могу понять, что мне сейчас надо и что мне интересно.

Когда не знаешь, чего хочешь, даже Google не поможет с ответом, но я не просто не знаю, что хочу, я теперь вообще ничего не хочу. Серьёзный дисбаланс наметился в моей жизни: избыток заменителей чувств и дефицит искренности. Очень красивый фасад и очень выстуженный дом, если выражаться по-смоленски.

Пустоту в душе наполняет мечта. А что, если не о чем мечтать? На этот случай есть заменители и роскошные иллюзии счастья. В наш век можно купить почти всё, но так мало из этого на самом деле достойно того, чтобы быть приобретённым. А то, что несомненно достойно, купить невозможно. Зато можно поверить в собственный обман. Я забываюсь в новом, временном и дорогом так же, как Джейс, как Камила, как десятки других знакомых и чуждых мне людей.

Странная-странная жизнь. Как гонка. Как бегство. Время летит, а чувства, мысли и мечты все где-то позади и всё время от меня отстают. Не живу, а существую и ужасно голодаю по прошлому – там осталось то, что питает душу. Скучаю по родным местам, которые теперь не смогу увидеть с былой искренностью во взгляде. Скучаю по неза-

бываемо ярким моментам, которые уже никогда не повторятся. Скучаю по людям, с которыми тогда была так счастлива и с которыми сейчас едва найду пару общих тем для разговора. Скучаю по той себе – такой мне уже не быть.

Известность и стиль – далеко не всегда синонимы, но я стала известной благодаря своему стилю, и утверждаюсь на этом пьедестале с прошлого августа, когда меня закрутило-понесло и вдруг закинуло в этот мир открытых оценок и стёртых границ. На мне теперь всегда мои социозащитные очки, толстый слой косметики и самые модные вещи сезона.

При мне мой iPhone, в котором уместается вся моя жизнь. Я круглые сутки на связи. С кем? Точно не с собой. Меня мучает эта увлекающая социальность. Чья я? Невозможно принадлежать кому-то, не принадлежа себе, а я сама не своя.

Я уже давно не слышу себя. Душа говорит шёпотом, а я боюсь прислушиваться и заглушаю навязчивое чувство беспокойства чем-то пустым, но шумным – клубами, музыкой, бессмысленными разговорами.

То, что я имею сейчас, я заработала своим трудом и заплатила за это высокую цену. Постоянные недосыпы, нервные срывы, жёсткие диеты, ссоры и раздражающе пристальное внимание посторонних – всё это сказалось на качестве моей жизни. Я уже давно не была полноценно счастлива.

Но я ни о чём не жалею. Наивные ожидания опасней отрезвляющего опыта. Теперь меня больше не пытаются иллюзии о том, что популярность – это сладкое комфортное состояние. По сути, популярность – это кокс. Сначала кажется, что легко можешь бросить, а потом вдруг становишься рабом этого удовольствия, жадно поглощающего все жизненные силы.

Я уже просто не могу остановиться. Боюсь быть с собой. Боюсь признаться себе, что я так много расплескала, так много потеряла из того, что имела в шестнадцать, в восемнадцать, даже в двадцать...

Сегодня быть звездой намного грязнее, чем, скажем, 40 лет назад. Тогда в этой безумной индустрии было намного больше гламура, шика и блеска, сегодня же куда ни глянь – треш. И мода такая.... Негармоничная, что ли. Увидев, как поредело число преданно следующих за ней и способных её понять, высокая мода унизилась, кинулась догонять массы и преуспела, слившись с ними. Мода стала уличной, приспособилась к чуждым ей стандартам, потеряла лицо и былую харизму элитарной недоступности.

Я прячусь в моду, когда критикуют меня. Мы с ней прекрасно понимаем друг друга – обе немного потерялись и изменили себе в угоду ценителям.

Современная жизнь быстро обтачивает и шлифует многогранность под давлением ускоряющегося времени и упрощающихся требований общества. Впрочем, общество тоже

стало безликим, в нём всё сложнее выделить для себя значимые ориентиры, а жить без авторитетных оценок и жёстких внешних границ – всё равно, что попасть под дождь без зонта. Первые капли вызывают стресс, а потом – плевать на всё, можно получать удовольствие, промокая с достоинством.

Интересно, когда человек перестаёт уважать себя: когда делает то, за что осуждает других? Или когда не делает то, что, по его мнению, должен делать? Что делаю я?

Пытаюсь оправдать своё поведение, встречая туманный рассвет в Сан-Франциско. Стою на мосту, любимом туристами и самоубийцами, и думаю, как же это странно: уехала куда подальше от казалось бы любимого человека, чтобы просто побыть собой, подумать, помолчать, не притворяясь вечно весёлой, словно на завтрак, обед и ужин – кокс.

В том-то и проблема наших отношений, что нам комфортней друг без друга! Но мы не можем расстаться, потому что оба подсели на самый сильный наркотик, балующий тщеславие и пробуждающий совершенно иные эмоции...

Любовь – это самая прекрасная свобода, но если тесно с собой, любви нет места ни в сердце, ни в мыслях. Глупо уходить от себя в других людей – всем от этого хуже. Я не готова любить, и потому мне нужен Джей. Люблю его так же, как саму себя, ведь он – это я. Мы растворяемся друг в друге.

Фиск. С кем он сейчас? И если всё это не всерьёз, почему

я так сильно нуждаюсь в нём?

В лазурных водах Атлантического океана, шумевшего далеко внизу, плавали тёмные тени, навевая мысли об акулах и смерти. Милана смахнула неуместно честные слёзы, смывшие с души налёт солёной безысходности, и направилась к своему кабриолету, одиноко белеющему вдалеке.

От Лос-Анджелеса до Сан-Франциско более 500 километров, но дорога к себе, похоже, намного длиннее и дольше. Впрочем, искренность не была целью этого пути. Она стоит слишком дорого, и я ещё не скоро решусь на такое ничемное приобретение. Пока моя жизнь напоминает театр, мне хочется сыграть как можно больше важных и прибыльных ролей.

Show must go on! Я уже не могу иначе.

Мы оба не дотягиваем до идеала верности: он изменяет мне, я – себе

24 июля 2012

Да... Вот то самое творчество, не знакомое с моногамией.

Милана вернулась домой после полудня и застала Джея в спальне с прекрасно незнакомой ей огненной брюнеткой. Пожар их опасно горячей страсти был потушен громким приветственным возгласом:

– Я здесь, милый!

Дав о себе знать, Милана прошла на кухню и налила себе стакан охлаждённого апельсинового сока. В доме послышалось оживлённое движение – Джей суетливо выпроваживал свою «искорку». Писклявый женский голос возмущённо сыпал оскорбления в адрес невидимой Миланы, которая спокойно потягивала свой напиток бодрости, утомлённая дорогой, лос-анджелесскими пробками и предсказуемостью Джея.

Мы оба не дотягиваем до идеала верности: он изменяет мне, я – себе.

Джей зашёл на кухню через несколько минут и, остановившись на безопасном расстоянии, одарил Милану примиряющей улыбкой.

– Привет, солнышко.

Что-то в его довольном виде и спокойном тоне вызвало у Миланы бурное неприятие происходящего.

– Кто я? Солнышко?! – громко переспросила она, шумно поставив свой стакан на малахитовую столешницу.

Джей кивнул и сделал шаг навстречу.

– Так получай солнечный удар! – горячо воскликнула Милана.

Последовала серия лёгких звонких пощёчин, напоминавших массаж лица.

– За что?!

Джей поймал её за руки, крепко сжимая худые запястья, и посмотрел ей в глаза.

– За безудержную любовь к звёздам! – раздражённо сказала Милана.

Он рассмеялся и отпустил её. Милана, оскорблённая его легкомысленным отношением, звонко достала из посудного шкафа несколько потенциальных жертв. Джей наблюдал за ней.

– Не надоело?

– Что? – она посмотрела на него.

– Бить. Второй раз за сутки, Милана. Это однообразно и утомительно.

– Так ты устал? – с наигранным сочувствием уточнила она и громко шваркнула невинно белое блюдце.

Сама я девушка не пышная, но сцены ревности у меня по-

лучаются отрететировано хорошо.

Осколки разлетелись в разные стороны на безопасном расстоянии – за время совместной жизни Милана научилась метко бить посуду. Джей поморщился – его трепетный музыкальный слух плохо воспринимал звуки ревнивых разрушений.

– Кто она? – спросила Милана, взяв новое блюдо.

– У нас ничего такого не было, – сказал Джей. – Просто массаж. От нервов...

Слушаю ложь, а видела правду.

Милана потёрла глаз и раздражённо разбила новую тарелку. Затем вдруг потеряла всякий интерес к посуде и вышла из кухни, не глядя в сторону Джея. Он проследовал за ней в гостиную – арену всех их межличностных сцен.

– Да мы с ней даже не знакомы! – воскликнул он, излучая самую непорочную искренность.

– Точно! – скептически кивнула Милана. – В Лос-Анджелесе закончились свободные постели, да?

Джей шумно выдохнул и взлохматил свои волосы, ещё не тронутые средствами для укладки. Таким естественным он нравился Милане намного больше, поэтому она отвернулась от него и прошла к витрине, отделявшей разностильную гостиную от солнечной гармонии внешнего мира.

Всего-то хотела взаимной верности. Видимо, слишком дорогой подарок. Или слишком дешёвый даритель?

– Если не признаешь, что спал с ней, я...

– Что ты сделаешь? – спросил Джей, обнимая её со спины.

– Не провоцируй меня этим вопросом! – сказала Милана, высвобождаясь из его настойчивых объятий.

Сказать, что это меня не провоцирует – явное враньё. Так и хочется разбить что-нибудь менее звонкое, но более ценное. Разбить его сердце, увы, не вариант.

Джей смотрел на неё, чуть склонив голову набок, словно приходил к какому-то сложному выводу, затем вдруг сказал:

– Молодость – это свобода, а ты слишком ревнивая.

Милана прикрыла глаза, переживая очередное осязаемое столкновение с непроницаемым барьером недопонимания.

– Нет, я не слишком ревнивая, просто ценю тебя больше, чем свободу.

По правде говоря, ты даришь мне мою свободу, и я тобой дорожу...

Джей молчал, вдохновляя Милану на красноречие.

– Впрочем, ты прав. Свобода – это молодость, и я улетаю в Москву! – пафосно заявила она, не совсем догнав свои мысли.

– Ты никуда от меня не улетишь, – сказал Джей, уже второй день подряд сохранявший обескураживающее спокойствие в ссорах. Видимо, сказывалась новая система тренировок, и часть эмоций Джей всё-таки оставлял в зале.

– Джей, зачем я тебе? – спросила Милана, желая услышать подтверждение собственной нужности.

– Мы с тобой пара, забыла? Я подарил тебе Piaget.

Он взял её за левую руку.

– Белое золото, бриллианты, помню, – сказала Милана, со скучающим видом взглянув на свой безымянный палец, украшенный модным кольцом с большим сверкающим камнем и стёртым смыслом.

– Это значит, ты моя.

Джей резко дёрнул её на себя. Вновь оказавшись в его власти, Милана передумала вырваться.

– Ты меня любишь? – спросила она, глядя ему в глаза в поисках ответа.

– Конечно, детка.

Baby-baby. Не Станиславский, но не верю.

– Если сердце занято, то и глаза не видят. Ясно? – Милана строго посмотрела на него.

Джей улыбнулся.

– Сердце занято, а руки свободны. Кто просил тебя уезжать?

Он поцеловал её.

– Ты ужасный, – сказала Милана ему в губы.

– Знаю.

Джей взял её лицо в свои руки и своим любимым жестом сдавил щёки Миланы, сделав из её красивого правильного лица забавную мордочку. Милана рассмеялась.

– Я соскучилась по тебе, – прошепелявила она, вызвав у Джея улыбку.

– Я так и понял, – он снова поцеловал её. – Кстати, пока

ты бездельничала, я сочинил новую песню о разбитой вазе и русской патриотке.

– Правда? – спросила Милана, улыбаясь перемене, произошедшей в её настроении.

– Нет, – сказал Джей, прижимая её к прохладной стене. – Но я уже слышу первые аккорды. Вдохновишь?

Мы не любим – мы обладаем и получаем свой эгоистичный кайф

24 июля 2012

Мы с Джемсом – идеальные продукты эпохи потребления. Используем друг друга и не заморачиваемся.

– Ревнуешь Милану?

– Нет. Люблю, когда моё хотят.

В этом весь Джей. Листаю его интервью на страницах модного интернет-портала и готовлюсь к своей маленькой пресс-конференции, на которую решила выделить один час этого чудесного вторника. Вопросов в Formspring накапливается так много, а времени становится так мало, что иного способа поддерживать диалог с подписчиками сейчас просто нет.

Стоит ли так жить, когда никто не в курсе моей жизни?

Социальные сети – как стеклянные балконы. Кто-то доверчиво выходит туда в одних трусах. Но мы с Джемсом тщательно наряжаемся перед тем, как покинуть дом, и поддерживаем свои смоделированные имиджи словами, делами и аксессуарами.

Мы совершенные иллюстрации из глянца, вызывающие

зависть и способствующие развитию кредитования. У нас есть то, что все хотят иметь. Мы такие, какими все желают быть. Какие мы на самом деле? Вы видите лишь тщательно сконструированные миры из образов и изображений, разглядываете наши безупречные маски, но не нас. Вы чувствуете ускользающую реальность и задаёте вопросы, а мы отвечаем с той долей искренности, на которую способны люди, обладающие инстинктом самосохранения.

– Любимый дизайнер?

– Chanel, Dior, Giambattista Valli, LV.

– От кокса худеют?

– От кокса тупеют

– Ты неприлично богата.

– Давайте сначала определим грани приличия для чужого богатства.

Некоторые люди получают изысканное наслаждение от осуждения, но я не чувствую себя виноватой в достигнутых успехах.

– Научи стильно одеваться

– Follow me)

Тому, что удаётся на интуиции и вдохновении, научить невозможно.

– Ты вся сделанная, купленная. Нет индивидуальности.

– Так зачем вы меня follow?

Все мы здесь сделаны по заказу времени, но моя индивидуальность изготовлена со вкусом.

– Секрет твоего успеха?

– Самокритичность

Когда сама себе первый критик, корона держится, как влитая.

– Это правда, что у тебя есть свой остров?

– Может, и правда, только я не в курсе)

Говорят, у каждого своя правда. Некоторые владеют такой эксклюзивной правдой обо мне, что мне бывает грустно их разубеждать. Неплохо было бы иметь свой остров, наверное...

– У тебя своя грудь?

– В прокат взяла

– Ты носишь вещи дешевле 1000\$?

– Конечно) И распродажи посещаю иногда.

Вообще не считаю ярлык «on sale» порочным клеймом. Какая разница, сколько стоит вещь, если она мне интересна? Почему повышение цены возвеличивает, а понижение –

опускает? Детские игры разума, подчинённые законам маркетинга, порой ослепляют и сводят с ума самых здравомыслящих из нас.

Количественный фактор уже давно опередил качественный, и мало кого волнует, о чём я мечтаю, кем восхищаюсь и что люблю. Гораздо актуальнее знать, сколько стоят мои туфли, сколько машин в автопарке моего бойфренда, сколько денег на моём банковском счёте, сколько у меня квартир в Москве и сколько этажей в нашем с Джемом особняке. Словно эти цифры о чём-то говорят.

Люди страстно любят цифры – ими проще измерять жизнь. В Америке я тоже научилась мыслить ценами, и теперь оцениваю многое с точки зрения целесообразности и окупаемости. Инвестирую своё время только в то, что приносит доход, участвую только в тех съёмках, которые повышают мой рейтинг, и уже давно не покупаю ничего, руководствуясь одним лишь минутным желанием обладать. Но эта расчётливая практичность уместна в бизнесе и категорически недопустима в восприятии жизни как таковой. Общаясь с людьми, я никогда не вычисляю их доходы, затраты и стоимость гардероба.

Но сама обречена постоянно находиться под обстрелом пристальных бухгалтеров. Зависть удивительным образом способствует развитию математических способностей – считать нули чужих капиталов и караты обручальных колец не так-то просто без опыта и мотивации. Меня искрен-

не тревожат эти люди, знающие обо мне такие подробности, о которых я сама порой забываю. Ведь, так рьяно интересуясь моей жизнью, они пропускают свою, а время не подлежит возврату. Лучшие бы его считали и ценили. Но, как сказал мудрый Льюис Керролл, «if everybody minded their own business, the world would go round a deal faster than it does now⁵».

– Почему ты не купишь себе Bugatti?

– Не хочу.

– Я бы на твоём месте перекрасилась в брюнетку.

– Моё место занято, извините)

Люблю слушать людей, чьё мнение не спрашивала, особенно когда они так усердно примеряют мою жизнь, используя «я бы на твоём месте» и «лучше бы ты». Их раздражает то, что я плохо справляюсь со своими возможностями, не получаю максимум от имеющегося и отказываюсь проживать их мечты. Они бы с удовольствием заменили меня на более правильную Милану Смоленскую, вытеснили бы актрису с главной роли и вклинились в мою пьесу, не зная сценария и не имея необходимых способностей. Никого не смущают сложности игры – всех так влекут декорации...

Ценю подобные вопросы – они помогают увидеть себя

⁵ Если бы каждый занимался своим делом, мир вращался бы гораздо быстрее, чем сейчас.

со стороны в интересных ракурсах чужого восприятия. Главное при этом не увлекаться таким мировоззрением.

Что бы ни писали завистники, все мы остались при своём. Они – при своём мнении, я – со своим Джеем.

Милана закрыла MacBook и встала с кровати, услышав оживление в коридоре. Отец Джея был в Нью-Йорке вместе с Кэмерон, прислуга передвигалась бесшумно, и звук шагов мог означать лишь одно – вернулся герой её грёз.

Джей решительно вошёл в спальню и вручил Милане букет страстно алых роз.

– Это тебе.

– Спасибо, любимый. Как сеанс? – заботливо спросила она, приняв букет.

Джей провёл традиционные два часа у своего luxury-психолога.

– Хотел Авентадор, но уже не уверен, – рассеянно ответил он.

– Оу, – выдохнула Милана, не зная, как реагировать на такие метания духа.

Неожиданно Джей поцеловал её руку и, глядя Милане в глаза, сказал:

– Мне казалось, что ты ничего не значишь в моей жизни, а сегодня я вдруг понял, что это не так.

Милана смотрела на него, не находя ни подходящих слов, ни эмоций. Она была попросту ошарашена таким внезапным и неоднозначным признанием.

– Джей...

– Я люблю тебя.

Он поцеловал её, прерывая поток мыслей. Розы, обречённые на увядание, багровели закатом, а постоянно возрождающиеся отношения Миланы и Джея встретили свой очередной рассвет.

Неспящая красавица, служа имиджу, стала тусовщицей

24—25 июля 2012

Хотела бы я посмотреть на нынешних клубберов лет так через пять-семь, как они будут гонять своих детей, пытаясь побороть в себе конфликт между внезапно пришедшей зрелостью, которая порой лишь видимость, и беспечностью юности, вытесненной навалившимися заботами и новыми социальными ролями, но прочно завладевшей подсознанием...

Ночь пульсирует в привычном духе безудержной безотчётности. Медленная музыка нас уже не берёт, здесь не подходит классика – лучше модный клубный «туц-туц». Какие чувства – такие ритмы. Эта жизнь – ускоренный ремикс однотипных дней.

Если еда монотонная, хочется сладостей. Клубы для меня – такие специи, вкусовые добавки, пикантные пряности, созданные, чтобы бороться с однообразием жизни. Неспящая красавица уже давно стала тусовщицей, служа своему имиджу и вкусам возлюбленного.

– Хэй! Выглядишь потрясно!

Типичный нищий восторг. «Потрясно» и «О, мой бог» – здесь самые частые выражения восхищения, порочно точ-

ные в своей уместности. Несмотря на массивные кресты, висящие на шеях и тонущие в глубоких декольте, бог у каждого свой.

Вся наша жизнь, по сути, поклонение: у кого-то – еде, у кого-то – брендам, у кого-то – сексу, у кого-то – славе. Мы служим тому, на что тратим своё время и душевные силы. В наш век религия оказалась размыта маркетингом так, что кресты для многих – просто модный аксессуар, а вера – нечто само собой разумеющееся, лишённое вселенской важности и глубоких смыслов.

В центре наших миров всё те же идолы: роскошные фетиши с крупными узнаваемыми логотипами и возвеличивающими ценниками. Модные язычники падают ниц перед Bugatti Veyron и новой сумкой Louis Vuitton, зовут «Vogue» и «Cosmopolitan» своей библией, клянутся в верности дорогим вещам, дёшево отрекаются от того, что для них было важно ещё вчера, едва узрев новый тренд. Люди продаются за бесценок, давно утратив свою свободу выбора, и не понимают, чего требует эта ненасытная жадная пустота в душе, которую они неустанно заполняют покупками...

Ничтожество души – наше проклятье. Смех и алкоголь – наше оружие. Все мы здесь *homo-saufus*, и у нас одноразовая жизнь с ярким девизом «YOLO», который все повторяют с безумно счастливым блеском в глазах, понимая, что прожить такое дважды было бы пыткой.

Мы скользим, не вникая и не думая о последствиях, – всё

пусто и поверхностно. Серьёзных мыслей нет – они в гугле, там же – ответы на все важные вопросы. Смысл замораживаться?

Слова разбрасываем, чувства обезличиваем, время трагично, радостно забыв цену того, что так яростно обесценили. Бездумные вечеринки затягивают с головой, и из их колеи нелегко выбиться, но даже развлечение может надоесть, если это рабочая рутина. Клубные ночи так похожи друг на друга, а когда все одинаковые, становится скучно, несмотря на веселье вокруг.

Не устраивает меня high life. Странная я такая. Ненормальная, видимо. Вечно мне чего-то не хватает для абсолютного счастья.

Кругом хаос безудержного веселья и разгула. Надо быть пьяной или пустой, чтобы получать кайф от этих ритмов, а я трезвая и мне ужасно хочется домой. Вот только дом мой давно уже не в Москве. Он там, где мой Джей. Это так странно... Джей признался мне в любви, но я ничего не успела понять, потому что мы сразу же поехали в бар, а потом – в клуб, на день рождения знакомого Джейа, где снова играем себя.

Самое ценное – разобраться в чувствах. Но это не модно, порой неприятно и слишком сложно. Поэтому надеваю extra модный прикид и иду туда, где всем хорошо. Конформизм кайфа.

Возможно, сегодня моя улыбка более задумчивая, чем

обычно – я осмысляю внезапную перемену, произошедшую в наших чувствах.

Левые люди снова играют важные роли в истории нашей любви. Чудесный психолог переключил Джея с *Aventador* на мысли обо мне. «Мне казалось, что ты ничего не значишь в моей жизни»... Офигенно услышать это его прозрение спустя год наших отношений. Тогда что было до сегодняшнего дня? Он тоже использовал меня в своих интересах? В таком случае, мы оба хороши. Но разве важно прошлое, когда в настоящем и будущем всё так непонятно?! *Carpe diem*.

Fuck, не могу ценить этот момент – он слишком размыт и тягощен ненужными деталями!

Какая-то отчаянно пьяная блондинка забралась на сцену и, раззадориваемая криками толпы и рокотом музыки, принялась стягивать с себя одежду.

– Джей, я хочу домой! – прокричала Милана, потянув его за руку.

Он взглянул на неё и кивнул. К её удивлению, они быстро покинули клуб и сели в его *Ferrari*. Некоторое время оба ехали молча, позволяя оглушённым мыслям привыкнуть к тишине. Милана прикрыла глаза, вновь мучимая притуплённым ощущением реальности, ставшим привычным фоном её жизни.

– Чё с тобой?

– Голова болит.

– Чё пила?

Она улыбнулась и посмотрела на него.

– Ничего. Извини, что так получилось.

– Я ещё раньше хотел уехать, – признался Джей, глядя на дорогу.

– А почему мы не уехали раньше? – удивилась Милана.

– Думал, тебе там нравится.

Всё у нас взаимно, но мы всё так же упрямо не понимаем друг друга.

Милана широко зевнула, звякнув тонкими золотыми браслетами, украшавшими её запястье.

– Не люблю клубы! – громко сказала она.

Джей ничего не ответил. Когда они вернулись в особняк, часы показывали полчетвертого утра. Милана прошла на кухню и налила себе и Джею воды – она любила хозяйничать без помощи прислуги.

– Тебе идёт это платье, – отметил Джей, взяв свой стакан.

– Правда?

Она посмотрела на него. Он кивнул.

Что-то тёплое промелькнуло в его глазах, и Милана вдруг ощутила себя счастливой. Джей редко хвалил её модные образы, ещё реже – критиковал, и в этом его равнодушии Милана видела больше всего поводов для недовольства их отношениями. Она улыбнулась и отпила воды. Свежая чистая прохлада подтолкнула её к искренности.

– Мне тебя не хватает.

– В смысле?

Джей посмотрел на неё. Она пожала плечами и бесшумно поставила свой стакан на стол.

– Мне не хватает общения с тобой, – призналась она, не глядя на него.

– Мы говорим сейчас, – мягко возразил Джей.

Милана кивнула и рассмеялась.

– Глупо, да?

Он подошел к ней вплотную и посмотрел ей в глаза.

– Что «глупо»?

Она оценила безвыходность своего положения и решила высказаться.

– Мы вместе уже год, а я до сих пор не знаю, о чём ты мечтаешь, во что любил играть в детстве и чего хочешь от жизни.

– Ты знаешь, что я хочу Грэмми, – невозмутимо напомнил он.

– И всё? – спросила Милана.

– Думаю, да. Грэмми – это уже очень хорошо, – сказал Джей. – А ты чего хочешь?

– Не знаю, Джей, – призналась Милана. – Я достигла того, чего хотела.

– Ты же хотела сделать новую коллекцию?

Она удивлённо моргнула.

Милана любит жить напоказ – на людях она всегда сияет ярче

25 июля 2012

Она всегда улыбается, когда не может найти нужные слова, и в её улыбке столько смыслов, что мне даже больше нравится молчаливая Милана. В такие моменты я её чувствую и люблюсь ей. Но когда она начинает говорить, моя жизнь наполняется свежестью особого порядка: приходят новые тексты.

Я слышу музыку в её словах, вижу лирику в странных шумных поступках, ловлю колебания незнакомых мне эмоций. В такие моменты я пишу песни и не замечаю её. А она слишком ревнива, чтобы долго терпеть невнимание, и слишком импульсивна, чтобы мирно молчать.

Милана любит жить напоказ, демонстрируя нашу любовь папарацци, журналистам и подписчикам Instagram. Она нуждается в славе совсем не так, как я. Публика питает её энергией – на людях Милана всегда сияет ярче, смеётся залихватей и целует искренней. Она проводит бессонные ночи в клубах, которые обожает, несмотря на все её возмущения, и снимает там сливки со своей узнаваемости. Ей нравится быть знаменитой, приковывать взгляды, попадать под прицел сплетников и фотографов. Она словно

рождена для такой жизни, и потому ей так легко даётся эта изматывающая рутина.

В этом мире легко растрастить себя, но Милана богатая, и дело не в деньгах – она наполненная, сложная, необъяснимая. Иногда говорит по-русски – во время ссор, секса и завтраков. В эти моменты я понимаю её больше, чем когда она начинает изъясняться по-английски на темы, далёкие от сути нашего общения. Долгие разговоры уместны на кушетке психолога – там и время, и место для того, чтобы безнаказанно делиться своими неочищенными мыслями. Я так много говорю о себе, что порой хочется заткнуться. А Милана...

– Ты помнишь про мою коллекцию? – спросила Милана, глядя ему в глаза с детской доверчивостью.

Она была чертовски красива в своём удивлении.

– Помню, – Джей поцеловал её. – Мы можем сделать её вместе.

Она улыбнулась и потерлась кончиком носа о его нос.

– Спасибо, что увёз меня.

– Тебе уже лучше? – он заглянул ей в глаза.

Милана кивнула и обняла его. Её платье, сотканное из золотой чешуи, смотрелось привлекательно, но на ощупь было неприятно холодным и царапало кожу.

Красота неоднозначна. Особенно та, которой обладают женщины. Но именно эта прекрасная противоречивость порождает вдохновение.

– Джей... – прошептала Милана.

Он расстегнул дизайнерские доспехи, обнажив её тёплую, золочённую загаром спину, и провёл рукой по нежной чуткой коже. Милана прижалась к нему и пробормотала что-то сонно-сладкое на своём родном языке, но Джей снова понял её, на этот раз благодаря популярности сказанного ей слова. Тихое «люблю», сказанное щекотным шёпотом, прозвучало на рассвете 25 июля, и Милана Смоленская уснула в руках человека, которого ценила намного больше, чем рещалась это признать.

Уложив её в постель, Джей устроился рядом и, открыв заметки, начал рифмовать новые строки, пришедшие к нему так неожиданно и так вовремя.

– Пишешь? – спросила Милана, открыв глаза.

– Спи, – улыбнулся он, увлечённый своими мыслями.

– Люблю тебя, – сказала она.

Странное чувство, не знакомое ему ранее, вновь всколыхнулось в его душе. Новая строчка вплелась в сумбур спонтанных слов.

– Знаешь, чего я хочу? – Милана посмотрела на него.

– Позже, – сказал он, глядя в iPhone.

– Я не про секс.

– А я про секс.

– Fuck you, Джей, – Милана раздражённо села в постели. –

Ты со мной ради секса?

– Ты со мной ради славы, – сказал он. – Пойдём по при-

митивным категориям, если хочешь.

Она рассмеялась и придвинулась к нему, излучая пленительно сонное тепло.

– Я много думала.

– Не думай, – посоветовал он. – Тебе так лучше.

– Fuck you! – горячо воскликнула она. – Я мыслю, значит, я существую. Ты хочешь, чтобы меня не было?

Джей отложил телефон и уделил ей всё своё внимание.

– О чём ты думала? – спросил он, глядя в её загадочно зелёные глаза.

– О том, чего хочу от жизни, – сказала Милана с серьёзным видом.

– Ну и чего ты хочешь?

– Хочу, чтобы ты получил Грэмми.

Её улыбку нельзя было уличить в лживости.

– Реально? – уточнил Джей.

Милана кивнула, не сводя с него глаз.

– Тогда не мешай мне работать! – улыбнулся он.

– Я тебя вдохновляю, – напомнила она, положив голову ему на плечо. – Ты пиши, а я буду спать.

Он взял свой iPhone. Новая песня вдруг стала слишком личной – мысли и чувства были заняты Миланой, которая сладко сопела рядом. Во сне она улыбнулась и прошептала его имя. Джей обнял её и уснул незаметно для себя.

Любовь случилась через год отношений. Такое возможно?

25 июля 2012

«Из трудностей вырастают чудеса!»

Жан де Лабрюйер

В чём-то я всегда себя опережала, а сейчас, похоже, наконец-то догнала свои желания. У меня есть признание, которого мне не хватало, собственный бизнес, дающий свободу, имя, мелькающее в прессе, поклонники, пишущие сообщения и посылающие подарки, контракты, обеспечивающие будущее.

Но, главное, у меня есть тот, кто помогает мне наслаждаться моментами этой сумасшедше сложной жизни. Без Джея я бы не выдержала и недели. Оказывается, мы не просто отражаем – мы дополняем друг друга. Он моя вторая половинка. Между нами близость, которую я боюсь осознать, потому что завишу от Джея так сильно, как никогда ещё ни от кого не зависела.

Фиск. Что если...

Как быстро простой пустяк превращается в проблему глобального масштаба, если вовремя не уделить ему должного внимания. Обделённый и обиженный, он стремительно вырастает до уровня повышенной трудности, а то и вовсе

нерешаемости, и с каждым днём подступиться к нему становится всё сложнее...

– Доброе утро, – Джей спустился к завтраку.

– Я так скучала! – Милана улыбнулась и прошла к нему навстречу.

Он обнял её и посмотрел ей в глаза. Заметив там волнение, которое трудно было скрыть, Джей спросил:

– Что-то случилось?

– Я приготовила тебе блины, – Милана кивнула в сторону накрытого стола.

Она ещё ни разу не проявляла свой кулинарный талант в Лос-Анджелесе, поэтому стопка румяных блинчиков вызвала у Джея искренний интерес.

– Ты умеешь готовить? – спросил он с нелестным удивлением в голосе.

– Готовлю, только когда влюблена и выспалась, – уточнила Милана.

Он улыбнулся и поцеловал её. Милана с наслаждением запустила руки в его влажные волосы и сделала Джею фирменную утреннюю укладку. Обменявшись приятными знаками внимания, оба сели за стол. Милана взяла себе первый блин и полила его ягодным сиропом. Она нервничала и немного перебрала со сладостью. Утопив блинчик в клубнике, задумчиво закусила губу.

До завтрака или после?

– Сегодня 25-ое, да? – спросил Джей, тоже угостившись

блином.

Милана кивнула, мучимая своими мыслями.

– Мы не едем в Лондон, – неожиданно заявил он.

Не найдя лучшей формы удивления, Милана вскинула брови.

– У меня выступление, – пояснил Джей и, глядя ей в глаза, спросил. – Ты забыла, да?

Брови пристыжено сползли на место, Милана смущённо посмотрела в свою тарелку, Джей рассмеялся.

– Можешь лететь, если хочешь, – улыбаясь, сказал он.

Она представила себе одинокое пребывание в Лондоне под обстрелом фотографов и любопытствующих и отрицательно помотала головой, глядя на Джея из-под опущенных ресниц.

У нас с Джейем жизнь, понятная только нам двоим. Мы не можем друг без друга. Точнее, я не могу без него.

– Я хочу быть с тобой, – честно сказала Милана.

– Вкусно, – Джей взял второй блинчик.

Она ощутила новую волну тепла, поднявшуюся из глубин её тайно влюблённой души и выплеснувшуюся в счастливом: «Правда?».

Джей кивнул, жуя и глядя на неё задумчиво отвлечённым взглядом.

Сочиняет песню. Если мои блины приведут его к Грэмми, я буду искренне рада, что смогла внести хотя бы этот скромный вклад в его успех. Джей так много работает...

– Ты изменилась, – отметил он.

– Где? – нервно спросила Милана.

Джей улыбнулся, скользнув по ней взглядом.

– Не знаю, – сказал он, взяв себе ещё один блин. – Но ты мне такая нравишься.

Милана напряжённо замерла, прислушиваясь к своим ощущениям, и вдруг не выдержала.

– Я боюсь, – выдохнула она.

– Чего? – Джей непонимающе взглянул на неё.

Милана пожала плечами, не находя в себе сил на откровенность.

– Хочешь сходить к психологу?

– Нет, не к психологу, – сказала Милана, потеряв всякий аппетит.

Уловив её настроение, Джей внимательно посмотрел на неё.

– Скажешь?

Милана зажмурилась и помотала головой.

– Тебе пять лет? – с лёгким раздражением спросил Джей.

Она нервно рассмеялась.

– Невежливо напоминать женщине о возрасте.

– Я здесь не вижу женщину, – сказал Джей. – Здесь какой-то ребёнок.

– Где?

– Ты ведёшь себя, как ребёнок.

Его слова подтолкнули Милану к краю неизбежности.

– У меня задержка, – выпалила она и испуганно замерла, глядя на Джея.

Повисла тишина, нарушаемая стуком её встревоженного сердца.

– Тест делала? – спокойно спросил он.

– Нет, – сказала Милана. – Боюсь.

– Чего ты боишься? – уточнил Джей, глядя на неё без тени раздражения.

– Правды.

Она всегда всё рушит. Стоит мне выстроить свой мир, и тут же непременно что-то случается. В детстве я так не любила просыпаться и понимать, что реальная жизнь намного тусклее и хуже сладких сновидений, обречённых на несбыточность. Боюсь правды с пяти лет, когда меня столкнули с самой жёсткой истиной. Боюсь правды сейчас, потому что боюсь потерять тебя, блин.

– Скажи что-нибудь, – попросила Милана.

Джей посмотрел ей в глаза:

– Я удивлён. Я поражён. Я шокирован, – порционно выдал он.

– Fuck, – пискнула Милана.

– Тупица ты.

Джей встал из-за стола. Милана вздрогнула, боясь, что он уйдёт, но он подошёл к ней и положил руки ей на плечи. Тёплая уверенная поддержка быстро успокоила её. Милана обернулась и посмотрела на него, Джей улыбался.

– Поехали, у меня были планы на тебя, – загадочно сказал он.

Милана ощутила, как сердце сжалось и внезапно радостно забилось в груди.

– А что, если... Если вдруг...

– Тебе придётся потолстеть.

– Потолстеть? – переспросила она, отупев от стресса.

Джей кивнул. Через минуту напряжённого осмысления Милана облегчённо рассмеялась и ещё некоторое время не могла остановиться.

– Ничего не употребляешь? – уточнил Джей, вернувшись на своё место и налив себе кофе.

Она отрицательно покачала головой, смахивая выступившие на глаза слёзы. В голове мелькали странные образы: беременная Николь Ричи, Джей с детской коляской, белое кружево и пинетки.

– Можем пожениться, но я не хочу в Вегасе, – сказал Джей, лениво угостившись блином.

– Да я ещё не думала о браке, – призналась Милана.

– Ешь, – он улыбнулся.

Она взяла себе новый блин. Собственная выпечка ещё никогда не казалась Милане такой вкусной. Неожиданно Джей рассмеялся.

– Что? – Милана взглянула на него.

– Один вопрос решён: мы знаем, кто будет петь колыбельные, – радостно объявил он.

– Я! – хором сказали Милана и Джей.

Особняк на Беверли-Хиллз наполнился смехом, спором и удивительным взаимопониманием, никогда ранее не гостившим в нём.

Необычные дни надо проживать необычно

25 июля 2012

*«Want you to make me feel
Like I'm the only girl in the world
Like I'm the only one that you'll ever love
Like I'm the only one who knows your heart...⁶»
Rihanna – «Only Girl»*

Милана решилась принять нелёгкую правду, находясь в Стране Фантазий, и посетила дамскую комнату в одном из кафе, переполненном детьми. Когда самый надёжный тест показал отрицательный результат, она вышла из своей кабинки и остановилась перед зеркалом, не в силах справиться со странным чувством разочарования, овладевшим её душой.

- Нет, – сказала Милана, вернувшись за столик к Джейю.
- Блины сделаешь ещё? – невозмутимо спросил он.
- Она кивнула и удивлённо посмотрела на их заказ.
- Почему три? – спросила она.
- Одно мороженое – ребёнку, – сказал Джей.

⁶ «Хочу, чтобы ты дал мне почувствовать себя единственной девушкой в мире, единственной, которую ты когда-либо полюбишь, единственной, которая знает твое сердце»

– Are you fucking kidding me? – возмутилась Милана, не до конца справившись со своим стрессом.

– Fucking – yes. Kid-ding – no. No kids yet, sorry, love⁷, – улыбнулся Джей и, заметив её взгляд, придвинул к ней вторую порцию. – Держи, пятилетка.

– Джей, не надо так, – попросила Милана.

– Да, ты права, – он забрал мороженое. – Тебе не надо толстеть.

Она обиженно скрестила руки на груди.

– Я имела в виду, не называй меня пятилеткой.

Он улыбнулся.

– Хорошо. Но сначала перестань пугать детей вокруг своей кислой физиономией, иначе тебя пригласят на роль какой-нибудь колдуньи.

Милана фыркнула и против воли рассмеялась.

– Извини. Просто я...

– Извините, вы Джей Джонс? – к их столику подошла женщина средних лет. – Можно автограф? Мой сын – большой фанат вашего творчества.

Как она вовремя! Я чуть не сказала: «извини, просто я расстроилась, что не беременна». Хотя, на самом деле вообще не могу понять свои мысли по этому поводу.

Пока Джей, с лёгкостью войдя в свой привычный публичный образ, подписывал диснеевский билет, Милана зашла в Instagram, чтобы выложить свежее фото с Микки Маусом.

⁷ Детей пока нет, прости, любимая.

Джей был для неё лучшим фотографом – он знал все её выигрышные ракурсы и всегда ловил самые лучистые улыбки.

– Как тебе моё новое фото? – спросила она, вновь заполучив безраздельное внимание Джея.

Джей открыл Instagram, повертел телефон под разными углами и наконец-то поставил свой королевский лайк.

– Всё по имиджу, – оценил он и, отложив iPhone, сказал. – Ешь мороженое – оно тает!

Милана улыбнулась и, последовав его совету, убрала телефон в свою сумку Celine. Тридцать восьмое по счёту сердечко было самым важным для Миланы, и дальнейшая популярность фотки ничуть не заботила её. Они с Джеем всегда отвлекались от социальных сетей во время личного общения.

– Ты поэтому такая нервная была? – спросил он, придвинув к ней все три порции мороженого.

Она рассмеялась и вернула Джею его любимое шоколадное, оставив себе ванильное и клубничное.

– Разве я была нервная?

– Дай-ка подумать, – он взял глубокомысленную паузу. – Две тарелки, одна ваза и бессмысленная поездка в Сан-Франциско... Додумай.

– Да, ты прав... – Милана смущённо улыбнулась и угостилась своим десертом.

Вкусно и совершенно не пафосно. Ценю в Джеее эту любовь к простым радостям, без которых так скучаешь в дорогих

клубах и мишленовских ресторанах.

– Зачем ты поехала в Сан-Франциско? – спросил Джей, наблюдая за ней с улыбкой.

– Потому что я люблю долгие дороги, – подумав, сказала Милана.

– Я тоже.

– Да?

Она посмотрела на него. Джей увлечённо ел своё мороженое, глядя на шумную компанию, вошедшую в кафе.

– Поехали в Сан-Франциско на уик-энд? – помолчав, предложил он. – Познакомлю тебя с бабушкой.

– С бабушкой? – удивлённо переспросила Милана.

Джей кивнул.

– Почему я только сейчас узнала, что у тебя есть бабушка? – мягко возмутилась Милана.

– Потому что я только сейчас о ней вспомнил.

– Ты шутишь! – рассмеялась она.

– Ты смеёшься, – улыбнулся он. – Хочешь ещё мороженое?

Она отрицательно покачала головой, глядя на Джея.

– Знаешь, почему я нервничала?

– Почему? – Джей доел своё шоколадное мороженое и сосредоточился на Милане.

– Я попробовала представить нашу с тобой жизнь через год, – неуверенно начала она.

– Зачем? – он посмотрел ей в глаза.

Милана пожала плечами.

– Бизнес-планирование – увлекательная тема. Я люблю разные планы и прогнозы.

– Хочешь поступить на МВА? – поддел Джей.

– Нет, – Милана улыбнулась. – Хочу продумать свою жизнь.

– Нашу жизнь, – поправил он.

Их взгляды встретились.

– Почему ты со мной? – спросила Милана и, вспомнив его слова, добавила. – Если не мыслить примитивными категориями.

Он улыбнулся.

– А почему ты со мной?

Милана опустила глаза, не в силах ответить на этот вопрос, но чувства, не нуждающиеся в словах, выразились в сердечке, которое она сделала, соединив перед собой пальцы обеих рук.

Довольный увиденным, Джей сложил в ответ более совершенное сердце. Милана сфотографировала его.

– Я поставлю это фото на твой номер, – объявила она, вновь убрав iPhone в сумку.

– А я запомню этот день, – улыбнулся Джей.

– Я тоже, – призналась Милана. – Спасибо тебе.

– За что?

– За то, что ты со мной, – медленно произнесла Милана, глядя ему в глаза.

Любовь – это когда находишь что-то родное и невероятно притягательное близкое в реальности другого человека. Сильная любовь – это когда хочешь раствориться в другом. Очень сильная любовь – это когда так боишься потерять человека, что уезжаешь от него на сотни километров и убеждаешь себя в том, что у вас всё не всерьёз. Гиск. Признаться другому в любви не так сложно, как признаться самой себе, что любишь, зависишь и нуждаешься в нём сильнее, чем в кофе, славе и солнце...

Джей и Милана провели в Диснейленде весь день: посещали аттракционы, смотрели парад персонажей и вечернее шоу с салютами и танцами, много фотографировались и позировали случайным людям, узнающим их и удивляющимся неожиданной встрече. Джей обнимал Милану гораздо больше, чем обычно, а Милана сияла без усилий, не замечая посторонних и чувствуя себя по-настоящему счастливой. День, насыщенный яркими эмоциями, наполнил теплом их отношения, опустошённые сквозняками чужого любопытства.

Ночью они не поехали в клуб, а заказали пиццу и устроили просмотр ужастика. Милана визжала, Джей смеялся. В детстве он часто бывал на съёмках триллеров, и потому не мог воспринимать происходящее на экране всерьёз – ему гораздо больше нравилось смотреть на Милану, которая пугалась с неподдельной искренностью, прятала лицо в ладонях и порывалась убежать из комнаты, но он крепко обнимал её и успокаивал поцелуями.

Ужастик был необходимой мерой, чтобы Милана прекратила допрашивать Джея о его детстве, бабушке и прочих родственниках, которых он терпел на Рождество, но о которых не желал вспоминать в другое время года. Разговор на личную тему закончился решением переехать в свою собственную квартиру и завести собаку.

– Назовём её... – начала Милана, игнорируя экранные крики очередной жертвы чьей-то больной фантазии.

– Его, – поправил Джей.

– Её, – возразила она, привыкнув с ним спорить.

– Его, – твёрдо сказал он.

Она взглянула на него и улыбнулась.

– Его. Как захочешь, так и назовём.

– По имиджу как-нибудь, – сказал Джей, прокручивая в уме варианты.

– Fluffy?⁸ – предложила Милана и с самым невинным видом взлохматила его волосы.

За что была повержена на диван под громкие звуки финальных аккордов фильма.

Если бы мы с Джейем оказались вдвоём на необитаемом острове, мы бы непременно нашли, чем заняться и о чём поговорить. Но нам и в Лос-Анджелесе хорошо. Джей способен превратить дом в остров, оградить наши отношения от внешнего и наполнить меня любовью и счастьем. Необычный он. Запредельный. Мой.

⁸ Пушистик?

Лучший мужчина – тот, с кем ты становишься лучше

28 июля 2012

Наутро после пятничного концерта Джея Милана вновь испекла блины, а после завтрака он устроил просмотр церемонии открытия Олимпийских игр. Глядя на фантастическое представление, проходившее в её любимом Лондоне, Милана немного жалела, что осталась в Лос-Анджелесе, где не было ни Джоан Роулинг, ни королевы Елизаветы II, ни Дэниела Крейга, ни Роуэна Аткинсона... Однако рядом с ней был Джей Джонс, который компенсировал все недостающие эмоции своей улыбкой и лёгким общением.

Покупка собаки и новой квартиры оказалась вытеснена множеством других дел, о которых было так же приятно говорить. Милана вспоминала Лондон, а Джей, не отличавшийся словоохотливостью, слушал, лишь изредка комментируя её сонные высказывания.

Джей всегда вставал довольно рано, несмотря на клубные ритмы, и Милана, подстроившись под его стиль жизни, тоже научилась меньше спать. Иногда это сказывалось на её сосредоточенности – она просто выключалась во время разговора.

– Да? – спросил Джей, выразительно глядя на неё.

Поняв, что ничуть не уступает ему в невнимании, Милана смущённо переспросила:

– Что?

– Ты же не против, что твоя фотка уже набрала десять тысяч лайков?

– Какая фотка? – оживилась Милана.

Джей улыбнулся и показал ей свою обновлённую страничку в Instagram. На фотографии Милана пекла блины, одетая в самый стильный наряд сезона – белую футболку Джея, эффектно акцентирующую её загорелую кожу и длинные ноги.

– Папарацци! Когда ты успел? – восхитилась Милана, бегом прочитав комментарии под фото.

– *Carpe diem*, – улыбнулся Джей. – Удалить?

– Удалить? Меня? – возмущённо переспросила она и несколько раз потыкалась носом в iPhone, добившись появления белого сердечка на ярком дисплее.

Джей рассмеялся и забрал у неё свой телефон.

– Модель со сковородкой – это нечто, – сказал он, тоже листая комментарии. – Мне все завидуют.

– Чужая зависть делает жизнь аппетитней, – улыбнулась Милана.

Он взглянул на неё.

– Кто это сказал?

– Я. Лет в четырнадцать, наверное.

– Интересный взгляд на жизнь, – отметил Джей, вновь рассматривая фотографию.

– Возможно. Но теперь мне иногда кажется, что зависть отравляет вкус успеха, – подумав, призналась Милана.

– Абсолютно не согласен с тобой, – сказал Джей, легко поцеловав её в губы. – Ты сладкая и блины вкусные.

Милана засияла.

– Мы едем в Сан-Франциско? – спросила она.

– Завтра, – пообещал Джей. – Сегодня мне надо в студию.

Она кивнула и твёрдо решила выспаться в его отсутствие, но этот сладкий план подвергся попытке вдохновением. Когда Джей уехал, Милана села рисовать эскизы, вдруг почувствовав в себе десятки новых идей для свежей коллекции. Она чертила смелые силуэты, выбирала цвета своего настроения и удивлялась тем мыслям, которые бурлили в её голове ещё совсем недавно, по дороге в Сан-Франциско.

По правде говоря, я просто боюсь в один момент оказаться ненужной ему. Боюсь проснуться утром и понять, что мне настало время покинуть его жизнь, как чему-то выдохшемуся и отслужившему свой срок. Что делают девушки на моём месте? Выходят замуж и рожают детей, пытаются удержать мужчину рядом с собой.

Но этот вариант для меня – непозволительная роскошь. Во-первых, женитьба Джейю совершенно не по имиджу. Во-вторых, кольцо на пальце не гарантирует прочность брака – в стране, где так много разводов, это чувствуется острее всего. В-третьих, это было бы просто эгоистично с моей стороны. Для мужчины брак – это ограничение свободы

выбора, для женщины – достижение целостности. Не хочу его никак ограничивать, достаточно того, что Джей дарит мне роскошь взаимности.

Любовь – это свобода быть собой с тем, кому искренне доверяешь. С Джейем я расслабляюсь и в то же время постоянно чувствую необходимость быть лучше, стремиться к чему-то, покорять новые высоты. Люблю фильм «Значит война» за одну мудрую мысль: лучший мужчина – тот, с кем ты становишься лучше. Джей – самый лучший. Он заставляет меня работать над собой, не говоря при этом ни слова. Даже взглядом не намекает. Я просто смотрю на него и сама понимаю, что такому мужчине нужно соответствовать. Да и публичность обязывает...

Что за чудный подсластитель эта зависть! Двигатель прогресса и аперитив... Зависть как знак внимания, безусловно, льстит, но порой от неё болит голова и сердцем овладевает чувство неловкости – становится немного стыдно за своё благополучие, доставляющее другим столько дискомфорта. А порой вспыхивает раздражение на всех тех, кто ленится достигать чего-то в своей жизни, оскверняя вместо этого чужое чистое счастье.

Джей сказал, что мне надо издать «Антологию зависти» на основе всех комментариев в Instagram и вопросов в Formspring. Сначала я приняла это за шутку, но теперь понимаю, что с каждым днём против воли всё больше углубляюсь в изучение этого возвращающего состояния челове-

ской души, знакомого мне с раннего детства.

Зависть и любовь – пожалуй, одинаково сильные эмоции, только они заряжены по-разному. Такие светлые чувства, как любовь, доброта, сострадание, насыщают и обогащают душу. Негативные эмоции, наоборот, подобно чёрным дырам разъедают душу изнутри, искажают восприятие и не знают насыщения. Тот, кто излучает только негатив, давно уже не живёт полноценно. Сплетники, завистники, клеветники не могут остановиться, утратив интерес к собственной жизни и самоуважение.

Люди, страдающие лихорадкой зависти, испытывают повышенное напряжение честолюбия при полном отсутствии чести. Кажется, что каждый из них готов покорять мир. Хотя на самом деле зависть – это самый яркий признак лени. Завистники обычно бездеятельны: на зависть тратят столько эмоций, что на дела не хватает ни времени, ни сил.

Зависть лежит в основе всех низких суждений, пустых оскорблений, клеветы и беспочвенной критики. Чужое счастье раздражает рецепторы завистливой души. Просто необходимо опустить другого и успокоиться, чтобы не прикладывать усилия и не пытаться расти. Приклеил ярлык, поставил точку, выдохнул. Вопрос решён, отношение определено, эмоция выбрана – можно обсудить, осудить, сравнить и расслабиться.

Людям нравится завидовать и осуждать – это оправ-

дательная терапия для бездеятельных. Завистники не хотят развиваться, они тяготеют к амёбному спокойствию. Для полного счастья им нужно лишить предмет зависти его особенностей, уподобив себе, чтобы и дальше стоять на месте, только уже не отвлекаясь на внешние раздражители, то есть, на тех людей, которые к чему-то стремятся.

Завистники – самые внимательные люди. Они старательно и с удовольствием разбивают целое на частности, выискивая недостатки, ту самую соринку в глазу. Собрать мозаику в целое и по достоинству оценить предмет своей зависти – дело глупое и бесперспективное. Для этого надо любить человека. А здесь интересен не сам человек – важна самореализация за его счёт, на его фоне или в его глазах. В равной мере не переношу лицемерных подхалимов и хейтеров. Тех, которые не помогают быть лучше, а преследуют свои собственные мелочные цели.

Лесть – двоюродная сестра зависти. Жадность – родная. Желая обладать чужими благами, люди яростно завидуют. Но одни только бурления эмоций не прибавят ни богатства, ни славы, ни любви. Зависть – опасная иллюзия деятельности. Она затягивает, как гнилое болото, лишая душу света и чистоты. Люди завидуют и не понимают, насколько велик риск захлебнуться на мелководье собственной завистливой души.

Впрочем, не мне их спасать. Новая пресс-конференция

в Formspring, вероятно, будет посвящена блинам, целлюлиту и моим непомерно толстым ногам. Может, я бы расстраивалась из-за таких мелочей, если бы мной так искренне не восхищался тот, в чьих глазах мне важнее всего быть красивой.

– Я не нравлюсь твоей бабушке. – Я тоже. Мы идеальная пара

29 июля 2012

Луиза Дэвис-Джонс была статной дамой 73 лет. Она жила в изысканно огромном особняке и знала толк в роскоши. Во время долгой поездки Джей немного рассказал Милане о своей бабушке, и полученных сведений хватило, чтобы Милана ожидала встречи со страхом и трепетом.

Но всё прошло намного лучше, чем она боялась. Они приехали в два часа и застали Луизу на террасе второго этажа, где она читала газету. Её интересовали исключительно разрушительные катаклизмы и громкие скандалы, поэтому хрупкая миролюбивая Милана не произвела на миссис Дэвис-Джонс никакого впечатления.

– Мэри-Энн нравилась мне гораздо больше, – сказала Луиза, глядя на внука и выразительно не замечая Милану.

– О вкусах не спорят, – сказал Джей, глядя на океан. – Мне нравится Милана.

– Полячка? – Луиза окинула Милану оценивающим взглядом.

– Русская, – сказал Джей.

– Всё понятно.

Это консервативно самоуверенное «всё понятно» очень

напрягло Милану, но Джей предложил обсудить все подробности за чаем.

– Кто такая Мэри-Энн? – спросила Милана, как только они покинули террасу и спустились в сад, раскинутый на заднем дворе.

– Мне было шесть, ей – четыре, – улыбнулся Джей.

– Ты любил её? – поинтересовалась Милана, ничуть не успокоенная его словами.

– Конечно, – сказал Джей, обнимая её за талию. – Я люблю любить.

– Мне надо ревновать? – уточнила она.

– Ревнуй, – благосклонно разрешил он. – Только сначала объясни мне, почему девушек так интересуют бывшие?

Милана посмотрела на него, удивлённая таким сложным в своей простоте вопросом.

– Потому что... – начала она и перешла в наступление. – А разве они не должны нас интересовать?

Джей улыбнулся.

– Бывшие по какой-то причине не нынешние, значит, в них было что-то не то и не надо ими интересоваться. И вообще не всегда причина в девушке. Лови тренды, опережай время, чтобы не было будущих.

Милана нервно рассмеялась. Мысль о будущих девушках Джея Джонса омрачила её солнечное настроение.

– Я не нравлюсь твоей бабушке, – тихо сказала она, взглянув на совершенно породистые багровые кусты роз, выса-

женные по обеим сторонам аккуратной садовой дорожки.

– Я тоже. Мы с тобой идеальная пара, – сказал Джей, глядя на неё.

Милана улыбнулась, услышав в его словах милую попытку утешить её. Любовь Луизы к внуку была заметна и неоспорима.

– Она ничего про меня не знает, да? – спросила Милана.

– Она знает всё, – ответил Джей. – Что посчитала нужным узнать.

– А почему тогда она назвала меня полячкой?

– Чтобы проверить твой характер, – он улыбнулся. – Пока ты неплохо справляешься, но лучше ничего здесь не бей. Хорошо?

– Скажешь тоже...

Милана окинула сад долгим взглядом.

– Ты здесь рос?

– Я не куст.

Она рассмеялась.

В это время в сад вышла горничная и пригласила их пройти в столовую. Луиза Дэвис-Джонс уже ожидала их, восседая за столом, накрытым к чаю. В светлом брючном костюме с благородно белыми волосами она показала Милане воплощением тех этикетных правил и норм, к которым она так стремилась в свой лондонский период.

Луиза обратилась к Джею с долгой речью, рассказывая ему о печальной участи неизвестного Милане Мориса Пи-

терсона, который скоропостижно скончался на борту своего джета. Пока говорила хозяйка, гости замерли в почтённом слушании. Милану не покидало чувство, что Джей не имел ни малейшего понятия, по кому именно скорбела его бабушка. Его мерное кивание свидетельствовало о том, что он сочинял новую песню. Возможно, про роскошно одинокую смерть в облаках...

Наконец, после торжественно трагического «он был такой молодой» все приступили к чаю. Милана ощущала на себе изучающий взгляд Луизы и, подняв глаза, поняла, что пришло время подать свой малозначительный, но вполне благозвучный голос.

– Великолепный фарфор, – восхитилась она.

– Из него пила кузина Вудро Вильсона.

– Правда? Как интересно... – сказала Милана, с должным почтением взглянув на свою чайную пару.

– Да, это, действительно, очень интересно... – начала миссис Дэвис-Джонс.

Джей кашлянул.

– Джейсон, конечно же, знает эту историю, – Луиза одарила внука покровительственной улыбкой.

– Джейсон? – переспросила Милана и посмотрела по сторонам.

– Конечно, дорогая, – Луиза снисходительно улыбнулась, переключив своё внимание на Милану. – Разве у моего внука может быть простое имя?

– Я... – начала Милана, но была тут же перебита.

– Джейсон Гордон Джонс, почему ты не представляешься надлежащим образом? – строго спросила Луиза.

– Потому что моего портрета нет на горе Рашмор, – спокойно объяснил Джей.

Милана с трудом сдержала смех, но улыбка, появившаяся на её лице, не прибавила баллов в её пользу.

Чаепитие прошло в атмосфере, проникнутой чувством уютного дискомфорта, знакомого всем, кто хотя бы раз надевал тёплый колючий свитер на голое тело. Милана, обожавшая шерстяные свитера с оленями, ещё в детстве усвоила, что, какими бы прелестными не были их мордашки, покалывание и почёсывание не дадут расслабиться. Пока Джей отвечал за личную жизнь своего отца, Милана рассматривала картины и фотографии, украшавшие стены. И только когда они, наконец, покинули особняк, она поняла, как сильно была напряжена всё это время.

Та еще леди Элис. Только Луиза совсем не лицемерит со мной. Порция явного неприятия на десерт... Восхитительно вкусная искренность. Bon appétit, mademoiselle russe.

– Ты самый лучший! – Я единственный

29 июля 2012

Некоторое время они катались по городу, приводя в порядок мысли, и встретили закат на набережной, где Джей проветривал Милану после душного особняка и пытался развеселить её, искренне жалея о своём необдуманном поступке. Бабушка была не в настроении из-за преждевременной смерти Питерсона, своего двоюродного племянника, которому она хотела завещать дом. Поэтому появление красивой жизнерадостной и прекрасно воспитанной Миланы вызвало у неё приступ снобизма.

– Она не всегда такая, – уверял Джей.

– Ты не говорил мне, что ты Джейсон, – в мягком голосе Миланы послышался лёгкий упрёк.

– Потому что я Джей, – улыбнулся он.

– Ты родственник 28-го президента? – спросила она, остановившись у парапета.

– Вау! Ты знаешь всех президентов наперечёт? – восхитился Джей.

Милана фыркнула.

– Я училась в школе.

– Я тоже. Не знаю русских царей, извини.

– Всё в порядке, у меня дома нет императорского фарфора, – сказала она, не глядя на него.

– Да что с тобой? – Джей обнял её за плечи.

– Не знаю, – тихо призналась Милана. – Люблю традиции.

– Традиции?

Он посмотрел на неё с интересом. Она кивнула.

– Да, традиции. Они сохраняют целостность восприятия жизни, понимаешь? Традиции – это ориентиры, ценности, на которые равняешься и которые уважаешь. Когда все выражают только себя, без оглядки на опыт предшественников и на действия своих современников, – это соло в песочнице. «Взрослый мир», который я всегда себе представляла, но так редко вижу в реальности, он системный, там есть правила. Должны быть.

– «Соло в песочнице»? Тебе определённо надо в политику, – со знанием дела заявил Джей.

Милана смешно прикрыла рот рукой.

– Я много говорю, извини, – пробормотала она.

– Да всё в порядке, я очень хорошо понял, что ты любишь традиции.

Лёгкий ветерок ласкал её распущенные волосы. Отдельные пряди то взмывали в воздух, то падали на лицо, а она убирала их механическим жестом, совершенным в своей отточенной красоте.

– Знаешь, у тебя замечательная бабушка, – помолчав, сказала Милана. – Я просто соскучилась по классике.

– А у тебя красивая улыбка, и я по ней соскучился.

Она наконец-то улыбнулась и посмотрела ему в глаза.

– Ты же не... Я же...

– Что? – резко спросил Джей, за день пресытившись женскими риторическими изысками.

– Хочу американское Рождество! – неожиданно сказала Милана.

– Что? – не понял он.

– Американское Рождество, – терпеливо повторила она.

– Что ты имеешь в виду? – он улыбнулся.

Милана пожала плечами и посмотрела по сторонам.

– Ну... Сам знаешь, большой дом, много родственников, нарядная ёлка, вкусный обед, хоралы, чулки с подарками...

– Да, хороший сценарий, – одобрил Джей. – Можно будет посмотреть какой-нибудь фильм об этом.

– Фильм? Разве вы не встречаете Рождество всей семьей? – спросила Милана.

– Нет.

– Почему? – удивилась она.

– У нас каждое Рождество новая семья – лень знакомиться, – с улыбкой пояснил он. – Но ты не волнуйся! Мы с тобой нарядим ёлку и закажем себе самый вкусный обед. Если, конечно, не случится конец света.

Милана мягко рассмеялась.

– Ты удивительный оптимист.

– Реалист, – поправил Джей. – И ты права, я удивитель-

ный.

– Ты самый лучший, – она поцеловала его.

– Я единственный, – сказал он ей в губы.

Она улыбнулась и обняла его.

– А я фантазерка. Знаешь, я так сильно хочу нормальную любящую семью. Это моя детская мечта. Ненормальная я, не обращай на меня внимание.

Милана рассмеялась для большего эффекта, упраздняя значимость собственных слов.

– Поздно. Уже обратил.

Она посмотрела ему в глаза и улыбнулась.

– Знаешь, никогда бы не подумала, что такой крутой парень может целый год встречаться с...

– Крутой моделью с глазами цвета баксов, пустой душой и улыбкой с изгибом корысти, да?

– Oh fuck you, – произнесла она со своим неизменно лондонским акцентом.

Её фирменная многозначительная фраза на этот раз прозвучала тепло и нежно. Остаток прогулки Милана была весёлой и старательно расспрашивала Джея о кухне Вудро Вилсона, но он благоразумно решил перепоручить пересказ своей бабушке, которую предстояло вновь навестить на День благодарения.

Они вернулись в Лос-Анджелес на рассвете понедельника. Всю долгую дорогу Милана мечтала вслух и рассказывала Джею о своей учёбе в Англии, а он думал свои мысли и со-

чинял тексты. Последние несколько дней сильно сказались на творчестве – чувства сместились в другой жанр, и, чтобы избежать проникновенных лирических баллад, Джей старался направить свой поток сознания в нужное русло, предопределённое его популярностью.

Рождество казалось очень далёким праздником, но слова Миланы всколыхнули в сердце Джея новые эмоции, и циничные строки о деньгах, самолётах, клубах и «модных язычниках, поклоняющихся Bugatti», оказались вытеснены бодрыми ритмами Jingle Bells. Улыбка Миланы согрела остывшие мечты и пробудила чувства, давно вышедшие из моды, но ничуть не утратившие своей ценности для души, способной любить...

– Джей, я сейчас не готова любить. – Захочешь солнца, приезжай

23 декабря 2012

23 декабря 2012 года конец света не произошёл – ни в Нью-Йорке, ни в мире вообще. Но мой свет давно уже погрузился во мрак – я же так люблю опережать события. Что мне календарь майя?..

Снег медленно спутывался в волосах одинокой модели, неспешно вышагивающей по припорошенным аллеям Центрального парка. Она была в узких чёрных джинсах, чёрной кожаной куртке и вызывающе белом шарфе крупной вязки. Сжимала в руке тёплый стаканчик Starbucks и, не решаясь поднять глаза к небу, считала снежинки, приземлявшиеся на её кожу. Ледяные звёздочки быстро таяли, не дожидаясь, пока она загадает своё желание. Но её душа глухо безмолвствовала: равнодушная к волшебной сказочности момента, она давно уже перестала мечтать.

Быстрые мысли сменяли одна другую. Нерешённые дела, важные звонки, предстоящие вечеринки, съёмки... Одним словом, вся та целебная рутина, уже не первый день спасавшая её от срыва.

Джей был в Австралии. Выступал там на каком-то важном концерте и выкладывал много фотографий в Instagram. Она

лайкала, но не всматривалась: при виде его улыбки щемящая тоска сжимала сердце Миланы с такой силой, что хотелось упасть и прекратить своё существование. Но она шла дальше, давно уже подчинив свои желания темпу модной походки, которой она покоряла подиумы и достигала своих одиноких высот.

Они так и не завели собаку. В сентябре Милана выпустила новую капсульную коллекцию, благосклонно встреченную поклонниками и байерами, изменила ценовую политику своего интернет-магазина, увеличив продажи втрое, снялась в клипе Джея и вновь приняла участие в осенней Неделе моды в Нью-Йорке.

Наутро после завершающего показа у неё случился выкидыш. Джей был зол на неё за диеты и подиум, а Милана, убитая чувством вины, вдруг потеряла всякий интерес к жизни. По счастливому стечению обстоятельств, никто, кроме них двоих, не был в курсе неудавшейся беременности, и потому им не приходилось отвечать ни на чьи вопросы. Но общаться друг с другом стало намного сложнее. Милана подолгу сидела на террасе их лос-анджелесского особняка и смотрела на океан, видневшийся в отдалении. То слушала, то напевала одну единственную песню «Skyfall» и выводила Джея из себя своей тусклой апатией.

Он пытался вернуть её к жизни и повёз в Париж, но там Милана столкнулась со счастливо замужней Ребеккой, которая жила в Пасси и воспитывала годовалого сына, и оконча-

тельно раскисла. Джей рассердился ещё больше, когда Милана отказалась ходить к психологу. Пытаясь спасти отношения и как-то реабилитироваться в его глазах, она переехала в Нью-Йорк, где заключила контракт с модельным агентством, и попробовала снова выстроить свой мир из серых руин. Получилось плохо.

Разговор, состоявшийся в одном из модных манхэттенских кафе, до сих пор снится Милане, и каждый раз во сне она проживала его иначе. Во время этих снов на её беззаботном лице появлялась мечтательная улыбка, сердце наполнялось позабытым теплом, а уши не желали слышать будильник. Но сны всегда обрывались на самом важном месте и, просыпаясь утром в своей небольшой уютно пустой квартире, Милана встречалась с неизменно холодной правдой – вечной спутницей её одиночества.

– Возвращайся в LA, – попросил Джей, держа её за руку.

Милана сглотнула подступившие к горлу слёзы и отрицательно покачала головой.

– Я тебе сейчас не подхожу. Ты солнце, Джей, а я похожа на дождевую тучу.

Он улыбнулся и провёл рукой по её щеке.

– Отношения – это переменная облачность. Мы нужны друг другу, забыла?

– Джей, зачем я тебе такая? – спросила Милана, убеждённая в неизменности своего депрессивного состояния.

Он посмотрел ей в глаза, согреть теплом искренности.

– Я люблю тебя.

Не в силах выдержать его взгляд, Милана посмотрела в окно на серый занятой четверг и вновь ощутила себя во власти своего вредоносного одиночества.

Я люблю тебя, как солнце. Ты яркий и чёткий, с тобой тепло и хорошо, но я сейчас не могу без солнцезащитных очков и крема с SPF-35. Дело всецело во мне.

– Джей, я сейчас не готова любить. Поверь, так будет лучше для нас обоих.

Он поверил и, подарив ей на прощанье кулон-сердечко от Tiffany, сказал:

– Захочешь солнца, приезжай.

Милана улыбнулась и кивнула. Он легко поцеловал её в губы и посадил в такси. С тех пор прошло более месяца. Милана Смоленская привыкла к туману собственных мыслей и улыбалась только в объектив фотографов. Вне съёмок на её лице всегда были солнцезащитные очки и маска вежливой светской благожелательности. Сиять она и вовсе перестала.

Время лечит только тех, кто хочет выздороветь. А у меня странное состояние – присутствую здесь, но не живу. Время летит, а чувства остались в прошлом. Мир полон прекрасных ярких событий, а я совершенно пустая и тусклая. Я сейчас не интересна даже самой себе. Странно, что у меня столько поклонников...

Мне с собой удобно. Только пусто. Думаю о ДЖее и ужасно скучаю

4 июня 2013

Саундтрек эпизода: Shwayze ft. Cisco – «Rich Girl»

– Ты вся сделанная, 100% fake

– Да-да) Губы накачала, косу привязала, ресницы нарастила, на ногти не хватило

– Ты такая страшная. Что в тебе вообще нашёл Джей?

– Достали уже. Не нравится – отпишитесь от меня и осуждайте молча. Извините, иногда я бываю искренней

– Дай номер Джея

– Нет

– У тебя такая офигенная жизнь!

– Да у меня та же жизнь, что у вас. Просто она красиво запакована и подана с бантиком

– Если бы у меня были твои деньги, я бы столько всего купила))

– Не в деньгах счастье и не в вещах)

Но никто не поверит, конечно же

– На твоём месте, я бы встречалась с Андреасом

– Упражняйтесь, живите моей жизнью – это ваше право. Может, когда-то случайно пропустите свою, а ведь время не вернешь.

Обеспокоенно завистливые ищут успокоения. Либо испортить чужую радость, либо осудить. По сути, они тоже страдают.

– Ты толстая

– Не спешите кидаться камнями в других, ведь из этих камней можно построить себе отличный особняк)

– Ты с Альфредо?

– Нет

– Сколько стоит твоя мечта?

– Бесценна

– Где тебя можно встретить?

– Сама не знаю)

– Я бы хотела прожить один день на твоём месте

– Взаимно

По сути, хотела бы ненадолго переместиться в нормаль-

ность. В мире, где людьми правит желание заполучить всё самое лучшее, безопасней быть брюссельской капустой на тарелке капризного ребёнка. Но нет, я уже обречена быть сладким трёхэтажным тортом, который все хотят съесть, но праздник всё никак не наступит. Не дождутся!

Юный июнь застал двадцатидвухлетнюю модную миллионершу на одном из оживлённых пляжей острова развлечений, где она восстанавливала силы, потраченные на подиумы, съёмки и ведение бизнеса. Её одиночество скрашивала единственная подруга, красавица-модель Кэндис Сол.

Кэндис было двадцать. Шоколадная кожа, выразительные миндалевидные глаза цвета кофе, пухлые губы, высокие скулы и длинные чёрные волосы уже несколько сезонов подряд делали её любимицей дизайнеров и модных фотографов, напоминая им Наоми Кэмпбелл.

Кэндис родилась и выросла в Нью-Йорке. Она была улыбчивой и общительной и потому имела множество подруг, но на этот раз она предпочла общество Миланы, которой доверяла, как сестре, и которую считала своим модным наставником. Вместе они изящно грустили среди беспечно весёлой толпы. Кэндис переживала разрыв с бойфрендом, который оказался геем спустя четыре месяца совместной жизни, а Милана всё ещё искренне и безутешно тосковала по Джею.

Да-да, моё состояние оценивается в десятки миллионов долларов, но моё душевное состояние оценке не подлежит. До него, впрочем, никому нет дела. Чужие деньги стран-

но возбуждают людей, чужие проблемы вызывают торжество злорадства, а затем волну полного безразличия.

Я утомлена. Это сейчас модно чувствовать. Устала от себя, от однообразных пустых дней, от грязных слухов и монотонно пошлого внимания. Никому нет дела до благотворительности, которой я занимаюсь, до искусства, которым увлекаюсь, до книг, которые читаю. Всем важно знать, с кем я сплю. А я сплю одна. Но это так неправдоподобно и скучно...

Свой день рождения Милана провела в Монако на яхте итальянца Альфредо, беззаботного наследника многомиллионного состояния, сделанного на оливковом масле, красном вине и автомобилестроении. Альфредо был парнем Джулии, модели, с которой Милана познакомилась на одном из показов весенней Недели моды в Милане. Пара распалась на следующий день и, как следствие, Милане приписали бурный роман с Альфредо. Милана неделю успокаивала Джулию, никак не реагировала на слухи и игнорировала букетные знаки внимания ветреного Ромео.

Джулия быстро оправилась и вновь встала на свои 14-сантиметровые Prada, а Милана никак не могла избавиться от шлейфа, в который вплетались всё новые имена. До Альфредо был богатый грек Андреас, но неуёмные наблюдатели быстро осознали беспочвенность своих подозрений – то, что Милана и Андреас были замечены вместе в одном модном доме, ещё не означало, что их объединяло что-то, кроме

любви к Valentino.

Перед Андреасом были известный голливудский актёр, с которым Милана снялась в рекламе мужского аромата, модный фотограф, прославленный своей любовью к блондинкам, именитый баскетболист, с которым Милана была замечена на пробежке в Центральном парке...

В какой-то момент Милана поняла, что не успевает отслеживать и запоминать всех своих предполагаемых кавалеров. Её поклонники рисовали для неё жизнь, полную любви и роскоши, а Милана робко улыбалась и шагала в своём умеренном темпе под песни Ланы дель Рей.

Минимальная яркость, социозащитные очки, добровольное одиночество... Мне с собой удобно. Только пусто. Думаю о Джее каждый день, слушаю его песни, смотрю наши совместные фотографии, вижу его во сне и ужасно скучаю...

В январе Милана была на съёмках в Лос-Анджелесе и хотела позвонить Джею, но не решилась. С каждым днём, отделявшим её от прошлого, она становилась всё более беспомощной перед лицом любви, которой пренебрегла, но которой до сих пор было верно её эгоистичное сердце.

Чувствую себя пустой раковиной, выброшенной на берег безразличным прибоем. Игрушка по воле волн, жертва собственной слабости. Хотя... я же не принимала решение, значит, не несу ответственность за последствия. И не надо думать о том, что принятие обстоятельств – это осознанная позиция. Всё само так вышло. Точка.

Они поздравляли друг друга с праздниками в Facebook, демонстрируя хорошие отношения. Папарацци усердно ловили и Милану, и Джея в обществе других людей, сплетники плели сети домыслов, Милана огрызалась в Formspring, утратив бывшее спокойствие, друзья Джея никак не комментировали ситуацию, а сам Джей работал над новым альбомом, не давал интервью и не объявлял о расставании с Миланой.

Они просто существовали отдельно друг от друга, но расстояние между ними неумолимо увеличивалось. *Поделили мир. У Джея – Лос-Анджелес, ещё одна точка невозврата на карте моего жизненного пути, а у меня – Нью-Йорк и остаток глобуса. Равнение на воздух – в смысле, куда занесёт.*

Деньги дарят мне свободу и безлимит на ошибки. Что бы я ни делала – я всегда могу улететь в тёплые страны и залечивать там свои раны. Как жаль, что уже нельзя просто бродить по миру вольным путником, желающим познать жизнь. Сейчас везде границы, визы, таможни, валюты...

Раньше можно было набраться смелости, отправиться странствовать и увидеть всё своими глазами, и пережить то, о чём не в силах рассказать даже самый красноречивый сказочник. Самолёты – это всё-таки немного не то. Да и мир уже другой...

У меня есть свобода летать, но нет возможности скрыться от прошлого в незнакомом городе. То, что меня

бесит, всегда рядом – со мной везде мои воспоминания и мысли, да и узнаваемость не даёт расслабиться. По итогу я бесцельно брожу – не по городам и странам, а по подиумам и клубам. Каждый клуб – как город, в какой-то мере. География моих скитаний всё время пополняется новыми геолокациями, фоны меняются, картинки мелькают, но на самом деле я стою на месте.

Так одиноко, хотя вокруг столько людей, которые меня знают. Точнее, думают, что знают. Я сама себя не знаю, иначе не была бы сейчас здесь. Чем холоднее в душе, тем сильнее тянет в жаркие страны – куда подальше от чувств. Перелётная птица любви ушла в авиарежим и совершенно не хочет возвращаться.

Я уже пропустила то время, когда можно и нужно было вернуться

4 июня 2013

Море равнодушно шумит и бежит на меня. Волны так же стремительны, как наша история любви. А я чувствую себя опустошённым берегом, обвешанным вонючими водорослями.

– Какая-то сволочь меня сфотала! – недовольно сообщила Кэндис, вернувшись к Милане.

Кэндис наслаждалась купанием в тёплом море и чужом внимании, а её вяло живая подруга, прикрыв глаза, лежала под лучами солнца и думала о Дjee.

Не надо было нарушать свои собственные законы. Когда-то я была более мудрой и, обжéгшись на собственном опыте, сделала вывод: «Лучше лететь туда, где ждут. И не затягивать». Сейчас я уже пропустила время, когда можно и нужно было вернуться, и теперь словно выпала из жизни. Сама как выкидыш из собственного счастья...

Как легко мы интерпретируем обещания, данные себе. Подстраиваем их под свои слабости, делаем себе поблажки и заглушаем совесть. Я живу так, как хочу. Не иначе.

– Эй, мамуля, ты меня слышишь? – Кэндис легла на свой шезлонг и помахала рукой перед лицом Миланы.

Милана рассмеялась. Кэндис была единственной, кому она доверила правду, не в силах держать всё в себе. Пару дней подруга искренне сочувствовала ей, затем начала шутить на эту тему. Милана попробовала обидеться, но потом вдруг рассмеялась, и с тех пор ей стало гораздо легче дышать, улыбаться и смотреть на чужих детей.

– Что говоришь? – спросила она, приподнявшись на локтях.

– Какая-то сволочь меня сфотала, – повторила Кэндис с неизменным недовольством в своём богато окрашенном голосе.

– Нечестно со стороны сволочи, – с улыбкой отметила Милана.

– Знаешь, как показывает опыт, сволочи честными не бывают, – вздохнула Кэндис. – Вот Рикки, кто ж знал... Всё было так хорошо! Пока вдруг не стало так плохо!

– Всегда так, – со знанием дела подтвердила Милана.

– Ты же понимаешь, что я люблю геев, – громко воскликнула Кэндис, перекрикивая мысли Миланы. – Я обожаю геев. Геи замечательные! Но я любила Рикки как мужика, а не гея.

Милана вздохнула, искренне сопереживая личной драме подруги, но не находя нужных слов.

– Кэндис Сол? Милана Смоленская? – к ним подошёл какой-то парень.

Милана Смоленская – это я. Одного имени уже давно достаточно, чтобы не представляться дальше.

Девушки окинули незнакомца враждебно отпугивающим взглядом, но он обладал отчаянной смелостью и бодро продолжил:

– Извините, вы лесбиянки?

– Ты чё слепой? – рявкнула Кэндис. – Мы близняшки!

Незнакомец удивлённо уставился на них, пытаясь найти сходство между темнокожей фигуристой брюнеткой, излучавшей уверенную энергию жизни, и худой блондинкой, лишь слегка золочённой загаром.

– По сути слепой, – буркнула Сол.

Милана рассмеялась.

– Можно вас сфотографировать? – спросил попавший в немилость парень.

– Нет, – твёрдо сказала Милана.

– Интервью не дам. Довольствуйтесь моим outlook-ом, – сказала Кэндис, и демонстративно перевернулась на живот.

Милана, недолго думая, последовала её примеру, подставив спину тёплому солнцу и любопытным взглядам.

– Полежать не дают спокойно, – буркнула Кэндис, едва фотограф отошёл от их шезлонгов. – Давай сфотаемся для Instagram?

– Ты фотай, – согласилась Милана.

У Кэндис всегда получались превосходные селфи, и подруги уже не первый день разряжали свои iPhone, фотографируясь. Кэндис инициировала поездку в Испанию с целью «освободиться от оков прошлого и проветрить мысли». Сол

уверенно достигала свои цели, а Милана просто наполнялась солнцем. Критически рассматривая портрет своего настроения, она признала, что Ибица и вправду пошла ей на пользу.

– У нас с Рикки были очень стильные отношения в духе времени. Всё началось с I like you, а закончилось I unfollow you, – усмехнулась Кэндис, выкладывая фото в Instagram.

Улыбнувшись многозначительности высказывания Сол, Милана снова подумала о Джее, вспомнив «Like But Don't Follow», с которого началась их любовь. *Сама себе предсказала судьбу: он мне нравится, но я боюсь вновь появиться в его жизни. Fuck. Чем усердней пытаешься забыть, тем ярче воспоминания. Тону в своём прошлом, а в настоящем нет ничего, что могло бы вытащить меня из этого омута.*

– Джей тебя фолловит, – зачем-то сказала Кэндис.

Милана шумно выдохнула и уронила голову на руки.

– У него новая девушка, – промычала она.

– Не-е-е, – протянула Кэндис и потрепала её волосы. – Это просто фанатка какая-то, ничего серьёзного. Привет, Лиз!

Кэндис поприветствовала кого-то и тут же добавила в полтона:

– Как меня это бесит... Вроде Ибица, а кругом одни знакомые рожи. Простите, лица.

Милана фыркнула и посмотрела на неё.

– Тебе же нравится быть узнаваемой.

Кэндис улыбнулась и кивнула.

– Возмущаюсь – не значит, не ценю. Просто бесит.

– И меня, – сказала Милана. – Мне иногда кажется, что я конкретно не дотягиваю до своего образа.

Кэндис заливисто рассмеялась.

– Детка, да тебе не кажется. Ты конкретно не дотягиваешь, – заявила она, сияя широкой белозубой улыбкой.

– Кэс, ты же знаешь, что я соберусь, – Милана попробовала убедить саму себя.

К её удивлению Сол не стала возражать.

– Понимаю тебя. У меня всегда так: отдаюсь мужчине без остатка, а потом пытаюсь собраться. Но у тебя какая-то затянувшаяся депрессия. Нужен внешний допинг. Пойдём в клуб, а?

Милана кивнула. Зазвонил её телефон, она взглянула на дисплей и выключила звук. После диалога, состоявшегося пару дней назад, разговаривать с дедом не было ни сил, ни настроения.

– Я рассчитывал, что ты выйдешь замуж за Джейсона, – строго сказал Николай Константинович.

– Дедуль, давай не об этом, – попросила Милана, не в силах объяснить ни себе, ни деду истинную причину своего расставания с Джеем.

– Милана, думаешь, мне приятно читать, что о тебе пишут?

– Мне тоже было неприятно первое время, потом привыкла, – попробовала отшутиться Милана с напускной беззаботностью.

Дед, казалось, не услышал её.

– Я, конечно, могу их заткнуть, но... Милана, в чём-то они правы.

Милана вздрогнула, как от пощечины, и возмущённо воскликнула:

– Что? Ты же знаешь, что это не правда! Я работаю и мне некогда расплыться на все эти связи.

– Милана, тебе двадцать два года. Пора стать серьёзней.

– Жизнь давно заставила меня повзрослеть, дедуль.

– Я имею в виду брак.

– А может, я не готова быть серьёзной? У меня есть деньги, чтобы жить так, как хочу. Я сама заработала их, понимаешь?

Милане хотелось поскорее завершить этот напряжённый разговор.

– Да, ты давно уже заработала свою свободу, – помедлив, признал дед. – Я просто хочу, чтобы ты вышла замуж.

– А я вообще не выйду замуж! – твёрдо сказала Милана.

– Это не тебе решать, – холодно поправил дед.

– В смысле?

– Ещё поговорим.

Равнодушные гудки, странные слова, отчуждение и опустошение. *Не Принцесса, а Милана. Он зол на меня. Первый раз так. Дегradировала, детка... Дети – это изнанка семьи. Я, похоже, неровный шов Смоленских. Впрочем, я уже давно сама по себе.*

Потеряла веру в лучшее и любовь – такую меня не люблю даже я

4 июня 2013

Людям нравится нравиться, по факту. Люблю отдыхать там, где любят меня. А любят меня везде – были бы деньги. Денег много, а обезболивающие такие дорогие и недоступные. Лишь внимание искренне любящего человека наполняет душу теплом. Но в отсутствие оригинала иногда можно прибегнуть к заменителям. Применяю старое школьное правило: дешёвые друзья на дорожную выпивку быстро покупаются, а мне не важна их цена – мне ценно зрелище. Просто страшно быть одной, если честно... Пусть веселятся все вокруг! Мне же должно быть весело.

Милана и Кэндис пошли в клуб с большой компанией своих поклонников, которая сформировалась спонтанно и стремительно увеличилась, когда Милана сняла лимиты с расходов на алкоголь. Ночь была в разгаре, ритмы музыки заглушали мысли, а градусы поднимали настроение.

В веселье жизнь прекрасна, пока любви не знаешь... Иногда ничего не остаётся, кроме как следовать маминому совету и лечиться крепкими напитками, потому что мне больно, потому что я слабая, потому что я уже и так от-

ключилась от жизни. *Alcohol fills the hole in my soul*⁹. Это лекарство от головы. Для головы пить нет смысла. От себя никуда не деться, но можно временно забыться в «Амнезии».

– Ты девушка Джея Джонса? – спросила неизвестная Милане брюнетка, говорившая по-английски с сильным акцентом.

Её вопрос выключил Милану сильнее коктейля.

– Я Милана Смоленская! – воскликнула она.

– Нравится твое платье, – громко сказала девушка. – Дорогое?

– Versace, 2000 баксов, – прокричала в ответ Милана.

Безвозмездный product placement. Об этом вся моя продажная жизнь. Дорогие вещи, дешёвые люди – всё как обычно. Любовь? Её нужно заработать. Таковую меня не люблю даже я...

Как именно они с Кэндис попали на сцену, Милана не поняла, но, разогретая толпой и алкоголем, продолжила танцевать под зажигательный трек модного диджея.

Чтобы привлечь внимание и завоевать любовь, мода выходит на подиум. А я никогда не отставала от моды, и сейчас я хочу танцевать! Да, танцевать! На осколках своей жизни, на ошибках, на иголках. Танцевать, потому что здесь и сейчас все эти люди смотрят только на меня. Потому что это мой день освобождения, мой момент славы. По-

⁹ Алкоголь заполняет пустоту в моём сердце.

тому что я так чертовски устала. От фальши и самообманов, от всей этой модной мишуры, которая пробуждает в сердцах других жадную зависть, и без которой я не нужна никому. Но больше всего я устала от ярлыков.

Потеряв Джея, я утратила последнее, что меня грело. Последнее, что грело, кроме одежды, то есть. Я потеряла веру в лучшее и любовь. Что у меня осталось? Горькое сожаление и много сладких фантиков. Но сейчас так хочется снять с себя все надоевшие лейблы. Душно в этом свете для свободных душ.

С такой фигурой можно быть душой...

5 июня 2013

Эффектная в меру пьяная блондинка самозабвенно вытанцовывала на сцене в компании роскошной темнокожей девушки, двигавшейся с большей грацией и меньшим отчаянием.

– Какая кошечка, – оценил Фабио.

– Которая?

– Шоколадка.

– А вторую знаешь?

– Модель какая-то.

В это время блондинка открыла свой сверкающий клатч и, смеясь, прокричала что-то в толпу. Со сцены посыпались деньги. Купюры взмывали в воздух и тут же падали, как подстреленные.

Деньги не делают жизнь легче, поэтому и сами они не способны к долгим красивым полётам.

Денежный дождь быстро прекратился, но аппетиты людей лишь разыгрались, а музыка, наоборот, заиграла чуть тише.

– Пошли!

Фабио потянул его за собой, и они не без труда протолкнулись к сцене. С нового ракурса блондинка показалась ему

ещё более знакомой.

– Versace, 2000 баксов! – прокричала она по-английски. – Хотите?

Кто-то выкрикнул «да!», и платье, прозрачное, как намерения, быстро соскользнуло на пол. Блондинка подняла его и кинула в толпу. Послышался визг, где-то в стороне завязалась борьба за платье, но блондинка невозмутимо продолжила танцевать, оставшись в сверкающем нижнем белье.

– Сними лифчик! – потребовал Фабио.

Друг, который чуть-чуть умнее болида, определённо умеет общаться с женщинами.

Блондинка услышала его и посмотрела в их сторону. Макс встретился с ней глазами. Милана замерла. В знакомом зелёном взгляде мелькнул испуг. Она отрицательно помотала головой и, сказав что-то своей подруге, потянула её со сцены. Под разочарованный гул они покинули поле пристального внимания, быстро смешавшись с толпой. Макс пошёл за ними следом.

– Ты куда? – спросил Фабио.

– Знакомить тебя с шоколадкой, – пояснил Макс, преследуя собственную цель.

Девушки были замечены в самом центре шумной компании. Звезда вечера танцевала, сверкая своим лифчиком и беззаботной улыбкой, а её подруга, оставшаяся в своём коротком серебристом платье, решительно отталкивала от Миланы всех приставучих типов.

– Милана! – громко позвал Макс, пробравшись к ней ближе.

Она взглянула на него, улыбнулась, ринулась навстречу, споткнулась через кого-то и чуть не упала, но Макс вовремя поймал её и поставил на ноги.

– Упала звезда – загадай желание, – рассмеялась она. – Спасибо, Макс.

– Так вы знакомы? – не понял Фабио.

– Ты кто такой? – строго спросила шоколадка, глядя на Макса с родительской строгостью.

– Кэс, это Макс. Макс, это Кэндис, – громко сказала Милана, двигаясь в такт музыки.

– Я Фабио, – представился никем не замеченный герой.

– Может, выйдем? – предложил Макс.

– Не хочу! – рассмеялась Милана. – Я снимаю усталость и напряжение.

– Ты сняла платье, – поправил он.

Она кивнула:

– Оно мне надоело.

– Лифчик не надоел? – с надеждой спросил Фабио.

– Пошёл ты! Это Victoria's Secret, он стоит миллион долларов.

Макс взглянул на её выразительно сверкающую грудь и заметил среди кружев и кристаллов россыпь драгоценных камней.

– С такой фигурой можно быть дурой, – прокомментиро-

вал он.

– Была минутная радость, лёгкая слабость. Теперь полтора часа тарашиться будут? – возмущённо спросила Милана, имея в виду Фабио и ещё нескольких людей, с интересом наблюдавших за ней.

– Отдам миллион за ночь с тобой, – не унимался Фабио.

Милана снова рассмеялась, продолжая вытанцовывать на месте.

– Пойдёмте отсюда, – вновь предложил Макс.

– Куда и с какой целью? – жёстко спросила шоколадка Кэс.

– Поговорить.

– Ей сейчас только говорить, – Кэс взглянула на Милану, душой и телом вторящую ритмам ночи.

– Да, пойдёмте! – неожиданно согласилась Милана и бодро направилась к выходу из клуба, вышагивая между людей, как по сцене.

За ней последовала грациозная Кэндис, за которой волочился Фабио, которого контролировал Макс. Так, на рассвете 5 июня четыре смутно знакомых человека, объединённые одним общим ярким воспоминанием, покинули «Амнезию», провожаемые любопытными взглядами и вспышками фотокамер.

Максимы у нас по ходу не случилось – ни в отношениях, ни в жизни

5 июня 2013

Они сидели в ресторане отеля, в котором остановились девушки. Кэндис о чём-то разговаривала с Фабио за соседним столиком, а Милана общалась с Максом. Сначала он позволил ей казаться более пьяной и весёлой, чем она была, но Милана быстро вернулась в свою высококлассную норму.

Она надела строгое чёрное платье, которое странно контрастировало с обнажёнными воспоминаниями получасовой давности, смотрела ему в глаза без тени смущения и говорила на бодром трезвом испанском, чем искренне удивила Макса. Похвалив её лингвистические успехи, он перешёл к делу:

– Зачем деньгами соришь?

Милана пожала плечами.

– Платье мне подарили.

– А евро?

– Там немного было, – Милана улыбнулась. – Просто захотелось...

– Чего?

Она снова пожала плечами.

– Нужно было снять стресс.

– Так теперь называется публичное раздевание?

Милана рассмеялась.

– Знаешь, Ремарк говорил, что принципы иногда нужно нарушать, иначе от них никакой радости, – сказала она по-французски.

– Принципы? Не думаю, что ты его правильно поняла, – помолчав, возразил Макс.

– Возможно, – Милана вновь перешла на испанский. – Почему ты на меня так смотришь?

– Ты сейчас так похожа на Пэрис Хилтон, – сказал Макс, внимательно разглядывая её.

– Это комплимент? – спросила она, улыбкой усилив своё сходство с американской звездой.

– Нет, – сказал Макс, глядя ей в глаза.

– Отвечу, как Пэрис: мне всё равно.

Он молча смотрел на неё, а Милана продолжала улыбаться и пить свою воду, затем вдруг добавила:

– Она милая, вообще-то.

– Ты её знаешь? – спросил Макс.

– Да, общались в Лос-Анджелесе, – сказала Милана и почему-то резко погрустнела.

– Ты тоже милая, – Макс улыбнулся. – Просто подгони популярность под свой размер. Костюм должен хорошо сидеть, Милана. Не надо с ним расставаться.

Она снова рассмеялась и покачала головой. Несколько светлых прядей упали ей на глаза, и она убрала их за ухо.

– Это у тебя татуировка? – Макс указал кивком на её правую руку.

– Жизнь всех тюнингует, – Милана продемонстрировала ему запястье.

– Carpe diem, – вслух прочёл он. – А что значит 20.09?

– Так значит, ты теперь профессиональный гонщик? – спросила Милана, не услышав его вопрос.

Макс кивнул.

– А ты модель?

– Да, модель. Ещё я Instagram блогер, бизнесмен, дизайнер... – начала перечислять она.

– Знаю. Я тебя follow.

Милана улыбнулась и достала из клатча свой iPhone 5.

– Извини, не заметила тебя среди подписчиков. Сейчас добавлю.... Макс Легран, да?

Он кивнул, наблюдая за ней.

– Ты с Джемом Джонсом?

– Вау! Какая чёткая тачка! – восторженно взвизгнула Милана, перейдя на английский.

Некоторое время они обсуждали его фотографии. Милана с искренним интересом расспрашивала Макса о болидах, заездах и Италии, где он жил и работал, а Макс отвечал то по-французски, то по-испански, лишь частично вникая в разговор. Взгляд зелёных глаз Миланы унёс его в прошлое.

Он смотрел на неё и вспоминал хрупкую семнадцатилетнюю девушку, вдохновившую его на осуществление мечты.

Теперь напротив сидела совершенно другая Милана. Неизменно красивая, но намного более уверенная в себе. *Мы тогда взяли максимум друг от друга, а сейчас, похоже, застали максимум друг друга...*

– Bentley, кстати, всё ещё со мной, – вдруг вспомнила она.

– Да? – удивился Макс.

Она кивнула.

– Обожаю его. Правда, он сейчас в Москве. В Нью-Йорке я предпочитаю такси.

– Ты изменилась, – сказал он, глядя ей в глаза.

Изумруды больше не лучились прежней жизнерадостностью. Взгляд Миланы был странно выключенным, несмотря на то что сияющая улыбка не покидала её весь вечер.

– Ты тоже, – отметила Милана. – Тебе очень идёт твоя профессия.

– Тебе тоже. Знал, что ты станешь известной.

– И ты мне здорово помог, – благодарно сказала она.

– Ты мне тоже, – признал он.

Она мягко рассмеялась.

– Знаешь, я никак не ожидала тебя здесь встретить.

– Я тоже.

– Ещё одно «тоже», и я решу, что мы оба нуждаемся в коктейле для красноречия, – сказала Милана. – Скажи мне, разве у тебя сейчас нет заездов?

– Я восстанавливаюсь после аварии.

Она удивлённо посмотрела на него.

– Руку повредил, – пояснил Макс.

– Оу... выздоравливай, – участливо сказала она и взглянула на соседний столик, за которым Фабио что-то экспрессивно рассказывал Кэндис, давно перейдя на итальянский.

– Она не знает итальянский, но прекрасно понимает его, – Милана улыбнулась. – И Джей всегда понимал русский...

Неожиданно она замолкла и зевнула, прикрыв рот рукой так, что Макс успел оценить все сверкающие кольца, украшавшие её длинные худые пальцы.

– Уже поздно, – сказал он. – Тебя проводить в номер?

Милана улыбнулась и отрицательно покачала головой.

– Благодарю тебя за вечер. Это была очень приятная случайная встреча.

Она встала из-за стола, необычайно элегантная в своём классическом наряде.

– Может, позавтракаем? – предложил Макс, вновь вспомнив сверкающий лифчик.

– Может, – сказала она, но её вежливая улыбка обнуляла все надежды на продолжение общения.

Помахав ему на прощание, она подошла к Кэндис и что-то сказала ей. Кэс кивнула, но осталась с Фабио, а Милана модельной походкой покинула мягко освещенный зал ресторана. Макс долго смотрел ей вслед, вспоминая римский полдень пятилетней давности, когда Милана Смоленская с такой же лёгкостью ушла из его жизни.

Единственный рубезж, на который я делал тогда ставку,

была моя мечта. Точно знал, что с ней связано абсолютное счастье. Милана говорила, что я её мечта, её максимум счастья. Максимы у нас по ходу не случилось – ни в отношениях, ни в жизни. Пролетела, видно, максима на скорости мимо...

Пропала из вида, но осталась в сердце, чтобы вновь напомнить о себе и опять ускользнуть. Манящая и недостижимая – она несбыточная мечта, которую я когда-то держал в руках, но которая уже давно пленит другого. Я управляю болидом, но не властен над Миланой.

«Упала звезда – загадай желание». Нет, Милана, к счастью, не упала. А я больше не питаю наивных надежд.

Повезло же этому Джонсу. Чертовски повезло.

Безнадёжно влюблённая, я банкрот собственного безрассудства

5 июня 2013

Саундтрек мыслей: Para Roach – «Hollywood Whore»

Милана включила свет, наполнив зеркала комнатой, и остановилась перед своим отражением. На бежевом кафельном фоне оно выглядело тусклым и болезненным.

Самой от себя плохо. Серебряным блеском отливают равнодушная поверхность зеркала, близится тихий спокойный рассвет, а меня тошнит. Тошнит от выпитого и от сделанного. Тошнит от собственной слабости и минутной тупости. Тошнит от грядущих неизбежных последствий. Тошнит от прошлого и от настоящего. Вот оно, похмелье осознания.

О чём вообще были последние полгода моей событийной, но такой пустой жизни? Ой, даже больше, чем полгода... На запястье неизменное напоминание: 20.09. Боже, сколько времени прошло – сейчас ведь июнь! А для меня все эти пролетевшие месяцы подобны одному нескончаемо монотонному и мучительно тусклому дню... Брр.

Милана умылась, освежая чистой прохладной водой свою утомленную макияжем кожу, и неожиданно разрыдалась, низко склонившись над изящной белой раковиной.

Нельзя оставлять слёзы – их надо выплакать, иначе они застывают и становятся льдинками. Чем их больше – тем прочнее панцирь, тем сложнее достучаться до ледяного сердца. А чувства всё равно рвутся наружу, но раздеться проще, чем открыться им. Снять одежду намного легче, чем преодолеть завесу надуманных опасений и глупых страхов. Как же противно от самой себя.

В детстве у меня был список непозволительных вещей, в нём значилась потеря лица на людях. Какой же правильной я была тогда и как сильно с годами отступила от своих принципов. Но я не одна танцевала в купальнике, и не одна забралась на сцену. Так мало людей сейчас закрывают лицо от стыда... Бесстыдство – наш порок. Мы позволяем себе так много, а осознаём так мало, даже не задумываемся...

Что хуже: разврат тела или падшая душа? Понятно, что одно зависит от другого, но почему-то кажется, что нет ничего ниже грязной души. Тело моется в душе, а где моются души? Явно не в ванной. По сути, мы чистим зубы чаще, чем душу. Как следствие, улыбка белая, мысли мрачные. А в жизни всё должно быть гармонично и правильно.

Бизнес, деньги, традиции, гонки, шахматы – всё это формы игры, попытки алгоритмизировать стихийность, загнать её в правила и самим управлять конечностью, быть при жизни победителями и предопределять ход судьбы.

Игры в жизнь как таковую – самые сложные и самые роскошные. Они требуют ума, расчёта, интуиции

и не предоставляют права на ошибку. Для кого-то, как для легендарного гонщика Айртона Сенны, победа дороже жизни. Кому-то больше нравится процесс: не знаешь правил, не имеешь представления о том, когда закончится твой раунд, просто живёшь, играя. Играешь в жизнь.

*В голове зазвучала песня «Papa Roach», и Милана громко всхлипнула, не в силах заглушить свои мысли. *Plastic smile to match your style... Hollywood Whore, I'm sorry but the party's over!* Если жизнь – игра, театр, маскарад или драма, то я – та самая голливудская шлюха. Что ж, красиво уйти со сцены – тоже искусство. Главное, чтобы вовремя.*

Вновь столкнувшись с собой в зеркале, она испытала странное отчуждение от собственного отражения.

Это – не я. «Ты похожа на Пэрис Хилтон»... Мог бы промолчать. Честность уместна только тогда, когда правда красивая. А мне легче прилюдно обнажиться, чем признаться себе в одной простой истине. Фигня ты, Смоленская. Душная и пустая. Пэрис – это Пэрис, истинная и бесподобная. А я уже много месяцев – совсем не я. Я – не я, но жизнь моя. Забавные игры времени.

Вот уж правда, не мир тесен, а прослойка тонкая... Помню, как когда-то мы с Максом зажигали в «Амнезии». Теперь, глядя на него, я вдруг так ясно увидела своё прошлое и тот далёкий образ мечты, с которым встретила семнадцатилетие. Прошли годы, и сейчас мы с ним слишком разные, каждый – на своём полюсе. Он позитивный и цельный,

а я... разбитая, раздетая и безнадежно влюблённая в Джейсона Джонса... Я банкрот собственного безрассудства.

Приняв долгий протрезвляющий душ, Милана выплакала всё без остатка и немного успокоилась. Ровно настолько, чтобы, завернувшись в белый махровый халат, улыбнуться своему отражению и увидеть в нём знакомую себя. Выходя из ванной, она стукнулась о дверной угол и рассмеялась.

101 косяк Миланы Смоленской... Такой мягкий удар судьбы, напомнивший о границах, которые я дерзнула нарушить. Иногда деньги не решают проблемы – они их множат. А проблемы, которые решаются за деньги, это уже расходы, и сейчас надо хорошенько потратиться, чтобы загладить выплеск проблемы.

Вряд ли потраченные евро принесут моей репутации позитивные дивиденды, но прошлое уже не исправить, а вот будущее лучше продумать, пока не поздно. Ответственность за безответственность никто не отменял. Надо решить, как превратить расходы в прибыль и поскорей оправдать саму себя – мне же с собой жить...

Надо позвонить Джею. Нет, надо прилететь в Лос-Анджелес. Срочно!

5 июня 2013

С этой светлой мыслью Милана забралась в свою уютную постель и, поставив будильник на самое приемлемое время, моментально погрузилась в сон.

Ей снова снился Джей, их манхэттенский разговор и залитый солнцем особняк, лестница в доме его бабушки и розовый сад, широкий кожаный пояс, слишком туго перетянувший талию, и утро 20 сентября.

– Нет, пожалуйста-а-а! – простонала Милана.

И всё послушно пропало. Она провалилась в какую-то чёрную пустоту и несколько глухих мгновений спустя решила, что умерла вместе со своим нерождённым ребенком. В это время Милана увидела его. Совершенно отчётливо и неожиданно. Перед ней был седой старик в длинном белом одеянии. Он смотрел ей в глаза и улыбался. Спокойствие, исходившее от него, утешило Милану, и она спросила:

– Кто вы?

– Время.

Тихий мудрый голос, прозвучавший в её голове, вызвал смутное беспокойство.

– Время? – переспросила она. – Сколько времени?

– Много, – ответил старик. – Слишком много и слишком мало.

– О чём вы?

– О чём ты? Вот более важный вопрос.

– Не понимаю вас, – робко призналась Милана.

– Не узнаю тебя. Раньше ты так хорошо думала обо мне, так правильно. Что случилось с тобой, деточка? Почему ты врёшь себе? Спешешь опередить своё время, хотя на самом деле даже не в силах его догнать.

– Я не... – начала оправдываться Милана, но старик перебил её:

– Ты не одна такая. Люди любят играть в иллюзии, обманывая самих себя и отдаляясь от меня. Останавливать время, возвращать время вспять, изменять время, опережать, идти в ногу со временем и даже убивать время. Можно подумать, кто-то дал им это право...

– Вы Время? – спросила Милана.

Он рассмеялся.

– Ты снова спешишь. Что даст тебе ответ, в котором нет для тебя ни вреда, ни пользы?

– Я хочу знать, как вас зовут, – сказала Милана.

– Что даст тебе имя, в котором нет для тебя понятного смысла?

– Я не понимаю, – прошептала Милана, вглядываясь в его глаза. – Какого они цвета?

– Правдивого, – с улыбкой ответил он.

– Какого? – переспросила она.

Старик покачал головой.

– Терпение – ключ ко многим дверям. Счастье приходит к тем, кто умеет ждать. К тому, кто не сидит, сложа руки, не торопит то, чему не время произойти, и не откладывает то, чему время быть.

– Я жду, – сказала Милана.

– Ты опаздываешь, – возразил старик. – Разве тебе сейчас надо быть здесь?

– Я не могу вернуться в Лос-Анджелес, – призналась Милана.

– Не преврати линию жизни в пунктир своими точками невозврата.

Она удивлённо взглянула на старика, услышав знакомый голос.

– Кто вы? – снова спросила она.

– Иди, – сказал он.

– Куда идти? – не поняла Милана, глядя по сторонам. – Здесь ничего нет.

– Будет цель – найдётся и дорога, – сказал тающий в тишине голос.

Старик пропал, но темнота вокруг преобразилась, засияв искристыми точками, напоминавшими россыпь бриллиантов.

– Что это? – спросила Милана.

Как по волшебству, сверкающие крошки сложились перед

ней в извилистую дорогу, на которую она ступила, не раздумывая и не видя конца своего пути. Идти вперёд было сложно. С каждым шагом она всё больше убеждалась в своей неустойчивости и, глядя на простирающуюся внизу чёрную бездну, чувствовала нарастающий страх. Но что-то впереди манило её, и она шла, расправив руки, как крылья. Холодный ветер подул ей в лицо серебристой пылью, и Милана склонила голову.

– Это Млечный путь, – прошептала она, разглядев у себя под ногами знакомые созвездия. – Но почему я не падаю?

Словно в ответ на свои слова, Милана оступилась и поняла, что летит вниз, кружится, подобно снежинке, всё стремительнее погружаясь во мрак. Испугавшись, она взвизгнула, но не услышала свой голос. Но звать на помощь всё равно было некого, поэтому, зажмурившись, Милана приготовилась к худшему.

Через мгновение, исполненное напряжённого ожидания, она проснулась и села в постели. Голова кружилась, и комната перед глазами не сразу прошла стадию узнавания. Поняв, что находится в своём номере, Милана облегчённо выдохнула и взяла iPhone, чтобы проверить время.

4:20. Я проспала всего десять минут? Странный сон, странний старик, странний совет. «Иди». Пошла и упала, чётко, да. Впрочем, сама виновата. Не надо думать глупые мысли на пути к важным целям! Красивая была дорога, точно Аллея славы...

Любовь – это когда погоду в его городе проверяешь чаще, чем в своём. Я каждый день смотрю прогноз, предназначенный Джею, и при этом постоянно одеваюсь не по погоде в Нью-Йорке. В Лос-Анджелесе сейчас 20 градусов солнечно-го тепла, а на Иббце? «Разве тебе сейчас надо быть здесь?».

Милана отложила телефон и потёрла глаза, пытаясь избавиться от своих сомнений. Затем вновь легла, желая уснуть, но быстро осознала тщетность своих стараний. *Когда просыпается совесть, я не могу спать. Надо позвонить Джею. Нет, надо прилететь в Лос-Анджелес. Срочно!*

Неожиданно в холле послышался шум каблуков и звон браслетов.

– Кэс! – позвала Милана.

Дверь её комнаты открылась, впустив в спальню Миланы яркий свет и энергичную Кэндис.

– Как ты, Мила? – спросила подруга, сев на край её кровати.

– Хорошо, – с улыбкой соврала Милана.

Потом позвоню.

– Классно танцуешь, но с платьем перебор был, – Кэндис всегда озвучивала то, что считала важным для их отношений.

– Ну, признаюсь, вышла из себя. Ненадолго. Захотелось погулять, проветриться. С кем не бывает?

Кэндис рассмеялась.

– Тебе уже лучше! – уверенно заявила она.

– Как Фабио? – спросила Милана, взбодрённая словами подруги.

– Быстрый, как болид, – с улыбкой ответила Кэс. – Откуда ты знаешь Леграна?

– Это о-о-очень долгая история, – протянула Милана.

– Обожаю до-о-олгие истории, – сказала Кэс, устроившись удобней.

– Пойдём к морю? – предложила Милана.

Как часто жизнь проходит в ожидании жизни. Всё откладывают и откладывают принятие решения на «потом», а «потом» так никогда и не наступает.

Смерть так внезапна, и радость так конечна...

5 июня 2013

Подруги встретили рассвет на террасе бара Café del Mar под лёгкую chillout музыку. Милана рассказывала Кэндис о Париже и Максе, а Кэс спрашивала Милану о Фабио. Не в силах предоставить Кэндис сколько-нибудь ценную информацию об интересующем её объекте, Милана открыла Instagram Макса и нашла нужную страничку. Девушки так увлеклись изучением фотографий Фабио, что не заметили, как к их столику подошли двое.

– Твой танец есть на YouTube, – сообщил Макс, без приглашения сев напротив Миланы.

– Фабио! – воскликнула Кэндис, спешно заблокировав iPhone.

– Доброе утро, – засиял в ответ Фабио.

– Сколько просмотров? – спросила Милана.

Одновременность и бессвязность реплик привела к тому, что за столиком на мгновение повисло молчание, разряжённое дружным смехом.

– Доброе утро, – продолжила Милана.

– Несколько тысяч, – ответил Макс.

– Ты красивая, – Фабио не сводил глаз с Кэндис.

– Вот так сюрприз! – улыбнулась она.

– Что «сюрприз»? – не понял Фабио. – Вчера я тебе тоже сказал, что ты красивая.

– Несколько тысяч?! Fu-u-иск, – пробормотала Милана и спрятала лицо в ладонях.

– Здесь так много людей, а мы с вами продолжаем случайно встречаться, – пояснила Кэндис.

– Спрашивают, от кого твоё нижнее белье, – улыбнулся Макс.

– Victoria's Secret, – ответила Милана.

– Ты модель Victoria's Secret? – Фабио посмотрел на Кэндис. Она загадочно улыбнулась, польщённая его комплиментом.

– Стол вибрирует, – сказал Макс.

Все посмотрели на одинокий перевернутый iPhone Миланы, лежавший в центре стола. Хозяйка телефона рассмеялась и взглянула на дисплей.

– Брат, – сказала она и встала из-за стола, окинув людную террасу поисковым взглядом.

– Говори тут, мы помолчим, – пообещала Кэндис.

Милана села и ответила на звонок.

– Привет, Тони.

– Какой это язык? – спросил Фабио, за что получил пинок от Кэндис и послушно замолк.

– Русский, – вполголоса сказал Макс.

– Как Ибица? – спросил Антоний.

– Хорошо, – улыбнулась Милана. – Солнце, море, сам знаешь.

– Загорела?

Милана посмотрела на свои слегка золочёные руки и сказала:

– Не совсем. Как Москва?

– Дождь. Милана, нам надо поговорить...

Она прислушалась к голосу брата, который звучал как-то странно напряжённо, и, вспомнив видео на YouTube, осторожно спросила:

– О чём?

– О деде.

– Я хочу это слышать? – уточнила Милана, не желая возвращаться к разговору о своём чрезмерно легкомысленном поведении.

– Надо. Я жду тебя в Москве, – коротко сказал брат.

– Тони, я сейчас занята. Я отдыха...

– Отдохнёшь. После похорон.

– Что? Каких?

Милана встала из-за столика и, отмахнувшись от Кэндис, побрела к морю.

– Дед умер в реанимации десять часов назад.

– Как? – спросила Милана.

Брат стал что-то говорить об инфаркте и стрессах, но его слова плохо доходили до Миланы, заглушаемые стуком её сердца. Она шла между беззаботных людей, встречавших

утро на песчаном пляже, приближаясь к мягко шумящим волнам.

– Почему ты мне сразу не сказал?

– Не хотел портить тебе ночь. Ты же в клубе веселилась, да?

– Веселилась, – тихо повторила Милана, сняв сандалии и зайдя в море по щиколотку.

– Прилетишь? – почти с надеждой спросил он.

– Конечно, – глухо сказала она. – Когда funeral¹⁰?

– Он любил девятки.

– Девятого? – переспросила Милана.

– Да.

Среда лучилась свежим солнцем, но вся неделя до воскресенья покрылась густым туманом, перекрыв путь света в мысли Миланы. Окончив разговор с братом, она зашла в море по колена, слегка замочив подол своей туники, и остановилась. В одной руке она держала свои сандалии, в другой – сжимала телефон. Волны легко ударяли её, орошая брызгами бесчувственную кожу.

Милана медленно смотрела по сторонам, словно ожидая от природы хоть капельку сочувствия, но мир вокруг был прекрасно невозмутим, тогда как её собственный мир разлетелся на сотню осколков, больно режущих душу. Остров развлечений вытеснял её в пасмурную столицу. Чувство вины тяжёлым грузом легло на её плечи, заставив гордую спи-

¹⁰ Похороны

ну ссутулиться под тяжестью осознания.

Боже. Какое я дерьмо.

– Милана! – позвал знакомый голос, и она обернулась, увидев Макса на берегу.

– Иду, – сказала она, собираясь с силами. – Море сегодня такое тёплое!

Тёплые слёзы больно жгли её глаза, защищённые от мира золотыми авиаторами Ray-Ban. Милана расправила плечи и вышла из воды, сделав несколько неуверенных шагов по липкому песку.

– У тебя всё нормально? – спросил Макс.

Милана кивнула, сжимая iPhone так, что побелели костяшки пальцев.

Они вернулись на террасу, где Кэндис и Фабио увлечённо болтали на смеси английского и итальянского. Влюблённый гонщик осыпал свою модель комплиментами, а Кэс сияла, не сводя с него своих выразительных глаз.

– Она формула моей мечты! – торжественно объявил Фабио, когда Макс и Милана сели за столик.

– Ты прокатишь меня на болиде? – спросила Кэс.

– Расскажи ей о Лоренцо, – посоветовал Макс.

Такие весёлые и беспечно влюблённые... И я была с ними на одной волне, пока вдруг не оказалась накрыта с головой утопительной правдой. Живём и, кажется, что будем жить вечно. А смерть так внезапна, и радость так конечна...

– Мила, что-то случилось? – спросила Кэндис, взглянув на подругу.

– Всегда отвечайте на звонки. Ясно? – строго спросила Милана, обращаясь к притихшим друзьям.

– Что? – не поняла Кэс.

– Всегда отвечайте на звонки, если вам звонит близкий, – повторила Милана. – Даже если вам кажется, что вам больше не о чем говорить. Даже если вы обижены на него и не хотите с ним разговаривать. Обязательно выслушайте его, возможно, он хочет сказать что-то по-настоящему важное. Жизнь слишком непредсказуема. Возможно, это ваш последний шанс услышать его голос.

– Что-то с Джемом? – спросила Кэндис, взяв Милану за руку.

Парни непонимающе наблюдали за ними. Милана отрицательно покачала головой и сказала фразу, которую была научена говорить с детства: «Family stuff. Doesn't matter¹¹». Кэндис внимательно посмотрела на неё.

– Ты всегда можешь на меня рассчитывать!

Маленький лучик тёплого солнца проник сквозь толщу свинцовых туч и согрел ласковым теплом застывшую душу Миланы.

– Спасибо, Кэс, – улыбнулась она, сжимая руку Кэндис. – Это очень важно для меня.

Пустые формулировки, давно утратившие свой смысл

¹¹ Семейные обстоятельства. Не важно.

от частого неуместного использования, наполнились значимостью для двух подруг, связанных искренним взаимопониманием и поддержкой.

Допив свой безалкогольный коктейль, Милана оставила Кэндис наслаждаться обществом двух великих автогонщиков и вернулась в отель, где потратила утро за привычным занятием. Собирая вещи, она думала странные рваные мысли и привыкала к новому состоянию, обрушившемуся на неё так внезапно и так всепоглощающе.

Пора в Москву. Странно, но даже в мыслях не могу сказать «пора домой». Неприкаянная звезда Лос-Анджелеса, тоже мне.

В четверг вечером они с Кэндис вернулись в Нью-Йорк, где Кэндис получила букет алых роз от Фабио и приглашение провести следующие модельные каникулы в Риме. Подруга излучала искренне сияющую любовь, которая придала Милане сил для нового рывка. В пятницу утром она уверенно улыбалась в объектив Марио Сорренти, а в ночь на субботу покинула Соединенные Штаты....

Поговорили по-французски, переходя на испанский. Ушла по-английски. С ней всегда такой замес. Русская звезда с модельным ходом мыслей...

Встречая рассветы на бессонно весёлом острове и слушая поток сознания бездумно влюблённого Фабио, Макс

несколько раз вспоминал Милану, листал её Instagram и пересматривал горячий клубный танец.

Милана – это carte d'identité в бриллиантовой огранке. С ней надо просто ловить момент – в нём самая яркая игра света. Какая же она красивая...

Part 2 #2013 #Москва #Дубай #Абу-Даби #Фуджейра

*«It's time to be a big girl now
And big girls don't cry...^{12»}
Fergie – «Big Girls Don't Cry»*

Даже не сказала «спасибо». И это не исправить...

8—9 июня 2013

При жизни нам дано познать и рай, и ад. И сладость наслаждения, и горький лёд утрат...

Она прилетела в субботу днём. Антоний был занят по работе и не мог встретить её в аэропорту, но Милана и сама не шла на контакт – узнала адрес и время начала церемонии, обещала приехать заранее и направилась к себе в отель. Там она долго лежала на кровати, боясь уснуть, потому что не была уверена в том, что найдёт в себе силы проснуться. Боль бессилия перед сложившимися обстоятельствами становилась всё острее с каждой новой минутой осознания.

¹² «Пора быть большой девочкой, а большие девочки не плачут.»

Может ли эта боль разорвать душу? Если да, то это было бы милостью. Но нет, с ней надо научиться жить, насладиться жестокой глупостью своих ошибок и найти в себе силы встретить этот неясный рассвет...

Воскресенье выдалось серым и идеально соответствовало настроению Миланы. Она сдержала своё обещание и пришла на место раньше других гостей, по нью-йоркской привычке приехав на такси. Золотисто загорелая, в чёрных Рей Бенах и изысканно мрачном одеянии, она подошла к брату и остановилась напротив него. Антоний был бледным и задумчивым.

– Hey, I've got Ray-Van vision, – почему-то сказала Милана, увидев его. Затем улыбнулась.

Смотреть на это было больно. Антоний знал, что она чувствует, и потому не верил ни голливудской улыбке, ни напускной беззаботности. *Она ведёт себя так, чтобы не доставлять никому проблем. Такая тактичная вежливость, такое потрясающее самообладание...*

– Как перелёт?

– Terrible¹³, – сказала она сухим голосом и сняла свои очки. Взгляд был странно пустым.

– Милана, у тебя всё в порядке? – спросил Антоний, понимая, как глупо прозвучал его вопрос, но тем не менее желая услышать утвердительный ответ.

¹³ Ужасно

– I'm doing great!¹⁴ У меня есть ты Тони, у меня всё лучше всех, – сказала она с сильным акцентом и широко улыбнулась.

Антоний кивнул, удовлетворённый прозвучавшим оптимизмом, а Милана вновь надела свои очки, чувствуя, как из-за подступающих слёз стало трудно дышать.

У меня всё всегда было лучше всех, а я даже не сказала «спасибо» – ни словом, ни делом. И это не исправить. Боже... Как я когда-то осуждала тех, кто порочит честь своей семьи, кто не дотягивает до высоких ожиданий, возложенных на них, кто не проявляет благодарность... Какой мудрой я была в 15. И зачем только изменила себе? Ради чего? Чтобы стоять здесь сейчас, задыхаясь от груза, с которым придётся жить до самой смерти и который никогда не станет легче.

Слёзы упрямо не хотят покидать мои остекленевшие глаза. Мне знакома эта сухая грусть. Она не знает иного выхода, кроме апатичного существования. Снова чёрный, снова funeral. Не могу назвать это русским словом. В моей жизни уже были одни такие похороны. Хватит уже.

Чёрное платье в пол, чёрный жакет с эполетами, чёрные социозащитные очки, низкие свинцовые тучи, грозящие дождём, который, подобно моим слезам, никак не хочет пролиться. Холод и пустота...

Мы слишком часто воспринимаем дарованное как долж-

¹⁴ Я отлично справляюсь!

ное и пренебрегаем тем, что даётся без особых усилий: любовью, доверием, дружбой, здоровьем, деньгами. Возможности расслабляют, доступность удешевляет. Знаем ли мы ценность воздуха, воды, леса? Этого кажется так много, что вроде как и не нам считать, не нам беречь... Так и в отношениях. Не осознавая ценность, человек не будет дорожить.

Если бы только существовал всемирный банк времени, я бы с такой радостью взяла в кредит хотя бы пару упущенных часов общения с ним. Под любые проценты. Хотя бы несколько минут...

Надо было взять трубку! Нет, надо было самой позвонить и извиниться. Не спорить тогда, а вместо этого поблагодарить. Сказать «спасибо» за то, что дал мне роскошную свободу быть собой, прощал мои ошибки и возлагал надежды, извиниться за то, что я их не оправдала, и позвать его в Нью-Йорк на незабываемую экскурсию. Надо было сказать ему, что у меня было самое лучшее детство. Сказать, что я его люблю. А по итогу...

Снова не сказала эти простые слова самому важному человеку, а теперь кричи их хоть на всю Москву – смысла нет. Любовь осталась – не стало любимого и родного. Ни мои деньги, ни связи уже ничего не исправят...

Самым близким мы делаем больше всего – такова сила любви. Я добрая и мудрая задним умом. Снова не в ладах со временем, а на запястье сверхточные Rolex, подарен-

ные им. *Вещи-вещи. Он мне никогда ни в чём не отказывал, но знал ли дед, как важно для меня было его внимание? Fuck. Какая у меня лицемерная душа...*

Ценность повышается при утрате. Надо ценить то, что есть, когда оно есть. Дед хотел уделить мне своё внимание и время, а я им пренебрегла. Теперь его нет. Вообще. Так нет, что он везде. Вся Москва для меня – напоминание и упрёк. Все эти люди в чёрном, прибывающие сюда на своих тонированных бронированных автомобилях, говорят о нём. Мне предстоит выступить перед ними, потому что брат не любит публичные речи.

Я тоже не люблю такие сцены и такие поводы. Но теперь обязана хоть как-то искупить свою вину. То, что я хочу сказать, уже не прозвучало вовремя, и потому я буду говорить в пустоту то, что должна сказать как внучка и Смоленская. Все эти прощальные слова, церемонии, памятники хороши для души того, кто живёт. Тот, кто умер, уже не слышит, не видит и никогда не услышит...

Милана прикрыла глаза. Ей было странно больно смотреть на пронзительно серый мир даже сквозь тёмные стекла. Мрак, застилавший всё, переполнял душу и сжимал горло, мешая дышать, мешая жить. *Your fucking fault.*¹⁵

Если мы расстались навсегда, почему тогда я так уверена, что мы ещё обязательно встретимся и поговорим и я скажу ему то, что готова сейчас кричать, срывая голос:

¹⁵ Твоя чёртова вина.

«Прости меня. Люблю тебя. Спасибо за всё»?

Где он сейчас? Где будет потом? Увидимся ли мы в Раю или моя чёрствая циничная душа не достойна вознесения? Не знаю и не могу об этом думать. Для меня адской мукой было бы просто вечно жить с этим сожалением – в этом мире и в последнем. Хотя, наверное, это так забавно, когда смертные рассуждают о вечном.

Всё, что я знаю, сводится к простой истине: дед был, и всё было хорошо. Теперь его нет, и ничего нет.

Просто никто никогда не увидит меня сломленной

9 июня 2013

– Милана, соболезную, – к ней подошёл Дэни.

– Спасибо, – Милана посмотрела на часы и сняла свои очки. – Уже пора, да?

Он пожал плечами, глядя на неё.

– Как ты?

– Я как я, – она улыбнулась. – А ты, как дела?

– Вообще нормально.

Незнакомые траурные люди, проходившие мимо них к зданию, внимательно смотрели на Милану и быстро отводили глаза, встречаясь с ней взглядом.

– Да-да, та самая бесчувственная внучка, – довольно громко сказала она и добавила чуть тише. – Heartless whore¹⁶.

– Ты чего? – удивился Дэни.

– Иногда я слышу чужие мысли, – призналась Милана.

– Серьёзно? – он посмотрел на неё с опаской.

– Metaphorically speaking¹⁷. Опыт громкий накопила.

– Это точно. Ой, извини.

– Да ничего, я люблю слушать правду в глаза, – она улыб-

¹⁶ Бессердечная шлюха

¹⁷ Образно выражаясь.

нулась. – Тони там?

Дэни кивнул. Милана посмотрела на беспросветно серое небо, сделала глубокий вдох и, набравшись решимости, вошла в хмурое здание. Зал, рассчитанный на несколько сотен человек, уверенно наполнялся вниманием. Милана быстро прошла по скорбному полу, не глядя ни на кого.

Бесчувственная и безразличная внучка? Нет. Просто никто никогда не увидит меня сломленной.

– Ты приедешь на банкет? – спросил Антоний, когда Милана села рядом с ним.

– Там будут люди?

Брат посмотрел на неё и улыбнулся впервые за весь день.

– Милана, конечно, там будут люди. Ты что, хочешь ужин на двоих?

Она кивнула.

– Потом поужинаем, – пообещал Антоний. – Но сначала мы должны пообщаться с гостями и принять соболезнования у всех, кто хочет их выразить.

– Ты им веришь, Тони? – спросила Милана, глядя ему в глаза.

– Некоторым – да. Не будь несправедлива даже в горе. У тебя нет монополии на грусть.

Она хотела возразить, но ощутила новый укол совести и посмотрела на свои руки. Правое запястье было надёжно скрыто от посторонних глаз широкими часами, но правда напомнила о себе глухой болью. 20.09...

Я была несправедлива к Джею. Эгоистичная в своём горе монополистка печали. Неужели я снова допускаю эту же ошибку, не видя искренность в глазах других скорбящих? Или, может, я сама недостаточно искренняя и сужу всех по себе?

– Завтра поедem к юристу, – Антоний старался отвлечься от своих мыслей тем, что усердно планировал предстоящую неделю.

– Зачем? – спросила Милана, зная ответ, но желая поддержать разговор.

– Завещание, – пояснил брат, глядя прямо перед собой. – Странно всё так. Скомкано.

Она посмотрела на него, не понимая причину его слов. В этот момент к ним подошли Смирновы.

– Антоний, Милана, – начал Виктор, отец Гены. – Мы бы хотели выразить наши соболезнования.

И Милана поверила им. Она поднялась со своего места и ответила на рукопожатие Виктора, затем обнялась с Надеждой – матерью Гены, обаятельной и милой.

– Спасибо, что пришли, – тихо сказала она.

– Смоленская, ты это... – Гена крепко обнял её и похлопал по спине.

– Thanks, bro, – улыбнулась Милана, глядя другу в глаза. – Ты тут?

– Как видишь.

В чёрном костюме он выглядел непривычно деловым

и сильно напоминал своего отца. Гена посмотрел по сторонам. Стены, ежедневно вмещавшие в себя душераздирающую скорбь, заметно подавляли его, и потому он снова хлопал Милану, на этот раз – по плечу.

– Сядем? – предложила она и усадила Гену слева от себя. Место справа занимал Антоний, предпочитая сидеть ближе к проходу.

– Ты надолго тут? – негромко спросил Гена.

– Тут? – переспросила Милана.

– Блин. Нет. Ваше тут, – Гена поправил свой галстук.

Милана пожала плечами. Будущее выглядело таким же туманным, как небо за стенами мрачного здания.

– Я ресторан открыл. На Тверской.

– А Лондон?

– Рональд управляет.

Говорить о делах было странно приятно, и Милана начала вполголоса обсуждать с Геней особенности московского ресторанного бизнеса. Краем уха она слышала, что Антоний расспрашивал Виктора о его IPO, и это сходство с братом оказало ей большую поддержку, чем все слова, прозвучавшие между ними.

Когда настало время выступить с речью, Милана вдруг ощутила себя странно беспомощной, но быстро взяла себя в руки – в прямом смысле слова. Обняла себя за плечи и поднялась на ноги, чтобы играть роль, которая казалась непосильной для её растрёпанной души. «Титул» вышел к со-

бравшимся раньше неё, и Милана оказалась встречена колким раздевающим любопытством.

– Добрый день, – начала она, подойдя к микрофону. – Я Милана Смоленская, внучка Николая Константиновича. От лица нашей семьи выражаю благодарность всем, кто пришёл сюда.

Её голос разносился по безмолвному залу, задевая тонкие струны разлаженных чувств. Лица слушателей смазались в одно пристальное пятно, от которого исходило пытливо выжидательное внимание.

Это как презентация коллекции, как выступление в клубе, как... Нет. Это всё всерьёз. Самый жестокий сценарий, который никак нельзя исправить. Всё это время я играла по правилам, установленным и удобным мне, а сейчас я вышла за пределы своей игры и я теряюсь... Как слабы мои силы по сравнению с такими обстоятельствами.

Среди гостей Милана увидела Лейлу Нельмину с семьёй и, встретившись глазами с твёрдым решительным взглядом своей школьной подруги и искренней завистницы, набралась решимости.

– За пять минут невозможно рассказать, каким Николай Константинович был при жизни. О его многочисленных достижениях вы можете прочитать в «Forbes», «РБК» и других бизнес изданиях. Глядя на эти фотографии, легко понять, по каким правилам он строил свой мир.

На большом экране позади неё мелькали фотографии

объектов, возведённых компанией Николая Смоленского.

– Мой дед был человеком жёстких правил и строгих принципов. Он жил в согласии со своими убеждениями и вызывал уважение в сердцах тех, кто имел возможность общаться с ним лично. Нам с Антонием повезло быть воспитанными заботливым, любящим и справедливым дедом, не скупающимся на советы и критику.

Уинстон Черчилль сказал: «We make a living by what we get, but we make a life by what we give». То есть, мы зарабатываем на жизнь тем, что получаем, но делаем нашу жизнь полноценной, отдавая. Николай Константинович был богат тем капиталом, который не измеряется в денежном эквиваленте и которому не так часто придают значение. Он обладал щедрой многогранной душой.

Его добро помнят детские дома и благотворительные фонды. Его чтят и ценят люди, с которыми он работал. Его любят его внуки. Сегодня, когда наш мир наполнен пустотой этой невосполнимой утраты, мы все отвечаем взаимностью человеку, оказавшую нам великую честь. Мы гордимся тем, что знали его. Мы грустим, что больше не услышим его мудрых слов. Мы чувствуем, что отныне на нас лежит новая ответственность, молчаливо возложенная самым требовательным и самым справедливым. Мы должны жить так, чтобы нам не было стыдно перед ним. Сейчас мы скорбим и прощаемся с Николаем Константиновичем Смоленским, но мы никогда его не забудем.

Она замолкла. Послышались тихие всхлипы. Милана отпустила микрофон, который сжимала так, словно в нём была сосредоточена вся её жизненная сила. *Лживая внучка правдива в своей фальши до максимума. Почему? Потому что я не играю. Я проживаю этот момент со всей откровенностью, на которое только способно моё осторожное скрытое сердце.*

– Спасибо, что пришли, – тихо сказала Милана и вернулась на своё место, провожаемая хором внимательных взглядов и участившихся всхлипов.

– Да ты спикер по сути, – восхитился Гена.

– Oh fuck you, – пробормотала Милана, чувствуя, что растратила весь свой запас нормальных слов.

Антоний положил свою руку поверх худой холодной руки сестры. Их взгляды встретились. Она улыбнулась.

Когда завершилось прощание с телом, все вышли на улицу. В воздухе пахло дождём, но серые тучи были неизменно скупы на осадки. Милана шла с Антонием под руку. Она надела солнцезащитные очки и смотрела себе под ноги. Перед глазами стояло лицо деда, мертвенно бледное, спокойное, строгое, оно напоминало маску, утратив что-то важное. Жизненно важное... *Оболочку покинула родная душа, с которой я так и не успела попрощаться, и тело кажется совсем чужим...*

На надгробной плите дата рождения, дата смерти. А между ними – одинокая чёрточка длиной в несколько сантиметров.

ров. *Это и есть жизнь?!*

Милана, сломленная подавляющим чувством вины, опустилась на колени и склонилась над землёй, под которой был погребён её заботливый опекун.

– Да вы чё, офигели?! – не выдержал Гена, заметив, что Милану фотографируют.

Девушка с iPhone смерила его долгим взглядом, затем призывно улыбнулась. Гена поморщился. Милана всё ещё стояла на коленях. Антоний подошёл к ней и дотронулся до её плеча. Она медленно поднялась на ноги и, не глядя ни на кого, отошла в сторону.

– Не беспокойся, Тони, меня уже невозможно вывести из себя, – сказала Милана глухим голосом.

Она почувствовала, но не сразу поняла, что брат ведёт её к выходу из этого мрачного мира. Мимо бесстыже любопытных людей, формально облачённых в траур, мимо надгробий, мимо сотен написанных историй жизни. Она села в Rolls-Royce и прикрыла глаза. *Хотелось спать. Хотелось забыться. Впервые в жизни ей не хотелось скорости.*

Все мы рождены не зря. Важно помнить об этом

9 июня 2013

На банкете Милана иссякла. Устала, как никогда ранее не уставала на людях. Она с трудом держала улыбку, отвечая на соболезнования и выслушивая чужие воспоминания об умершем. Говорить было сложно. Речь, произнесённая перед похоронами, забрала у неё все силы и красноречие, и Милана всё время переходила на английский, чем привлекала к себе ещё больше внимания.

Всё в ней было интересно людям, не скрывавшим за маской траура хищное любопытство. Состояние, которое она унаследует, обсуждалось вполголоса, но до Миланы долетали слова, которые так не хотелось слышать. Антонию было проще – его бизнес-репутация была безупречной, жизненная стратегия выверенной. Он говорил по-русски без акцента и с уместной ностальгией в синем взгляде рассказывал милые выдуманные истории детства.

Но Милана прекрасно осознавала, что их с Антонием мысли и чувства не занимали никого, кроме их самих. Деньги, бизнес, будущее компании – это беспокоило собравшихся больше всего. Возмущённая корыстью, осквернявшей светлую память деда, Милана объявила минуту молчания,

на время заткнув весь банкетный зал, ярко освещённый и заполненный оживлённым гулом. В краткой благословенной тишине она слушала чужие мысли, звучавшие в обращённых на неё взглядах, и думала о деде.

Как мало значит жизнь человека для тех, кто привык мыслить мёртвыми цифрами. 69 лет. Много пожил. Умер. С кем не бывает? Его нет, значит, нет смысла больше выдавливать из себя почтение. Самое время посчитать капитал и прикинуть, как пожил этот человек – в денежном эквиваленте, конечно же. Духовные накопления учёту не подлежат, да и не интересны они никому – слишком лично. Деда больше нет, и его деньги тут же обезличились, став шуршащими фантиками, в которые скоро будут завернуты совершенно другие идеи и приобретения...

Три испытания даны человеку: огонь, вода и медные трубы. Выдержать все, сохранив в себе всё лучшее – чистое и духовное, с чем мы рождены, – вот наша задача. Любовь уже спалила мне нервы, слава оглушила разум и выбила из времени, но деньги никогда не станут настоящим испытанием. Деньги – вода. Сегодня есть, завтра нет. Можно утолить жажду, можно вымочить руки в их непрекращающемся потоке, а они, беспристрастные, перейдут к новым хозяевам.

Деньги не несут в мир ни добра, ни зла. Они совершенно нейтральны, пока их не коснётся временный владелец, превращающий чувства в действия, мысли в слова, цели в ре-

зультаты. Деньги чисты и пахнут безразличием, а мы пачкаем их своими грязными помыслами и мелкими задачами...

Разве меня не испортили деньги? Разве, став миллионершей, я не утратила ту духовную связь со своей семьёй, которой раньше так дорожила? Эта вода размывает родственные узы – вот главная её беда. Финансовая самостоятельность питает независимость, самодостаточность пестует эгоизм, по итогу – полная неблагодарность и душевная скупость при нескромно зелёных банковских счетах...

– Прикинь, да? Там лобстеры, здесь буйабес. И светскость всем подавай... Официанты должны быть расторопны, но не суетливы...

Гена Смирнов сидел рядом с Миланой и пытался отвлечь её разговорами на сторонние темы. Милана, у которой деньги и бизнес вызывали временное отторжение, располагаясь молчала и слушала Смирнова. Гена, в отличие от многих других собравшихся, не колот её вилкой своего обострённого любопытства и не спрашивал про Джея, о котором Милана боялась даже думать, не желая пачкать светлые воспоминания своими тяжёлыми эмоциями.

– Ген, прикинь, нас когда-то тоже не будет, — сказала она, задумчиво отпив воду.

Смирнов замолк на мгновение и посмотрел в свою тарелку.

– Ну, пока мы тут, ты должна оценить мой ресторан, — неожиданно быстро нашёлся он.

Милана улыбнулась.

– На днях заеду, — пообещала она.

Гена, довольный её ответом, продолжил приглушённо возмущаться. Причиной его недовольства был московский продуктовый ряд, логистика и конкуренты. Смирнов любил мыслить вслух, проговаривая возможные решения своих проблем, и Милана, прекрасно знавшая об этой его особенности, методично кивала, не вникая в суть.

Сидим такие весёлые и деловые. Считаем доллары, евро, фунты, рубли. Вон та восемнадцатилетняя, что пришла с Валентином Петровичем, одним из деловых партнёров деду, ещё и калории считает, похоже. Считаем ли мы время? То, которое во много раз более ценное, чем все деньги мира. То, которое нельзя ни вернуть, ни купить, ни исправить...

Нет, мы боимся о нём думать, потому что к этому счёту у нас нет доступа. Эта сфера расходов нам не подвластна. Невозможно проверить баланс времени и пополнить его, так же, как невозможно перевести несколько дней или лет на чужой счёт. Время не сохраняется и не увеличивается. Его можно только обменять – на деньги, опыт, знания, впечатления. Или потратить впустую. Мы не в силах контролировать количество отведённых нам дней, но мы в ответе за качество каждого проживаемого нами мгновенья.

Наполняем ли мы наше время должной ценностью? Время, как деньги, каждый тратит на своё. Кто-то инвестирует в будущее, которое может не наступить. Кто-то со-

рит им так, словно это – мусор. Кто-то просто не придаёт ему значения, уверенный в его постоянстве и неограниченности. Только время, в отличие от денег, не сбережётся – мы обречены его тратить. Каждый день, каждый час приближает нас к черте банкротства. Все мы израсходуем эту жизнь без остатка, но кто-то промотает впустую, а кто-то сделает ценный вклад в этот мир и в неотъемлемое богатство собственной души...

Двигатель жизни – её конечность. Это неизбежно. Ценим момент.

Никто не знает, сколько продлится его новая любовь, что ждёт его завтра, чем закончится история его жизни. И это определённо к лучшему, ведь некоторое знание омрачает безоблачность счастья. Надо управлять процессом, не делая ставку на неподвластный нам результат, прожить мгновения со вкусом, получать удовольствие и не быть небрежными к моментам собственной жизни. Умирают ведь не только от болезней и старости. Ещё чаще умирают при жизни. Не живут, а бездействуют, прожигая бесценное время и хороня самих себя под тщетностью своих пустых дней.

А время и мир вокруг одинаково существуют и с нами, и без нас. Им нет до нас дела. Так же, как людям, собравшимся за этим столом и с аппетитом обсуждающим свои насущные дела, уже нет никакого дела до покойника, который совсем недавно играл в их жизни свою неоценимо важ-

ную роль. Дед покинул сцену, но спектакль продолжается. Правда, он заметно подешевел, но актёрам по душе эта вольность.

А мне? А я уже некоторое время зритель в собственной жизни. Смотрю и понимаю, что та же сцена может быть разыграна и без меня. От этого осознания становится страшно пусто и горько стыдно. Что я оставлю после себя? Сотни фотографий, несколько клипов, странички в социальных сетях, интервью в глянце, ссылки в поисковиках, интернет-магазин, две коллекции модных вещей, слухи и скандалы... Вроде бы много всего, но непростительно мало для Смоленской, которая должна унаследовать большую требовательность к своим достижениям.

Все мы на своём месте. Все мы рождены не зря. Если помнить об этом, можно даже сделать что-то полезное в своей жизни и в этом мире...

Пора вести себя в соответствии со своим возрастом и статусом

9 июня 2013

Еду на скорости и смотрю на огоньки, наслаждаясь оптической иллюзией. Мир вокруг так красиво преломляется, когда в глазах стоят слёзы...

Они с Антонием молчали на заднем сидении Rolls-Royce и слушали ночь, изливающуюся скорбным потоком сочных капель. Стёкла машины, искристые от дождя, переливались алмазами в свете ночного города. Москва казалась Милане одним смазанным цветовым пятном, мелькающим перед глазами от частого моргания.

– Валентин Петрович развёлся? – спросила она, отвлекаясь от своих мыслей.

– Нет, – не сразу отозвался Антоний.

Милана шумно выдохнула и покачала головой.

– Тебе то что? – удивился брат, взглянув на неё.

– Было бы ничего, если бы я лично не знала его жену и маленьких дочерей! – ответила Милана более раздражённо, чем того ожидал Антоний.

– Они в Италии. А ты, оказывается, поборник нравов, – улыбнулся он.

– Не люблю измены.

Милана посмотрела в окно, стараясь не думать о слухах, окруживших её, и о том, в какие из них успел поверить Джей.

– Речь хорошая была, – помолчав, сказал Антоний. – Думал, ты уже забыла русский.

Милана фыркнула.

– Забыла немного. Полночи сочиняла текст, – призналась она.

На каком языке мои мысли, если с русским такая беда? Если они на языке чувств, то почему тогда я не слышу себя?

– Может, найдёшь общий язык с Бруствером, – неожиданно сказал брат.

– С кем? – не поняла Милана.

– Познакомлю, – пообещал Антоний с загадочным видом.

Оставшиеся пятнадцать минут они ехали молча. Милана инстаграмила, выкладывая фотографии из нью-йоркского архива и создавая видимость нормальной жизни, а Антоний наблюдал за ней, слушая стук дождя.

Когда, наконец, они вошли в пентхаус Антония, Милана впервые почувствовала себя свободной и защищённой от всего внешнего и подавляющего. После похорон она поняла, что не выдержит одиночество в своём гостиничном номере и, не раздумывая, приняла приглашение брата временно пожить у него. Оказавшись в уютно просторных апартаментах, она мгновенно убедилась в правильности своего решения.

– Nice place¹⁸, – сказала Милана, пройдя в гостиную вслед за ним.

– Ужин сейчас будет, – Антоний взглянул на часы. – По-дождём здесь?

Милана кивнула и опустилась на тёмно-синий диван, с интересом глядя по сторонам.

– Точно, – брат улыбнулся и громко рывкнул. – Бруствер!
Милана вздрогнула, где-то в отдалении что-то глухо упало, послышался приближающийся стук когтистых лап по паркету. Заинтригованная, Милана повернулась лицом к арке, в которую через мгновение вбежал немного неожиданный пёс.

– Aw-w-w, – протянула она, наблюдая за сценой приветствия Антония и Бруствера.

Когда собака облизывает хозяина, я умиляюсь. Если она облизнет меня, меня стошнит.

– Бруствер, это Милана, – громко и отчётливо сказал Антоний.

Бассет принялся к ней и выразил готовность познакомиться поближе.

– Бруствер, go, kiss Tony¹⁹, – предупредительно послала его Милана.

Но деловой бассет, пренебрегая правилами приличия, забрался на диван и, сделав несколько затяжек на чёрном

¹⁸ Милое место.

¹⁹ Бруствер, иди, поцелуй Тони.

Christian Lacroix, добрался к лицу фарфорово-кукольной особы. Тщательно облизанная любвеобильным псом, Милана несколько мгновений сидела зажмурившись. Затем вдруг разрыдалась.

– Милана? – Антоний сел рядом с ней на диван и согнал бассета на пол. – Ты чего?

– Мы хотели завести соб-ба-а-аку, – всхлипнула она, не в силах совладать с собой. – We were so happy²⁰...

Бруствер, прочувствовав пронзительную трагичность момента, положил свою понимающую голову ей на колени.

– Чё? – переспросил Антоний, не разобрав бессвязные всхлипы сестры.

Милана покачала головой, смаргивая раздражающе чистые слёзы.

– Ты вообще о ком плачешь?

Она пожала плечами, пристыжённая тем, что в день похорон деда скорбела по иной утрате.

– Ужин готов, Антоний Георгиевич, – объявила вошедшая в гостиную горничная.

– Спасибо, Елизавета.

Милана громко всхлипнула и спрятала лицо в ладонях. Бруствер вывел протяжно тоскливую ноту, аккомпанируя ей в горе. Антоний обнял сестру за плечи, перепоручив ей выплакать все слёзы, которые положено было пролить в этот опустошающе скорбный день. Милана шмыгнула но-

²⁰ Мы были так счастливы...

сом, чихнула и довольно быстро успокоилась.

Поплакала по-детски, а теперь пора вести себя в соответствии со своим возрастом и статусом. Дождь закончился. Я превзошла стихию.

Я теряю всё, что люблю. Потому что я дура

9 июня 2013

Милана пришла к ужину в сухом настроении, села за стол напротив брата и, кашлянув, сказала:

– Sorry.

Он налил ей вина, и она некоторое время молча потягивала «Шардоне», не решаясь поднять глаза и начать разговор.

– Ты ничего не ела сегодня, – напомнил Антоний.

– Извини, – повторила Милана уже по-русски. – Не голодна.

– Ты очень похудела.

Она посмотрела на него.

Радоваться или грустить? Наверное, второе. Худеть – от слова «худо». Мне и вправду плохо. Крутая жизнь, отличное начало лета – довела себя до состояния скелета.

– Это выгодно, – Милана постаралась звучать бодро.

– У тебя достаточно денег, чтобы не страдать этой фигнёй, – назидательно изрёк Антоний.

– Nothing tastes as good, as skinny feels,²¹ – процитировала Милана, думая о Кейт Мосс.

²¹ Нет ничего вкуснее, чем быть худой.

– Nothing tastes as good as tasty food²². Либо ты это съешь...

– Либо это съешь ты. Не угрожай мне едой, – Милана улыбнулась.

Брат окинул её долгим раздражающе внимательным взглядом и неожиданно заключил:

– Ты выглядишь зрело, так веди себя должным образом.

Вечные девочки смотрятся жалко.

– Вечные девочки?! – Милана чуть не поперхнулась вином.

Возмущённо кашлянув, она поставила свой бокал на стол и посмотрела Антонию в глаза. Он улыбался.

– Да, Милан. Тебе 22, и завтра в полдень твой банковский счёт проломится от свежего вливания наследного капитала. Пора быть немного серьёзней.

– А я серьёзная. Стоп. Ты про Ибицу? – поморщившись, утонула она.

– Про тебя, – всё тем же тоном сказал Антоний. – Ещё полгода такой жизни, и ты обойдёшь Пэрис.

– Это слухи, Тони, – улыбнулась Милана.

– Когда слухи такие громкие, у правды велик риск быть не услышанной, – отметил Антоний.

Милана фыркнула и сделала новый глоток вина, разбавляя свои едко-горькие мысли.

– У меня проблема, Тони, – призналась она, не глядя брату в глаза.

²² Нет ничего вкуснее, чем вкусная еда.

– А что ты сделала, чтобы её не было? – спросил он.

Она удивлённо посмотрела на него.

– Ты даже не спросил, какая у меня проблема...

– Затянувшаяся, – уверенно сказал Антоний.

– А ты прав, – подтвердила Милана.

– А я знаю.

Некоторое время они молчали. Антоний с аппетитом ел свою рыбу, Милана с медленным изяществом допивала одинокое вино.

– Знаешь, я уже месяцев восемь не равна себе. Я как бы вне времени и вне себя. Существую в соответствии с чужими ожиданиями, не слышу свои желания, отстаю от жизни...

– Зачем ты мне это говоришь? – уточнил Антоний, неожиданно сильно напомнив ей деда.

– Ты спрашиваешь, ты слушаешь, – грустно улыбнулась Милана.

– Ты не с Джемом Джонсом?

Милана решительно допила вино и отрицательно покачала головой.

– Я теряю всё, что люблю, – тихо сказала она.

– Не думал, что у вас всё так серьёзно. Чё расстались?

– Потому что я дура.

Антоний посмотрел на неё, словно желая возразить. Невзирая на все их противоречия, он считал Милану зрелой и сильной натурой с отточенной самокритичностью и чистым любящим сердцем.

– Не ретушируй свою критику, Тони, – Милана покачала головой. – Я знаю, что ты того же мнения. Все, кто умеет думать, считают меня тупой. Я сама себя бешу. Завтра говори мне всё, что хочешь, но сегодня ты мне очень нужен понимающим.

– И чего конкретно ты от меня хочешь? – Антоний с интересом посмотрел на неё.

– Давай вместе посмотрим «Король лев»? – предложила Милана с детским блеском в уставших глазах.

Справиться с трудным помогает лёгкое. Брат улыбнулся и согласился.

После ужина они устроились в просторном кинозале, утонув в мягких подушках, и смотрели любимый мультфильм детства. Милана плакала и озвучивала самые трогательные сцены, которые знала наизусть. Никто ещё не пел «*Naikuna Matata*» таким убитым голосом. Антоний не ограничивал свободу её самовыражения. Экспрессивная искренность сестры компенсировала его эмоциональную сдержанность.

Взаимная душевная помощь – вот основа истинной любви.

Джей дал мне свободу, чтобы я смогла понять, что такое жить без него

10 июня 2013

Ночь пролилась дождём. Печаль иссушилась слезами. Серый понедельник напомнил о делах...

Встреча с юристом была назначена на десять утра. Милана, усердно практиковавшая бессонницу, провела часы ночного бодрствования за сложными раздумьями на отложенные темы.

Мыслю, значит, существую. Существую, но не живу. Зачем Джей дал мне эту свободу? Чтобы я смогла понять, что такое жить без него, в рабстве у метаний собственной души, единожды уже обретшей счастье. Он позволил мне во всём убедиться самой, и сейчас мне его ужасно не хватает. Когда смысл жизни живёт в Лос-Анджелесе, можно случайно прожить свою жизнь без смысла. Убедилась в этом на долгом опыте. Защитила свою мечту от самой себя, сделав её неисполнимой. Что теперь?

Лететь!!!

Милана споткнулась о Бруствера и чуть не упала с лестницы.

– Земляная насыпь, блин, – буркнула она.

– Где? – спросил Антоний, заставив Милану вздрогнуть от неожиданности.

Брат дожидался её в холле первого этажа, листая какие-то бумаги. Этот хладнокровный, всегда собранный и сдержанный владелец Patek Philippe, Hublot, Rolex и двух Audemars Piguet, ценил время и обладал поистине швейцарской пунктуальностью.

– Бруствер! – сердито пояснила она.

Сзади раздался радостный лай, и пёс спустился к завтраку, опередив Милану.

– Скажи мне, Тони, зачем люди заводят питомцев, которые путаются под ногами? – спросила Милана, с облегчением ступив на устойчивый паркет.

– Чтобы подтвердить закон Ньютона, – невозмутимо пояснил Антоний.

– Какой закон? – не поняла Милана, подумав о падающих яблоках.

– Всё ли улетевшее удачно приземляется, – сдерживая улыбку, брат встал с кресла.

– Жестокий ты, – Милана неодобрительно покачала головой. – Брусти, come to mama.²³

Бруствер, радостно виляя хвостом, подбежал к Милане и получил порцию показательной нежности. Антоний наблюдал за ними.

– Знаешь, зачем я его завёл?

²³ Брусти, иди к маме.

Сестра вопросительно посмотрела на него снизу вверх, продолжая мять улыбчивую собачью морду.

– Он смотрит на меня с искренностью. Пусть и взгляд тупой.

– Я тоже смотрю на тебя с искренностью, – сказала Милана, ревниво покосившись на крайне дружелюбного пса.

– Поэтому ты здесь живёшь, – улыбнулся Антоний, заметив её беспокойство.

– А какой у меня тогда взгляд? – спросила Милана, выпрямившись во весь свой модельно-каблучный рост.

– Тусклый, – честно признал Антоний.

– Thanks, – иронично улыбнулась Милана.

Порой я завидую своему телефону. Хочется увеличить свою яркость, как в iPhone, но в реальной жизни для этого мало одного движения пальцем по экрану. По жизни вообще лучше не скользить, чтобы не опустеть и не обесцветиться.

– Ты по-прежнему не ешь? – спросил Антоний, когда все наконец-то собрались в столовой.

– Я кормлю Бруствера, – Милана посмотрела по сторонам.

– Он уже поел в своей комнате.

– Бр-р-русти, – призывно промурлыкала Милана.

– Не развращай моего бассета подобными кличками, – строго сказал Антоний. – И ешь то, что тебе предназначено.

Милана взглянула на него и, вздохнув, отпила кофе. Бруствер устроился рядом и стал выжидательно смотреть

на Милану.

– А почему ты его так назвал? – спросила она, чувствуя на себе заискивающий собачий взгляд.

– Надо было выбрать имя на «Бру», – пояснил Антоний, невозмутимо приступив к омлету.

– Почему не Брузер? – уточнила Милана, вспомнив свой несостоявшийся полёт с лестницы.

Антоний посмотрел на неё и рассмеялся.

– Я не держу угрозу у себя дома.

– Тогда мне лучше съехать, – вздохнула она.

– Ты уже съехала, – отметил Антоний. – С катушек.

Милана решила зажевать обиду омлетом. Антоний, удовлетворённый своими успехами дрессировщика, завтракал с аппетитом и расспрашивал Милану об интернет-магазине, который вошёл в десятку лучших онлайн аутлетов.

– Сделаешь ещё одну коллекцию? – спросил он.

– Да, – кивнула Милана. – Нижнего белья. «Naked truth²⁴».

– Интересно, – улыбнулся Антоний. – Чё вдруг?

– Накипело, – честно сказала Милана. – К тому же, одна марка предлагает сотрудничество. Им понравился мой клип на YouTube.

– Какой клип? – не понял Антоний.

– Fuck, – сказала Милана и быстро добавила. – Старый клип.

– Клип Джея?

²⁴ Голая правда.

Она опустила глаза, сосредоточившись на своём омлете.

– Чё ты в кино ничего не сыграла? – спросил Антоний, неловко сменив тему и напомнив Милане о кастинге.

– У меня слишком строгая красота для Голливуда, – с достоинством произнесла она.

– У тебя силиконовая грудь, – в тон ей ответил Антоний.

– Oh fuck you! – Милана рассмеялась, не в силах возражать.

Настроение, выровненное братом, улучшилось при участии Бруствера – главного актёра аварийных комедий. Милана вновь споткнулась через него по пути в холл. Бассет, предпочитавший этот жёсткий вид экстремального массажа, бодро протрусил мимо неё в гостиную, где устроился на диване с благодушно расслабленным видом.

– Брузер, – твёрдо решила Милана, потирая ушибленную ногу и успокаивая ускорившееся сердце. *К дверным косякам прибавилась земляная насыпь. Далеко пойдём? Скорее – полетим!*

...По-моему, бассет проживает жизнь, о которой мечтает Антоний. Бездельничает весь день среди мягких подушек, ест, когда хочет, и ни о чём не заморачивается...

– Тони, а у Брузера есть любовь? – спросила Милана, когда они спустились на подземную парковку и сели в Rolls-Royce.

Чтобы было о чём заморачиваться.

– Займись этим, – посоветовал брат.

– Я серьёзно! – воскликнула Милана. – Джулия, моя подруга-модель, летала в Дрезден, чтобы устроить личную жизнь своего терьера.

– А я летал в Дрезден, чтобы решать дела своей компании, – невозмутимо парировал Антоний.

Милана покачала головой.

– Ты пренебрегаешь его интересами! – продолжила она всё с той же экспрессией. – Это очень неправильно! То, что данный вопрос кажется тебе незначительным, ещё не делает его маленьким в глазах Брузера, который доверил тебе свою жизнь и своё счастье.

– Я разберусь с интересами Бруствера, – пообещал Антоний, слушая её с раздражающе знакомой проницательной улыбкой. – А тебе детей пора воспитывать.

– Ты старше, ты и женись, – огрызнулась Милана.

– Жени Бруствера, – парировал Антоний.

– Брузера.

Всю дорогу до юриста они ехала молча. Антоний, погружившийся в свои будничные мысли, не заметил перемены в настроении сестры. Милана неотрывно смотрела в окно. На светофоре она увидела, как по тротуару шла группка беззаботных мальчишек лет семи, и улыбнулась их свободе.

Вот она – прелесть детства, когда большая проблема – это двойка, а счастье – шоколадный батончик Сникерс. Как давно это было, как безвозвратно прошло. Теперь мои проблемы во много раз больше моих возможностей, и сублима-

ты счастья несравнимо более дорогостоящие.

Что ж, буду на досуге устраивать личные жизни питомцев. Милана-сводница. Брачное агентство «Pet-Love». К real love я, по-видимому, не готова.

Are you kidding me?! Tony is the boss!

10 июня 2013

– Мне? – переспросила Милана.

– Ей?

Антоний посмотрел на Владислава, в компетентности которого ничуть не сомневался до последней пары минут. Завещание было зачитано в присутствии обоих наследников и стало для них полным сюрпризом.

– Да, всё верно, – кивнул Владислав. – Милане Георгиевне Смоленской переходит контрольный пакет акций «Строй-Инвеста».

– Whoa! Are you kidding me?! – громко уточнила американизированная Милана. – Tony is the boss²⁵. Он всех строит.

– Антонию переходит Maybach и...

– Антонию переходит бизнес, – твёрдо сказала Милана.

Владислав удивлённо посмотрел на неё.

– Милана Георгиевна, вы вправе распоряжаться своим пакетом, как считаете нужным.

– Тогда я немедленно порекомендую его Антонию, – сказала Милана и обратилась к брату. – Tony, say something.²⁶

Антоний смотрел в окно. Ситуация казалась ему в высшей

²⁵ Эй! Вы чё, прикалываетесь? Тони – босс!

²⁶ Тони, скажи что-нибудь.

мере отвратительной для осмысления и недостойной комментариев. *Король справедливости... Как метко ты отметила, сестрёнка. Его последней волей была эта насмешка.*

Он чувствовал, хоть это и казалось глупым, что даже смерть деда не стёрла проклятую грань, с рождения разделявшую его с сестрой. Милана воцарилась в статусе любимейшего ангела и возглавила главное дело жизни деда, а он... Он был удостоен чести получить деньги на поддержание своей демонической сущности.

– Милана Георгиевна, дослушайте, пожалуйста. В вашу собственность переходит шале в Альпах, дом в Одинцовском районе, квартиры на Кутузовском проспекте, Тверской и Новинском бульваре, а также на Невском проспекте в Санкт-Петербурге. Частный самолёт переходит в совместную собственность с Антонием Георгиевичем.

– А мой номер в отеле? – сухо осведомилась Милана.

Антоний взглянул на неё.

– Что? – переспросил Владислав.

– Мой номер в отеле остаётся за мной?

– Сеть отелей Смоленских переходит в собственность Али ибн-Рашида.

– Выселил, – процедила Милана.

– Вам крупно повезло, Милана Георгиевна, если так можно выразиться, – сказал Владислав, отложив документ. – Дело в том, что во вторник ваш дед намеревался изменить завещание, в результате чего вы не могли бы распоряжаться

своим имуществом, будучи незамужней.

– Повезло? – воскликнула Милана.

– Извините, – тут же исправился Владислав.

– Это всё? – спросил Антоний.

– Да, – подтвердил Владислав.

– Нет, – возразила Милана.

– Пойдём, – сказал Антоний, поднимаясь со своего места.

– Завтра я приду к вам, – пригрозила Милана, не вставая с кресла. – В восемь.

– Завтра я... – начал Владислав, но под давлением взгляда Миланы набрал своего секретаря.

– Марина, завтра в восемь есть клиенты?

В ответ прозвучал энергичный женский голос:

– Да, Владислав Семёнович. Кириличев.

– Перенеси на среду.

– That's better!²⁷ – кивнула Милана и, довольная собой, покинула кабинет впереди брата.

В полном молчании они вышли из здания, сопровождаемые телохранителями. Серый спёртый воздух улицы ничуть не прояснил мысли.

– Давай заедем к Генке? – предложила Милана, как ни в чём не бывало. – У него на Тверской есть ресторан.

Антоний посмотрел на неё. В золотых Ray-Ban и ослепительно белом брючном костюме она излучала поистине голливудскую уверенность.

²⁷ Так-то лучше!

– Давай я тебя сфотаю, – предложил он.

– Сейчас?

Чётко очерченные брови Миланы вспорхнули над золотой оправой очков.

– Да, лучше сейчас. Там ещё никого не было с таким бездумно счастливым лицом, – сказал Антоний, глядя в золотые глаза сестры.

– Где? – непонимающе моргнула она.

– В списке «Forbes».

Милана белозубо рассмеялась, вызвав у Антония резкий приступ раздражения. *Ангел сияет искрящимся солнцем. Ангелу всё так легко достаётся.*

– Тони, ты же понимаешь, что никто в здравом уме не доверит мне управлять строительным бизнесом!

– Ты оглохла или вконец отупела? – спросил Антоний, остановившись у своего Роллса. – «В здравом уме и трезвой памяти», Милан.

Сестра замерла, напуганная его резким тоном.

– Мне не нужна эта доля, – тихо сказала она. – И недвижимость тоже не нужна. Только мой номер в отеле, а его у меня больше нет.

– Вот так трагедия, – фыркнул Антоний.

– Да что с тобой? – спросила она.

Он посмотрел на неё, не находя подходящих слов, чтобы выразить своё состояние, так напомилавшее детский раздрай семнадцатилетней давности.

Должен принять всю полноту горькой неудачи. Хотя радостней всего чувствовать ответственность за успех. Всё просто. Факты безразличны и холодны в своей юридической убедительности, но нахлынувшие эмоции выключают трезвый расчёт и здравый смысл.

Два рублёвых миллиардера молчали друг напротив друга, установив между собой двухметровую дистанцию и былую границу непреодолимых разногласий. Антоний в чёрном деловом костюме и Милана – в белом. Телохранители привычно безмолвствовали, прислушиваясь к шуму проезжавших по шоссе машин.

– Поехали к Смирнову в ресторан? Поговорим там, – снова предложила она.

– У меня есть работа, Милана, – сухо напомнил Антоний. – У тебя, кстати, тоже.

– Тони, я не хочу. Я хочу, чтобы ты руководил компанией, – почти взмолилась Милана.

– А я не хочу твоих подачек, поняла?

Чувства, облачившиеся в слова, не лгали. Милана, услышав искренность, кивнула и гордо развернулась на своих сверхвысоких каблуках.

– Ты куда? – спросил Антоний.

Но она, не оборачиваясь, быстро отдалялась от него. Слишком заметная в своём белом костюме, слишком яркая для серого дня, слишком богатая для спокойной жизни. Антоний проводил её долгим взглядом и сел в свой Rolls-

Роусе. День, начавшийся с триумфа, стремительно омрачился за полчаса.

То, что не высказал я, сильнее того, что сказал. У нас с ней по-прежнему несопоставимо разная цена успеха и поражения. Но это было слишком дорогое напоминание.

Эта утрата непосильна для моей издержавшейся души

10 июня 2013

*«На эгоизме мы учимся любви,
жертвуя частицей своего «я»
ради других»
Зигмунд Фрейд*

Шелест шин ласкал слух. Район был совершенно не знаком ей, но Милана упрямо углублялась в неизвестность. В беспорядочном потоке людей, живущих своей мелкопроблемной повседневностью, чувствовала себя белой вороной в золотых Ray-Ban. Безразличная ко всему внешнему, она смотрела только на серую дорогу под ногами и слушала свои мысли, заглушаемые шумом понедельника.

Очень много чебардашек спешит по своим делам. В этой суете чувствуешь себя неделовой и ущербной. Здесь так легко сойти с ума. Я должна любить Москву, но как же мне сейчас паршиво от безликого города, от людей, попадающих навстречу, от тошнотворных воспоминаний, от бесконечно серой сырости и безразличия... От одиночества. Чем больше людей вокруг, тем острее его ощущаешь.

Чётко быть деньгами. Они всегда всем нужны, они ни в ком не нуждаются. Люди определяют им ценность и схо-

дят из-за них с ума, а деньги шуршат и звенят, всегда востребованные и беспринципные, лакмусовые бумажки чужих пороков. Деньги нужно уметь тратить – они могут разорить душу, а могут обогатить ее. Они, подобно раствору искренности, проявляют людей, как фотографии, и не их вина в том, что плёнка бывает такая некачественная...

Мой банковский счёт не проломился от приливной волны свежих средств, а вот наши с Антонием отношения треснули, подобно клееной вазе. Деньги – вода, размывающая родственные узы, но я была так уверена, что наше с братом взаимопонимание основано на чём-то незыблемом и нематериальном. Неужели ошиблась?

Бизнес, деньги, сделки... Игры, которые играют людьми. Мы с Тони поссорились. Из-за чего, спрашивается? Мне не нужна ни строительная компания, ни недвижимость, ни джет. Я уже полтора года не пользуюсь семейными деньгами, сама зарабатываю и довольствуюсь тем, что имею. А теперь получила то, о чём даже не мечтала, и оказалась королевой роскошной обречённости.

Богатство шепчет, а мне сейчас хочется кричать: оно так оглушительно громко и так неожиданно вторглось в мой мир. Тот самый случай, когда деньги лишь множат проблемы. Бездомная миллионерша ака строительный магнат. Всё как всегда. Чувствую себя кораблём, который отправили в дальнее плавание, но не дали навигационную карту и не предупредили о подводных скалах. Кругом одни шторм-

ма, а так хочется причалить к спокойному берегу. Но это – недостижимая мечта, если проблема в самом корабле, который даже в штиль качается и кренится.

Детство, окутанное амнезией, хранит в себе сотню ответов на вопросы, которые задаёт мне взрослая жизнь. Совершенно не могу понять поступок деда и отказываюсь принять последствия его прихоти. Во все времена люди расправлялись своими состояниями по-разному. До сегодняшнего дня я не знала более мудрого и справедливого человека, чем мой дед. Но уже час привыкаю к новому взгляду на ситуацию. Как странно он решил осчастливить своих наследников...

Все вроде бы на своих местах, но местами своими недовольны. Высокоуровневый спектакль жизни вышел из-под контроля, я оказалась на сцене и не знаю не только свою роль, но и жанр постановки. Более того, я совершенно точно не хочу играть в этой пьесе. Наверное, в этом проблема моего мировосприятия – отношусь к жизни, как к чему-то проходящему и постороннему. Но я и вправду не хочу вникать в эту новую реальность. Я многое пробовала и достигла почти всего, чего хотела, а то, чего мне не хватает, не купишь за все деньги мира.

Антоний, наоборот, всегда следовал единожды выбранным путём и выстроил свою собственную империю самодостаточности. Он должен управлять компанией, потому что он рулит своим миром. Он отрывал куклам головы, он

кричал на меня и называл дурой, он даёт мне свои машинки, он знает китайский. WTF?

Он мой старший брат, который спасает меня от раздвоя с собой. Хочет он того или нет, но я его ужасно ненавижу. Так ненавижу, что люблю. Наша семья – семь «я». По 3,5 в каждом. На этот раз я всё осознаю вовремя и не потеряю брата ни за какие деньги – эта утрата непосильна для моей издержавшейся души.

По сути, это и есть испытание жизнью. Надо уметь отделять материальное от духовного и дорожить тем, что не имеет денежной ценности, не скупясь при этом на эмоции и искренность. У нас так часто есть и деньги, и вещи, но нет отношений и взаимопонимания. Материальное вытесняет духовное вместо того, чтобы дополнять. Мы слишком часто экономим на чувствах.

Я постоянно живу в долгу у себя. Дарю себе моменты искренности, беру счастье в кредит и свободу под проценты, а по итогу... Внука строительного магната, а дома своего нет. И дело не в деньгах, дело во мне.

Я причина и следствие всех своих проблем. Не бывает плохих и хороших моментов – бывают ситуации, которые создают сами люди. В моей жизни были разные времена, и сейчас, похоже, я проживаю один из самых непростых периодов. Во многом, по своей вине.

Не стоит отчаиваться: пока есть жизнь, надо жить. С улыбкой. Собраться с силами, выбрать самую светлую

*и тёплую улыбку из тех, что готова предъявить миру,
и устремиться вперёд. Была бы цель – дорога найдётся!*

*Интересно, сколько дорог нужно пройти, чтобы достичь
счастья?*

Антоний – босс, а я модель. Надо купить что-то вкусное Брузеру

10 июня 2013

Крупные капли дождя посыпались с неба, сочными частыми точками падая на асфальт и туманя солнцезащитные очки. Милана посмотрела по сторонам и, увидев вывеску «Зоомагазин», пришла к первому мудрому решению.

Надо купить что-то вкусное и снюхаться с Брузером. И Антония тортом накормлю. Хочет он того или нет, но он босс, а я модель. Модель, которая любит Лос-Анджелес и нуждается в солнце! Ничто не возвращает к реальности лучше, чем дождь и натёртые ноги...

В магазинчике было пусто и пахло чем-то незнакомо уютным. Милая улыбчивая девушка-продавец спросила из-за прилавка:

– Здравствуйте. Вам что-нибудь подсказать?

– Fucking rainy today, isn't it? Чем кормят бассетов?

Милана окинула стеллажи изучающим взглядом, ожидая получить ответ на свой вопрос, но девушка молча разглядывала её.

– Что? – резко спросила Милана, раздражаясь её пристальным любопытством.

– Вы Милана Гусева? – робко уточнила продавец.

Милана удивлённо посмотрела на неё. *Гусевой меня уже так давно никто не называл...*

– Мы знакомы?

– Да, то есть, нет, – сбивчиво сказала девушка. – Я Маша, но вы этого, конечно же, не знаете. Два года назад я была сэндвичем.

– Кем-чем? – переспросила Милана, окончательно сбита с толку.

– Сэндвичем, – смущённо повторила Маша. – На Арбате. Два года назад. Чуть меньше.

Увидев полное непонимание в глазах Миланы, Маша быстро добавила:

– Вы подарили мне духи, которые рекламировали, вы были в белой футболке YSL.

Милана улыбнулась, смутно припоминая солнечный арбатский денёк.

– Тебе так лучше, – более дружелюбно сказала она.

– Как? – уточнила Маша.

– Так, – неопределённо ответила Милана, думая о сэндвичах и Брузере. – Так чем там кормят бассетов? И какой это адрес?

Несколько минут спустя Милана, вызвав такси, обсуждала собачьи деликатесы со словоохотливой Машей, которая смотрела на неё с той же преданностью во взгляде, что и бассет-хаунд.

– А я думала, вы в Нью-Йорке... – сказала она, встав

за кассу.

– А я в Нью-Йорке, – невозмутимо подтвердила Милана.

– Но вы же в Москве, – удивилась Маша.

– Недавно и недолго. Сдачи не надо.

– Но... – Маша попробовала возразить.

– Купишь себе сэндвич, – Милана улыбнулась.

Маша рассмеялась.

– Спасибо вам! А у вас бассет, да?

– У меня брат, – Милана направилась к выходу.

Не найдясь с ответом, Маша проводила её до двери. Колокольчик бодро звякнул на прощанье, несколько толстых капель стукнуло Милану по носу. Быстро сев в такси, она прикрыла глаза, слушая уютный дождик. Хотелось продолжить думать с нужной страницы, вернувшись к размышлениям, как к оставленной на время книге, но мысли непослушно сплелись в клубок противоречий, и потому она достала iPhone, чтобы выложить очередную архивную нью-йоркскую фотку в свой недремлющий Instagram-блог.

Мой телефон живёт более правильной и полноценной жизнью, чем я. Он знает триста номеров, хранит пять тысяч ярких фото-впечатлений, напевает беззаботные песни и постоянно кому-то нужен. А я уже даже не помню, что так старательно насобирала в него.

Мой телефон живёт за меня, и я ему так завидую...

Она слушала родной голос и молча глотала дождливые слёзы

10 июня 2013

Листая лос-анджелесские моменты и вспоминая за-предельное счастье августа, Милана так остро заскучала по Джею, что, достав наушники, включила плейлист его песен. Всю долгую дорогу до дома Антония она слушала самый родной голос и молча глотала дождливые слёзы.

Какие-то вещи понимаешь слишком поздно. Жаль, что истории отношений с некоторыми людьми невозможно переписать. Хотя, наверное, чтобы осознать ошибку, надо сначала допустить её. Я бежала от боли утраты, а сейчас с каждым днём мне ещё больней – от неизменно горьких сожалений и от обиды на себя. И потому я плачу по счетам. Плачу и плачу слезами своей печали. Плачу за свою глупость, которую не искупить деньгами...

И в этих расходах так легко иссякнуть... И деньги, и чувства тратятся, и те, и другие обесцениваются. По-настоящему богат тот, кто обладает тем, что нельзя купить. Я обеспечена от рождения, а вот своё истинное богатство мне ещё предстоит обрести. Всё, что для этого нужно, – быть реальной Миланой Смоленской. Оказывается, это так непросто. Естественность вообще сложная штука

ка. Натуральный макияж труднее всего наносить...

Дома Антония встретила странная картина. На полу в гостиной неподвижно лежала Милана в чёрных легинсах и чёрной футболке. На диване сидел Бруствер. Он смотрел на Милану свысока и подвывал музыке, оккупировавшей пентхаус. По словам горничной, Милана пребывала в таком состоянии уже около двух часов – с момента своего возвращения.

Бруствер, обрадованный появлением хозяина, наполнил комнату звонким лаем. Антоний сел на диван и, глядя бархатную спину благодарного пса, посмотрел на Милану.

– Что ты делаешь?

Она пошевелила пальцами левой ноги, подав первый признак жизни.

– Лежу.

– Просто лежишь? – уточнил он.

– Прилежно лежу.

Антоний улыбнулся и, узнав знакомую песню, спросил:

– Это Джей тебя так уложил?

Милана открыла глаза и посмотрела на него, но ничего не сказала. Антоний выключил музыку.

– Не-ет! Он вдохновляет меня! – горячо запротестовала она.

– Вижу. На полное ничегонеделание. По-моему, ты

не от любви страдаешь, а от безделья.

– Я не бездельничаю, я занимаюсь йогой, – обиделась Милана.

– И что это за поза? – с улыбкой спросил Антоний.

– Шавасана, – мрачно пояснила Милана. – Поза «трупа».

Relaxes me.

Она потянулась и села в позу лотоса. Бруствер гавкнул, приветствуя ожившую Милану.

– Съешь его, Брузи, – сказала она и, окинув Антония вызывающе наглым взглядом, добавила. – Хотя нет, лучше не ешь. Несварение будет.

– И её не ешь, – не остался в долгу Антоний. – Косточка в попе застрянет или силиконом подавишься.

Запутавшись в гастрономических тонкостях, Бруствер покинул диван и деловито вышел из гостиной.

– Ты какист! – заявила оскорблённая Милана.

– Ты Брустверу?

– Тебе, – сестра улыбнулась. – Это по-гречески, означает «наихудший».

– Ты знаешь греческий? – удивился Антоний.

– Я знаю тебя, – Милана встала и потянулась. – Ты какист.

– А ты фигня, – сказал Антоний.

– Фигня, сказанная значимыми людьми, – это значимая фигня, – намекнула Милана, глядя ему в глаза.

Поняв, к чему она клонит, и не желая извиняться, Антоний сменил тему.

– По-моему, ты увязла в эмоциях, – предположил он.

– С чего ты взял? – Милана села рядом с ним на диван.

– Посмотри на своё отражение и увидишь ответ.

Она провела рукой по щеке, убирая одну из чёрных дорожек, оставленных потёкшей тушью.

– Включаю, а он по-прежнему меня любит, – вздохнула

Милана, опустив глаза.

– Stereo-love?

Она пожала плечами, беззащитная в своём одиночестве.

Антоний признал, что у них намного больше общего

10 июня 2013

– Посмотри «Карты, деньги, два ствола». Вот там у ребят были конкретные проблемы. И ничё, справились, – подбодрил Антоний.

Милана фыркнула и, взглянув на него, рассмеялась.

– Thanks. Но мы с ними не поймём друг друга. Им нужны были деньги, а мне...

– А у тебя их много, – напомнил Антоний.

– Ты же поедешь со мной завтра в восемь к этому... завещателю?

Милана посмотрела на него с надеждой.

– Нет, – сказал Антоний, упрямый в своем неприятии обстоятельств.

– Да! – возразила Милана. – У тебя уникальная память на плохое, но некоторое прошлое лучше сливать, иначе накапливается shit и портится характер. Кстати, я купила торт, там много персиков, и они все мои.

Осмыслив её поток слов, Антоний улыбнулся. *В ней весь день ссорятся разум и детская наивность. Интересное зрелище.*

– Так ты не будешь жить в Москве? – спросил он, уступая

в первом раунде персики сестре.

– Нет, – твёрдо сказала Милана.

– Проясни, какое это «нет», – попросил он.

– В смысле? – Милана посмотрела на него.

– Это «нет» женское, детское или осмысленное?

Она рассмеялась.

– Это самое отрицательное «нет». Тони, не хочу тебя спешить, но тебе лучше поехать со мной завтра к юристу.

– Улетаешь?

– Хочу на Royal Ascot, – оживилась Милана. – I really miss London sometimes.²⁸

– Когда открытие?

– Восемнадцатого, – улыбнулась она. – А потом у меня съёмки, лифчики с бриллиантами, коллекции и контракты, закупки и аукционы, тёплое море...

Антоний прервал её мечтательную прогрессию прагматичным вопросом:

– Чё с домом будешь делать?

– А ты что хочешь?

Она посмотрела ему в глаза, и в этот момент Антоний признал ошибочность своих утренних суждений. Граница, прочерченная между ними в раннем детстве, окончательно растаяла, ушла вместе с человеком, создавшим и поддерживавшим её всю свою жизнь. Даже своей смертью он хотел разделить их, но Милана оказалась неблагодарно непокор-

²⁸ Иногда я реально скучаю по Лондону.

ной внучкой.

Когда твою жизнь продумали за тебя, самый удобный и приятный вариант – расслабиться и получать удовольствие, плыть по выбранному для тебя течению, точно зная, что оно не приведёт в канализацию. Однако стоит только единожды поступить по-своему, взять иной курс, отказаться от безмятежности и беспроблемности, как вся идиллия рушится. За одним выбором следует череда других ответственных решений. Ты больше не застрахован от ошибок. И от канализации. Даже странно, что моя сестра, привыкшая к роскоши, выбрала это рискованное свободное плавание. Странно, потому что это значит, что у нас намного больше общего, чем мне всегда казалось.

– Нам обоим надо об этом подумать, – предложил он.

Милана засияла и вновь приняла свою позу лотоса.

– Знаешь, йога для тебя слишком спокойная, – отметил Антоний. – Ты из-за неё заторможенная.

– Я jet-legged, – возразила Милана.

– Ты по жизни jet-legged, – хмыкнул Антоний.

– А ты какист, – буркнула сестра.

– А ты тормоз, – улыбнулся он.

– Я не тормоз! – воскликнула Милана.

– Так докажи, – сказал Антоний. – Если депрессируешь, ты через час будешь иметь ещё больше оснований, чтобы грустить. А если ты что-то делаешь, ты через час что-то делаешь.

– Через час я съем торт, – подумав, объявила Милана.

– Но уже без персиков, – уточнил Антоний.

– Дашь Гелик погонять? – попросила Милана.

– Слетаешь в Абу-Даби в конце недели? – неожиданно предложил Антоний.

– Зачем? – Милана удивлённо посмотрела на него.

– По бизнесу надо. У меня важные дела здесь, а ты знаешь французский и Али.

– Oh fuck you, – выдохнула Милана.

– Почему ты держишься за голову? – спросил Антоний.

– Взяла себя в руки, – пояснила сестра и радостно протянула. – Бру-у-узи!

Бруствер зашёл в гостиную и послушно подбежал к Милане.

– Съешь его, Брузи! – приказала она.

– Пойдём есть торт, – Антоний встал с дивана.

– Брузи, он тебя боится, – рассмеялась Милана, тетешкая пса.

– Бруствер, место! – скомандовал Антоний.

Бассет покосился на него и продолжил кайфовать в нежных руках Миланы, которая, щедро раскидываясь долями и квартирами, уверенно присвоила важную часть мира Антония, заняв место в его одиноком сердце и завоевав безраздельную преданность его бассета.

Неуверенные люди не водят Гелендваген

11 июня 2013

– Сначала заведи собаку, потом собака заведёт тебя, – задумчиво произнёс Антоний, наблюдая за громким спуском сестры с лестницы.

– Какой идиот назначил встречу на восемь? – сердито спросила Милана, оказавшись на первом этаже под громкий аккомпанемент Бруствера.

Пёс, посланный будить свою хозяйку, превосходно справился с порученной ему задачей, и Милана в чёрном спортивном костюме предстала перед глазами Антония в ярко освещённом холле. Не такая бархатная, как ткань её толстовки, и не такая изящная, как золотая вышивка на груди.

– Ты назначила, – напомнил Антоний и невозмутимо перевернул страницу делового еженедельника.

– А ты мог бы перенести, – промычала Милана, стиснув челюсти.

Бруствер громко гавкнул.

– Что? – спросила Милана и протяжно зевнула.

– Он говорит: «Кто рано встает...», – начал Антоний.

– Тот хочет спать, – закончила Милана.

Бруствер снова громко гавкнул.

– Он хочет погулять, – улыбнулся Антоний.

– Со мной? – спросила Милана, сонно смотревшая на противоположную стену.

– Вообще, моего бассета выгуливает охрана. Пожалуйста, не усложняй им задачу.

Предсказуемо, сестра вспыхнула:

– Брузер мой. От начала до конца. От носа до хвоста. От ушей до...

– Всё, понял. Идите гулять. Оба. Поводок надень.

– Куда?

Антоний молча встал с кресла и приготовил Бруствера к прогулке. Милана, наблюдавшая за процессом совершенно выключенным взглядом, вяло приняла в свои худые руки бразды правления бассетом.

– Бруствер, выгуляй Милану, – скомандовал Антоний.

И целеустремлённая собака мгновенно унесла хозяйку за собой. Когда за бодро-сонной парочкой закрылась дверь, в пентхаусе вновь воцарилась рассветная тишина. Антоний улыбнулся и взглянул на часы.

Пять утра. В это время суток она наиболее сговорчива и наименее обидчива. Надо запомнить.

Саундтрек утра: Royal XTC Remix_Fuck This Early Morning

Милана уже давно научилась высыпаться за два часа

и приходиться в норму за пятнадцать минут. Рецепт прост: контрастный душ, кубик льда для умывания и улыбка. *Включи искусственную бодрость, и она придёт естественно. Или заведи собаку.*

– Брузер – это самый быстрый способ «доброе» утро сделать «бодрым», – заявила Милана.

После двадцатиминутной пробежки по свежей безлюдной улице зелёного квартала Бруствер был доволен прогулкой, а Милана наконец-то включилась в жизнь.

– Кофе будешь? – улыбнулся Антоний.

– Я и завтракать хочу, вообще-то! – заявила Милана. – А что будет есть Брузи?

– Хочешь поменяться с ним местами? – пошутил Антоний.

Сестра задумчиво посмотрела на него.

– Не знаю, – сказала она. – Ему так конкретно по кайфу.

Удивлённый такой обречённостью, Антоний поинтересовался:

– Тебе что-то не нравится в твоей жизни?

Милана пожала плечами и села на корточки, чтобы быть на одном уровне с Бруствером, который ожидал порцию ласки.

– Если что-то не нравится, значит, ты знаешь, как можно жить лучше, – сказал Антоний.

– Рациус, не порти кайф, – попросила Милана, не глядя на брата.

– Кайфовая, нам скоро выезжать, – Антоний выразительно посмотрел на часы.

Милана вздохнула и, погладив пса, поднялась на ноги.

– Брузи, запомни. Когда в жизнь приходит бизнес, из жизни уходит жизнь.

– Бруствер, запомни. Чувство голода питает пессимизм.

Пёс звонко поддержал точку зрения Антония.

– Дайте мне десять минут, – попросила Милана.

– Пять, – уточнил Антоний.

– So busy, so sheezy, – тихо пропела она и направилась переодеваться.

Когда Милана пришла в столовую с двадцатиминутным опозданием, она была встречена лёгким раздражением:

– Пять минут? – Антоний продемонстрировал ей свои Patek Philippe.

– Ой, забыла тебе сообщить коэффициент срочности. В следующий раз умножай на шесть, – улыбнулась Милана и, встретившись с ним взглядом, добавила. – Не обижайся, я очень спешила.

Она села за стол и налила себе кофе. Одетая по-деловому, с безукоризненной укладкой и лёгким макияжем, Милана производила впечатление преуспевающей бизнес-леди с изысканно хромающей пунктуальностью.

– Почему твои пять минут – это двадцать три минуты? – спросил Антоний, приступив к завтраку.

– Потому что я сама себя не всегда догоняю, – призналась

Милана.

– В смысле?

– Бегать люблю, – пояснила она. – И вообще, все женщины немного опаздывают, разве ты не в курсе?

– Не все, – отметил Антоний, не без удовольствия наблюдая за Миланой.

– У тебя слишком точные часы, – отметила сестра, упрямо отстаивая своё право на опоздания.

– Когда работаешь на себя, острее чувствуешь цену времени и цену собственного бездействия, – подчёркнуто медленно сказал Антоний, апеллируя к деловой стороне Миланы.

– Я тоже работаю на себя, – оживилась Милана. – Одна из моих задач – выглядеть безупречно. Разве ты можешь упрекнуть меня в некомпетентности?

Она вызывающе улыбнулась, напрашиваясь на комплимент.

– В этом ты профессионал, – признал Антоний. – Но время у тебя какое-то космическое.

Милана рассмеялась и бодро хрустнула круассаном.

– Потому что я ещё не проснулась, – прожевав, сообщила она.

– Пей кофе, – сказал Антоний.

– Кстати, ты знал, что кофе – это второй по продаваемости продукт в мире. После нефти. Потому что это – энергия для людей.

– Думал, ты в Штатах на апельсиновый сок подсядешь, – сказал Антоний, не желая признавать большую осведомлённость сестры пусть даже в этом кофейном вопросе.

Милана улыбнулась.

– Американское «апельсиновое утро» – блестящий пример эффективной рекламы, – она с явным удовольствием делилась с ним приобретёнными знаниями. – Когда возникла проблема с реализацией апельсинов и соковыжималок, Альберт Ласкер объединил два неликвида и сделал апельсиновый сок одним из символов американского образа жизни.

– И потому ты верна кофе?

– А я сова, которой надо быть жаворонком.

Он рассмеялся.

– Кстати, Тони, насчет Абу-Даби... – Милана отпила кофе и посмотрела на него. – Я не уверена, что справлюсь.

Геолокацию своей волшебной сказки знаю и тщательно избегаю...

– Неуверенные люди не водят Гелендваген, – усмехнулся Антоний.

Милана продолжила магнитить его взглядом, исполненным надежд, но Антоний был непреклонен:

– В машине поговорим. Ты поведёшь.

Она покорно сосредоточилась на завтраке, продумывая аргументы в поддержку своей позиции. Выходя из столовой, Милана вновь споткнулась через бассета Антония, который, как нарочно, всё время попадался ей под ноги. На этот раз

она всё-таки потеряла равновесие.

– Упасть, отжаться, молодцом, – одобрил брат, подавая ей руку.

Милана встала и потёрла ушибленную коленку.

– Шутка. Шуточка. Шутёныш. Ну, Брузи, погоди, найду для тебя жену!

Бруствер быстро скрылся из вида, повиляв на прощание умильно виноватым хвостом. Обида растаяла вместе с остатками сонливости.

– Ты что-то хотела сказать насчёт Абу-Даби? – спросил Антоний, когда они сели в Гелендваген.

– Да, Тони, у меня была мысль, я даже хотела серьёзно поговорить. Но после Бруствера всё как-то вышибло, – сердито сказала Милана.

– Обычно вышибает дурь, – отметил Антоний. – А вообще восточная мудрость гласит: твой худший враг не нанесёт тебе большего вреда, чем твои собственные мысли.

После этой фразы они ехали молча.

Мне пора стать той собой, которой я могу быть довольна

11 июня 2013

Грани бесстыдства чужого любопытства слепят глаза. Раз в неделю я отвечаю на вопросы в Formspring, но уже давно не могу понять: разжижаю я сплетни своими ответами или, наоборот, концентрирую их. Похоже, мне лучше вообще уйти в тень и позволить облаку домыслов укрыть меня от взглядов тех, кто верит в самые бредовые слухи и совершенно не стремится понять или хотя бы немного узнать меня.

– Ты богаче Пэрис?

– Нет

– Твое любимое место в Москве?

– Мой дом

– Как ты относишься к российскому образованию?

– Не сужу о том, чего не знаю

– Не бесят тупые вопросы?

– Наоборот. Спасибо всем, кому видней, когда и как мне лучше жить.

– Как ты относишься к американцам?

– Не могу судить обо всех, но мне везет общаться с лучшими из них)

– У тебя совершенно бесполезная жизнь

– Как можно по одним только фото судить о жизни человека?

– Ты на Цветном живешь

– Расскажите мне, где я живу

– Чем ты залечиваешь душу? Шопингом? Клубами?

– Всё это опустошает. Восполняюсь книгами, любимыми фильмами, общением с близкими

– С кем ты в Москве?

– С братом

– Что-то изменится в твоей жизни, если ты перестанешь отвечать на эти вопросы?

– Не знаю. А в вашей?

Если честно, мне страшно выяснить это. Мне не хватает Джея, не хватает Кэндис, не хватает общения с искренними людьми, и потому я погружаюсь в социальные се-

ти, растворяясь в чужом видении себя. Конечно, это способствует популярности, увеличивает число моих подписчиков и покупателей, но не всегда цель оправдывает средства...

– Кто такой Сеня?

– Опечатка «меня».

Местные сводницы активизировались. Спасибо, iPhone. К Сене в постель меня ещё не укладывали...

Появилось больше вопросов на русском, на часть из которых нет никакого желания отвечать. И дело совсем не в языке, а в затрагиваемых темах... О, вот порция нормальности.

– Как твой бассет? Маша)

Милая искренняя Маша...

– Бодрые челюсти))

– Где твой дом?

– Там, где родные люди

– Кем ты хотела быть в детстве?

– Собой

– Ты не поняла вопрос

– Вы не поняли ответ

Больше всего в детстве мечтала быть собой, но никогда

не решалась. И сейчас та же проблема. Мне не надо быть кем-то. Я – это я. Пора стать той собой, которой я могу быть довольна.

Милана взглянула на неизменную стабильность впереди. Вечерняя пробка случилась неожиданно предсказуемо, и она уже некоторое время тупила в одиночестве, смело раздавая интервью и упорядочивая свои мысли.

Зашла в AppStore. Ничего не изменилось: мир по-прежнему ест и худеет, умнеет и развлекается. А в моей жизни столько всего произошло, что я оказалась прочно выбита из этой бездумной рутины потребления привычных благ. Вникаю в реальность, потому что понимаю, что живу не так, как хочу. Конкретно отстаю от своих желаний не на полчаса, а уже почти на восемь месяцев. *В машине играет Джейс, в мыслях тоже, и от этого ничуть не легче по-новому смотреть на вещи...*

Процесс перераспределения собственности потребовал больше времени, чем ожидала Милана. Ей предстояло вернуться в Москву после Royal Ascot и подписать ряд бумаг, которые никак нельзя было подготовить раньше. У Миланы оставался небольшой пакет акций, в необходимости которого Антоний убедил её ёмкой фразой «так будет лучше». Антоний получал всё, завещанное Милане, кроме денег и квартиры на Кутузовском, от которой он отказался.

– Там твои постеры, – напомнил брат. – Ты любишь это

место.

Она не сразу поняла, о чём именно он говорит, но, вспомнив кадры пятилетней давности, сделанные Бертрамом и выбранные при участии Лейлы и Камилы, Милана захотела заехать в квартиру, и провела там несколько часов, уснув за рассматриванием альбома с детскими фотографиями.

Постеры, висящие на стенах спальни, подавляли Милану. Она с трудом узнала себя в худой семнадцатилетней модели с пунцовыми губами и наивно серьёзным взглядом, сидящей за столиком парижского кафе в чёрном смокинге Yves Saint Laurent. Зелёные глаза смотрели в камеру и пытались выразить томную тоску, но в них не было ни зрелости, ни глубины, приобретённой с годами. Все мысли и чувства были на поверхности. Глаза отражали Париж, серый день и внешний мир. Внутренний мир ещё не начал выплёскиваться наружу и солнцезащитные очки ещё не стали необходимой мерой защиты искренности.

Глядя в глаза своему опыту, Милана вспомнила лицей и Мартину и вновь подумала о поездке в Абу-Даби, которая вызывала у неё самые противоречивые эмоции. С одной стороны, она прекрасно понимала необходимость своего присутствия – вопросы высшего уровня должен был решать кто-то из Смоленских. С другой стороны, ей было странно неловко предстать перед своим прошлым, и потому Милана по ходу придумала план, в абсурдности которого ничуть не сомневалась с момента падения через Брузера.

Ты модель, дизайнер и ты встречаешься с Джем

11 июня 2013

Деньги таят, как снежинки на тёплой ладони. А сейчас лето, и снег идёт редко.

Маша посмотрела на дисплей своего iPhone 4. Рабочий день подходил к концу, но ничего сколько-нибудь событийного не произошло за все восемь часов, наполненных писком хомячков и морских свинок. Покупатели, похожие на своих питомцев, сменяли один другого, приобретая корма и клетки, и не оставляя после себя ничего, кроме денег. Незабываемое явление Миланы Гусевой стало самым приятным событием за всё время, которое Маша провела за прилавком этого зоомагазина.

Неожиданно колокольчик над входом звякнул, вновь приветствуя эту нереальную посетительницу. В чёрном брючном костюме, с чёрной сумкой Louis Vuitton и в чёрных очках Ray-Ban она выглядела совершенно солнечной благодаря сияющей улыбке и золотым волосам, собранным в тугой пучок.

– Привет!

Милана сняла солнцезащитные очки и подошла к Маше.

– Ещё корм нужен? – спросила Маша, разглядывая Милану с нескрываемым любопытством.

Милана рассмеялась.

– Тебя кормить приехала, – с хитрым прищуром сказала она. – Хочешь в ресторан?

– Я? – удивлённо переспросила Маша.

Милана кивнула.

– Друг ресторан на Тверской открыл, а я обещала заехать, оценить. Но ты же знаешь, я не ем одна, и потому...

– Почему вы не ешь одна?

Милана снова рассмеялась. У неё был красивый мелодичный голос, необычный акцент и заразительно яркий смех.

– Для фигуры вредно. Едем? Или у тебя были какие-то другие планы?

Маша улыбнулась, не в силах осмыслить происходящее. Милана Гусева, она же Смоленская, вышагнула со страниц глянца, покинула виртуальность Instagram и решила заглянуть в маленький зоомагазинчик, чтобы позвать её, никому неизвестную Машу-провинциалку, в ресторан. *Бредово, следовательно, в это можно поверить.*

– Я сейчас. Только магазин закрою.

– Твой? – спросила Милана.

Маша отрицательно покачала головой и начала привычную суету. Милана увлечённо наблюдала за рыжими морскими свинками, весело резвящимися в просторной клетке.

– У них встроенный урчальник? – поинтересовалась она.

– Что? – не поняла Маша.

– Урчальник. Послушай, какой звук прикольный издают, –

Милана улыбнулась, неотрывно разглядывая забавных грызунов.

– Наслушалась уже...

– Awww, now I really want a guinea-pig²⁹, – вздохнула Милана.

– Купишь? – спросила Маша.

– Не-а, – Милана широко улыбнулась. – Моя жизнь too sheezy для pets³⁰. Сегодня тут, завтра... тоже тут, но послезавтра уже не тут. Я тебя в Гелике подожду, окей?

Не вникнув в сложную сеть миланских геолокаций, Маша кивнула, поправила свой будничный макияж, причесала взлохмаченные волосы и навсегда покинула урчащих питомцев, вернув ключи владельцу магазина, живущему в том же доме. Выбравшись из своей рутины, Маша наконец обратила лицо к своей сказке – той, что ожидала её в черном геленд-вагене.

День склонялся к вечеру, и в тёплых закатных лучах Mercedes класса мечты смотрелся особенно нереально. Милана громко посигналила ей, Маша поспешила занять своё место рядом с водителем и, едва она села, гелик с рыком отъехал от зоомагазина.

– Нравится Зверёк?

Не поняв, о чём идёт речь, Маша посмотрела по сторонам в поисках какого-нибудь чихуахуа или йоркширского терье-

²⁹ Ох, теперь я реально хочу морскую свинку.

³⁰ Моя жизнь слишком сумасшедшая для питомцев.

ра.

– Я про гелик, – пришла на помощь Милана.

– А-а, – Маша улыбнулась. – Нравится, да. Очень нравится. А почему зверёк? А кто это за нами едет?

Она заметила чёрный Range-Rover, неотрывно следовавший за их геликом.

– Охрана.

Маша удивлённо посмотрела на неё, но ничего не сказала. В салоне играла громкая музыка, Милана смотрела на дорогу и улыбалась, загородившись от внешнего мира тонированными стёклами, чёрными очками и децибелами чувств, заглушавшими мысли, подобно анестезии.

– Что ты знаешь про меня? – неожиданно спросила Милана.

– Ты модель и дизайнер, у тебя есть свой интернет-магазин и ты встречаешься с Джемом. Это же его песня, да?

– Three out of four³¹, – улыбнулась Милана.

– Вы с ним реально не вместе? – спросила Маша, упрямо не желавшая верить слухам.

– Реально, – помедлив, подтвердила Милана.

– Как жалко! – воскликнула Маша. – Вы как из рекламы Gucci Guilty.

– Fuck yeah, we're guilty³², – сказала Милана с лондонским акцентом.

³¹ Три из четырёх.

³² О да, мы виноваты (порочны).

– А почему расстались? – спросила Маша, не в силах обуздать своё любопытство.

Милана сделала музыку чуть тише и остановилась, смиренно вклинившись в пробку.

– А зачем тебе это знать?

Маша пожала плечами и посмотрела на свои ногти. Трёхдневный маникюр начал заметно портить настроение. Спрятав руки под свою сумку, она сказала:

– Вы красивая пара, на вас приятно смотреть.

Милана фыркнула и покачала головой.

– Sorry, что больше не радуем твой глаз.

– Да нет, ты неправильно меня поняла! – быстро сказала Маша, собираясь с мыслями. – Я не завистливая и не любопытная. Просто мне приятно, что кто-то проживает совершенную жизнь. Ты должна быть счастливой, ты же моя ролевая модель.

– Я? – Милана взглянула на неё. – Неожиданно.

– Я просто не выспалась сегодня, – смущённо оправдывалась Маша.

– Взаимно, – просияла в ответ неправдоподобно бодрая Милана. – Не понимаю, зачем люди стремятся в эту пробку.

– Конец рабочего дня, – объяснила Маша.

– Да я про Москву. Что здесь, что в Нью-Йорке так много мигрантов.

– Ты против мигрантов? – осторожно уточнила Маша.

– Не против, не за, – безразлично сказала Милана, посту-

кивая пальцами по рулю. – Сама по жизни мигрант. А ты?

– А я гостья столицы, – призналась Маша.

– И в этом мы с тобой похожи! – с довольным видом сказала Милана.

– Только в этом и похожи, – Маша улыбнулась.

Милана покосилась на неё.

– Тебе нравятся животные? – спросила она.

– Собак люблю. А что?

– А хомячков продаёшь от нечего делать?

– От нечего кушать.

Милана кивнула, словно получив подтверждение какой-то своей теории. Затем сделала музыку громче и приоткрыла окно, впуская в салон вечерний воздух. Вскоре, однако, она пожалела об опрометчивости своего поступка и, изолировавшись от внешних запахов, глубокомысленно изрекла:

– Пробки существуют, чтобы в них стоять, чтобы в них подумать, газом подышать.

Маша рассмеялась, ощутив близость взаимопонимания с этой эксцентричной лиричной моделью, так неожиданно вошедшей в её жизнь.

Моя лучшая подруга, чудом найденная в циничном мегаполисе

11 июня 2013

– Если думаешь, что счастье приходит под звук каблуков Louboutin – надевай мои туфли немедленно! Ой, sorry, я сегодня в Prada, – рассмеялась Милана.

Маша улыбнулась и отрицательно покачала головой.

– Быть такой, как ты, это целое искусство, – сказала она без тени иронии.

Милана улыбнулась. Зазвонил её телефон, и она, взглянув на часы, ответила. По отдельным репликам Маша поняла, что речь идёт о какой-то девушке, которую Милана с нежностью в голосе называла сукой.

– Скиньте фотку, я с ним поговорю, – сказала она на прощание и положила свой iPhone на стол.

Заметив внимательный взгляд Маши, Милана пояснила:

– С Брузером поговорю, девушку ему нашла.

– Ты будешь бассету фотки показывать? – уточнила Маша.

– У него же есть право выбора.

Маша не успела прокомментировать это необычное заявление, так как в это время к ним подошёл незнакомый парень и без приглашения сел за их столик.

– Ну, как тебе, Смоленская? – спросил он, обращаясь к Милане.

– Nice place, but where are your manners?³³ – строго спросила Милана.

– Oh, fuck, sorry³⁴, – он посмотрел на Машу и улыбнулся. – Геннадий Смирнов, знаменитый лондонский ресторатор и владелец этого высококлассного заведения.

– Отличающийся высококлассной скромностью и склонностью к масштабному преувеличению, – с улыбкой подхватила Милана.

– Смоленская, – сердито пробурчал Геннадий.

– Relax, Ген. Мы с тобой гиперболы офигенности. Огромные в своём величии, тщетные в своём тщеславии.

– Не согласен, – возразил Гена.

Маша рассмеялась, наблюдая за ними. Смирнов был улыбочивым и широколицым, его добрые серые глаза светились жизнеутверждающим оптимизмом, а русые волосы казались слегка взлохмаченными, вызывая желание пригладить их. Борясь с этим искушением, Маша посмотрела на Милану, элегантную и собранную в своём глянцево-совершенстве.

– Твоё право, Ген. Познакомься, это Мари, Мэри, Маша, – Милана улыбнулась. – Моя лучшая подруга, чудом найденная в этом циничном мегаполисе.

³³ Хорошее место, но где твои манеры?

³⁴ Ох, чёрт, прости.

– Очень приятно, – Гена окинул Машу оценивающим взглядом.

– Очень взаимно, – улыбнулась Маша.

– Не видел тебя раньше, – отметил Гена.

– Снова взаимно, – сказала Маша.

– Так, взаимность – это чудесно, но мы с Машей were talking³⁵, – мягко вмешалась Милана.

– А я так и понял, – сказал Гена. – Подошёл посидеть, поболтать. Раз в два года видимся. О, какие люди!

К их столику приближался ещё один парень. Высокий брюнет с правильными чертами лица и ярко-синими глазами, от взгляда которых сердце Маши забилось быстрее. По лицу Миланы скользнула лёгкая тень, но яркая улыбка Смоленской заставила Машу поверить в игру света.

– Можно? – спросил он, остановившись около свободного места.

– Садись, конечно, – разрешил Геннадий, старательно не глядя на Милану. – Маша – это Аркадий, Аркадий – это Маша. Маша – лучшая подруга Миланы.

– Привет, – брюнет скользнул по ней взглядом и переключился на Смоленскую, которая мило улыбалась, наслаждаясь своим сибасом.

– Соболезную, Милан, – сказал он с серьёзным видом.

Она благосклонно кивнула.

– Спасибо за поддержку, Аркадий.

³⁵ Разговаривали

– Ой, а что случилось? – спросила Маша.

Гена удивлённо посмотрел на неё.

– У тебя отличный ресторан, Гена, – Милана сгладила неловкость момента.

– А я купил Aventador, – зачем-то сказал Аркадий.

– Ты? – мягко уточнила Милана.

– Я, – улыбнулся он. – Хочешь покататься?

– Захочу – куплю, – Милана выделила интонацией второе слово, затем добавила. – Сама куплю.

Аркадий переглянулся с Геной, Милана опустила глаза и сосредоточилась на своём ужине. Маша, не успевая за смыслом, просто наслаждалась высококлассным представлением.

– Ты надолго в Москве? – спросил Аркадий.

– Уже улетаю, – сказала Милана.

– А ты? – Аркадий посмотрел на Машу.

Она почувствовала, что краснеет, но Милана быстро пришла на помощь:

– Она со мной летит. Как Миша?

– Строгов? – спросил Аркадий, вновь уделяя всё свое внимание безразличной блондинке, сидящей напротив него.

– Брат твой, Новиков, – холодно напомнила Милана.

– Новиков? Ты ресторатор? – спросила Маша, услышав знакомое имя.

– Я ресторатор, – поправил Гена.

– А ты кто? – спросил Аркадий, глядя на неё с лёгким

раздражением.

– Маша, – улыбнулась она, резко забыв свой социальный статус.

– Как твой брат, Кеша? – Милана вернула Аркадия к своему вопросу.

– Нормально он. Учится в Лондоне, – нехотя ответил Нювиков.

– Ты с ним общаешься? – строго спросила она.

– Тебе-то чё?

– Social talk, – Милана улыбнулась. – Прикольный он пацан.

– А я? – спросил Аркадий.

– И ты пацан, – сказала Милана, с вызовом посмотрев на него.

– Не офигела?

– Арчи, – вмешался деликатный Гена.

– Чё? – Аркадий посмотрел на него.

Маша почувствовала, как противоречивые эмоции овладели её душой. Что-то в Аркадии было непреодолимо привлекательным, что-то – резко отталкивающим.

– Ген, – Милана улыбнулась, пристально глядя в глаза другу.

– Понял-понял. Кеш, идём, – Геннадий нехотя встал из-за стола. – Приятного вечера, ladies.

– Благодарю, – Милана улыбнулась ему, игнорируя тяжёлый взгляд Аркадия.

– Спасибо, – просияла Маша.

– Очарован.

Гена улыбнулся ей и громко похлопал своего друга по плечу. Аркадий покинул сцену безо всяких прощальных реплик. Атмосфера вновь стала располагающе приятной, и Маша поняла, как сильно Милану напрягало состоявшееся общение. Теперь её лицо было мягким и расслабленным, тогда как несколько мгновений назад напоминало идеальную маску, не отражавшую ни малейших движений души.

В твои обязанности входит составить мне дружескую компанию

11 июня 2013

– Аркадий – твой бывший, да? – спросила Маша, не скрывая своих formspring-познаний.

Милана кивнула.

– Ничуть не изменился, – вздохнула она. – А годы идут...

Не зная, что ответить на это, Маша сказала:

– Ты ему нравишься.

– Знаю, – Милана улыбнулась. – Это тоже неизменно.

– Не хочешь с ним общаться?

Милана отрицательно покачала головой.

– Общаться с ним после Джея – всё равно, что есть чёрную икру серебряной ложкой.

– А надо золотой? – спросила Маша.

– Деревянной лучше, – сказала Милана.

– Шутишь?

– Серьёзно. Дабы сохранить те немногие хорошие воспоминания, что у меня остались после наших отношений, лучше не множить плохие.

– Да я про ложку, – перебила Маша.

– А-а, – Милана улыбнулась. – Нет, не шучу. Попробуешь, поймёшь разницу. Ты не ела чёрную икру, да?

Маша отрицательно покачала головой.

– Красную люблю. Красная – вкусная, чёрная – слишком пафосная.

– Не суди о том, чего не знаешь.

– Спасибо за совет, – улыбнулась Маша.

– Я не даю тебе совет – я даю тебе возможность попробовать, – поправила Милана.

И я совершенно не понимаю, за что мне такое счастье. Может, это всё игра? Чья-то изысканная шутка? Чем красивей складывается сказка, тем страшнее, что мираж рассеется.

– Милан, а у Аркадия какой бизнес? – спросила Маша, отвлекаясь от своих мрачных опасений.

– Мажорный, – неопределённо сказала Милана и улыбнулась, давая понять, что тема закрыта.

Маша кивнула и посмотрела по сторонам, стараясь как можно более незаметно изучать людей, ужинающих за соседними столиками.

– Здесь эпидермис олигархов какой-то, – сказала она.

– Что, прости?! – рассмеялась Милана.

– Ой, эпицентр, то есть, – смутилась Маша. – А ты знаешь Аликперовых?

– Ищешь общих знакомых? – улыбнулась Милана и неожиданно спросила. – Милая, а сколько ты получаешь на своей работе?

– Двадцатку, – сказала Маша.

– Баксов? – уточнила Милана.

Маша нервно рассмеялась.

– Рублей, – негромко сказала она. – Двадцать тысяч в месяц.

Некоторое время Милана смотрела на неё, чуть склонив голову набок, словно приходила к какому-то решению.

– Заплачу вдвое больше, если поедешь со мной в Абу-Даби.

– Что? – Маша удивлённо уставилась на Милану.

– Нанимаю тебя своим ассистентом, – с важным видом объявила Милана. – В твои обязанности входит составить мне дружескую компанию в деловой поездке. Мы посетим Абу-Даби, Дубай и, вероятно, заглянем в Эскот и Лондон. У тебя есть загранпаспорт?

Маша кивнула, не догнав мысль Миланы. Милана достала из своей сумки тёмно-коричневое кожаное портмоне.

– Отлично. Завтра завезёшь его по этому адресу.

Маша взяла протянутую ей визитку.

– Антоний Смоленский? – прочитала она и вопросительно посмотрела на Милану.

– Мой брат. Дашь паспорт его секретарю, она всё оформит. Я предупрежу, не волнуйся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.